

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ **№3(111)**

МОСКВА 2017

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2017. № 3. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач; д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора; академик РАН В.Л. Макаров; д.э.н., проф. С.П. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский; к.и.н. И.П. Смирнов; д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. К.А. Хубиев; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); член-корр. НАУ А.А. Гриценко; д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н. К.А. Зимарин; д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия); д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакционная коллегия:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова (научный редактор), А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов, С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына (редактор)

Организационно-техническое сопровождение:

О.Б. Лемешонок, Н.П. Недзвецкая, И.А. Ольховая, А.В. Осипова
Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496, e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2017

Содержание

Месяц май (<i>главный редактор</i>)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i> Криптопатозэкономика как достояние творящего человечества	11
<i>Д.А. Давыдов</i> Социальное государство в перспективе «будущего без работы»: «поставщик смысла» и/или гарант безусловного дохода?	19
<i>Е.В. Трифонов</i> В поисках парадигмы творческого развития человека	31
<i>Р.Е. Соколов</i> Философия хозяйства XXI века в социальных документах православной (РПЦ) и протестантских церквей России.....	41
<i>Я.И. Нисанов</i> Экономическая наука о человеке в проекции генерирования научных категорий: обзор на примере сравнительной лингвистики основных понятий философии хозяйства и демографии семейного домохозяйства.....	54
Раздел II. Экономическая теория	
<i>С.А. Дятлов</i> Энтропийные управленческие ловушки	61
<i>И.В. Пиеницын</i> Какая экономическая наука нужна России.....	77
<i>П.А. Покрытан</i> Неоиндустриализация как категорический императив развития России	85
<i>К.В. Молчанов</i> Стоимость: некоторые аспекты ее проблем и вопросы современного экономического познания	90
<i>А.П. Бабаев</i> Экономическая теория и политическая экономия в контексте вызовов XXI века.....	98
<i>Д.С. Головин</i> Противоречивое воздействие неэкономических факторов на модернизацию российской экономики	110
<i>С.В. Кадомцева, О.И. Кузнецова</i> Стимулирование развития малых инновационных предприятий в России.....	122
<i>Л.Р. Уляев</i> Необходимость комбинированного подхода к моделированию кризисных явлений на финансовом рынке	132
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i> Что значит сегодня мыслить по-новому?.....	141

<i>С.С. Мерзляков</i>	
Феномен ностальгирующего сознания.....	146
<i>Г.А. Логинов</i>	
Эффективность как определяющая ценность постмодерна	155
<i>А.Н. Нечухрин, С.В. Синяков</i>	
Как пишется история: размышления над методологическими построениями Р.Ю. Виппера	165
<i>К.В. Сенюткин</i>	
Новаторский консерватизм как альтернатива глобализации в выборе путей развития российского социума	180
<i>Е.В. Леденева</i>	
От Гегеля к неклассической философии.....	187
Раздел IV. Актуальное россиеведение	
<i>Н.И. Злыгостева</i>	
Почему нужна в России сильная власть? (проблема в контексте русской литературы).....	203
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Западничество в России: истоки и последствия	221
<i>В.В. Рышкус</i>	
О судьбе России	232
Раздел V. Пан-европейский компромисс	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Социально-экономические компромиссы на повестке мирового дня.....	241
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Компромиссы в экономике: старые варианты и новые возможности	244
<i>А.А. Гриценко</i>	
Концепция разделенно-совместного мира как методологическая основа пан-европейского компромисса.....	258
<i>Е.А. Гриценко</i>	
Верховенство права как компромисс между свободой и равенством	266
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Дж.М. Кейнс как провозвестник управляемой экономики.....	277
<i>Е.С. Зотова, Т.С. Сухина</i>	
Возможен ли пан-европейский компромисс? (дискуссия в Варшавском университете).....	280
<i>Ю.М. Осипов</i>	
История знает и зовет!.....	286
Наши авторы	295

Contents

The Month of May (<i>Chief Editor</i>).....	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Kriptoeconomic as Property of Creative Human.....	11
<i>D.A. Davydov</i>	
Social State in the Perspective of «the Future without Work»: «Supplier of Sense» and/or Guarantor of Unconditional Income?	19
<i>E.V. Trifonov</i>	
In Search of the Paradigm of Creative Development of Man.....	31
<i>R.E. Sokolov</i>	
Philosophy of Economy of the 21st Century in the Social Documents of the Orthodox (ROC) and Protestant Churches of Russia	41
<i>Ya.I. Nisanov</i>	
Economic Science of Man in the Projection of Generation of Scientific Categories: a Review on the Example of Comparative Linguistics and Basic concepts of the Philosophy of Economy and Demography Family Household.....	54
Part II. Economic Theory	
<i>S.A. Dyatlov</i>	
Entropy Management Traps	61
<i>I.V. Pshenitsin</i>	
What Economic Science does Russia Need?	77
<i>P.A. Pokrytan</i>	
Neoindustrialization as a Categorical Imperative of Development of Russia.....	85
<i>K.V. Molchanov</i>	
Value: Some Aspects of Its Problems and Issues of Modern Economic Cognition	90
<i>A.P. Babaev</i>	
Economic Theory and Political Economy in the Context of Challenges of the XXI Century	98
<i>D.S. Golovin</i>	
The Contradictory Impact of Non-Economic Factors on the Modernization of the Russian Economy	110
<i>S.V. Khadomtseva, O.I. Kuznetsova</i>	
Stimulation of the Development of Small Innovative Enterprises in Russia	122
<i>L.R. Ulyayev</i>	
The Need for a Combined Approach for the Modeling of Downturns in the Financial Market	132
Part III. Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
What Does the New Way of Thinking Mean Now?.....	141

<i>S.S. Merzlyakov</i>	
Nostalgic Mind Phenomena	146
<i>G.A. Loginov</i>	
Efficiency as the Determining Value in Postmodernity	155
<i>A.N. Nechurkhin, S.V. Sinyakov</i>	
How the Story is Written: Reflections on the Methodological Constructions of R.Yu. Wipper	165
<i>K.V. Senyutkin</i>	
Innovative Conservatism as a Globalization Alternative in the Choice of Ways of Development of the Russian Society	180
<i>E.V. Ledeneva</i>	
From Hegel to neoclassic philosophy	187
Part IV. Actual Russian Studies	
<i>N.I. Zlygosteva</i>	
Why Do We Need Strong Power in Russia? (A Problem in the Context of Russian Literature).....	203
<i>I.G. Shevchenko</i>	
Westernism in Russia: Origins and Consequences.....	221
<i>V.V. Ryshkus</i>	
On the Destiny of Russia	232
Part V. Pan-European Compromise	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Socio-Economic Trade-offs on the Agenda of the World Day	241
<i>V.T. Ryazanov</i>	
Trade-offs in the Economy: Old Options and New Opportunities	244
<i>A.A. Gritsenko</i>	
The Concept of Divided-joint World as the Methodological Basis of a Pan-European Compromise	258
<i>E.A. Gritsenko</i>	
The Rule of Law as Compromise between Freedom and Equality	266
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
J.M. Keynes as the Harbinger of a Managed Economy	277
<i>E.S. Zotova, T.S. Sukhina</i>	
Is Pan-European Compromise Possible? (Discussion in the Warsaw University)	280
<i>Yu.M. Osipov</i>	
History Knows and Calls!.....	286
Our Authors	295

Месяц май

Май в Средней России — месяц цветения черемухи и сирени, а для всей России — Первомая и Великой Победы, для нас же — ученых — время подготовки и сдачи в печать очередного номера, третьего в 2017 г., журнала «Философия хозяйства». А в текущем мае 2017 г. еще и время начала работы созданного приказом ректора МГУ академика В.А. Садовниченко междисциплинарного **Научного совета «Центр общественных наук МГУ»**, наследующего в своей деятельности упраздненный по внешним реорганизационным обстоятельствам в июне 2016 г. *Центр общественных наук при МГУ (1990—2016)*.

21 мая 2017 г. — день первого заседания Совета ЦОН МГУ, на котором были обсуждены концепция, регламент и характер деятельности Совета, перспективы его работы в ближайшем будущем.

Как наследник ЦОН при МГУ, Совет ЦОН МГУ намерен продолжать проводить ставшие привычными конференции и семинары, публиковать традиционные сборники и монографии, а также издавать совместно с экономическим факультетом МГУ высоко зарекомендовавший себя журнал «Философия хозяйства», а также Совет берет на себя миссию головного центра-организатора, хоть и не супермассового, но зато достаточно многочисленного, а главное — крепкого, устойчивого, работоспособного, *междисциплинарного научного сообщества*, в которое входят добровольно и не претенциозно ученые из МГУ, Москвы, России, зарубежья, включая и ныне вынужденно примолкнувших, надеемся, всего лишь на срок, коллег-друзей с Украины.

Совет ЦОН МГУ видит свою задачу в поощрении свободного творчества мыслящих людей в обществоведческой, гуманитарной, культурологической, философско-хозяйственной, историко-концептуальной, даже и технологической, сферах, предпочитая вольный и взаимно обогащающий обмен мнениями так называемым «научным диспутам-спорам», как и противостоя попыткам навязать что-либо из «вечно истинного», «официально-правильного» или же «своего любимого», предпочитая какому бы то ни было *едино-мыслию* не что иное, как плодотворное *со-мыслие*.

Совет ЦОН МГУ находит, что современным ученым из разных наук, включая и естественные, есть о чем на сегодня ответственно и продуктивно поразмышлять: от оценки состояния и перспектив развития самих общественных наук до поиска возможностей обретения целостного обществоведения, не ограничивающегося сугубо научно-исследовательским подходом, а выходящего за пределы привычной

научной квалификации — в сферу метанауки с ее интегратизмом, холизмом и даже алогизмом; от разработки достоверных теоретических общественно значимых конструкций до ведения концептуального мониторинга текущей социоэкономической действительности; от улавливания новейших тенденций в мировом и российском социумах до осмысления имеющих место мегаисторических переломов и перемен.

В общем, Совету ЦОН МГУ и его людям есть над чем думать, что решать и о чем на досуге даже и помечтать — да будет!

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ*

Криптопатэономика как достояние творящего человечества

Аннотация. Только кажется, что об экономике все, или почти все, известно, на самом деле экономика достаточно закрыта от внешнего наблюдателя, а часть экономики вообще находится в непроницаемой тени. Вот почему и криптоэкономика. Сейчас мировая экономика в фактически уже перманентном кризисе, отсюда и патэономика, а в целом — криптопатэономика. Отсюда и кризис официальной экономической науки в любой отвлеченной теоретической интерпретации, как и концептуальное бессилие расхожих экспертных суждений о состоянии и перспективах мировой экономики. Впереди ожидается большая полицентровская трансформация с переходом не без войн и революций к сонму больших региональных «гибридных автархий», с дополняющей их и им подчиненной компромиссной мировой валютно-финансовой системой.

Ключевые слова: экономика, криптоэкономика, патэономика, криптопатэономика, конспирация, трансцендентность, кризис экономической теории, трансформация, война, революция, «гибридная автаркия».

Abstract. It seems that we know all about economy, it is actually rather closed from an external observer and a part of it is in an impenetrable shadow general. That is why there is cryptoeconomy. Now world economy is in actually already permanent crisis resulting patoeconomic and, in general, kriptopatoeconomic. It concerns also crisis of official economic science in any abstract theoretical interpretation as well as conceptual powerlessness of ordinary expert judgments about a state and prospects of world economy. There is expected a big transformation through transition with wars and revolutions to an assembly of big regional «hybrid autarchies» with supplementing them and subordinated to them compromise world monetary system.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: *Осипов Ю.М.* Криптопатэономика как достояние творящего человечества // Философия хозяйства. 2017. № 3. С. 7—15.

Key words: economy, cryptoeconomy patoeconomic, kriptopatoeconomic. conspiracy, transcendence, crisis of economic theory, transformation, war, revolution, «hybrid autarchy».

УДК 330:1

ББК 65.5

Многое ли мы знаем о реальной экономике, располагая официальной статистикой, сонмом научно-экспертных выкладок и массой обывательских представлений, — что в узкостоимостной, что в широкопроизводственной ее интерпретациях: знаем ли мы, что же на самом деле происходит в недрах и на поверхности экономической и производственной сфер; насколько правдива представительная фактологическая от экономике-де цифирь, включая даже и реальную продукцию, ее состав и объемы; какие «всамделишные» процессы вершатся в экономике и общественном производстве; какие в действительности принимаются решения, возникают ожидания и происходят вокруг свершения; что в реальности «думает» о себе сама экономика, на что готова и может решиться, в том числе и вполне невероятно, внезапно, алогично и т. п. и т. д.?

Короче, не «крипто» ли перед нами в связи с экономикой, не «зазеркалье» ли, не «закулисье», не «подполье» и не «преисподняя» ли, как и попросту не сознательная ли тут как и бессознательная тоже, закрытость, скрытность, сократость, то бишь не завелась ли и не царствует ли в экономике большая объективно-субъективная, стихийно-волевая, естественно-искусственная... *тайна*!?

С одной стороны, реально-ирреальные (деятельские и процессуальные) потемки, с другой — реально-ирреальная тайнопись, обычно называемая фактологией, а с третьей — не так собственно знание о предмете, как о нем лишь приблизительное, нередко и попросту эскизное, воззренческое представление, весьма замешанное на вполне логичном незнании, алогических несуразностях и безудержной, часто и бестолковой, фантазии.

Да, экономический онтос сложен, изменчив, противоречив, но главное — конспиративен, темен, скрытен, хоть и на удивление чудотворен, а потому экономический гнозис весьма неточен, непонятен, условен, путан, мифологичен, по-своему даже и сказочен.

Можно с немалой уверенностью утверждать, что темени и незнания в связи с экономикой заметно больше, чем света и знания: «темная материя» тут в приоритете, а не какая-то высветленная разумом объективная данность.

Не худосочная тут вовсе неизвестность среди жирного знания, а наоборот — вымороченное знание в среде неугомонного незнания!

Все это ни плохо, ни хорошо, а попросту так *есть*, с чем и надо всюю считаться, отделяя, по возможности, мух от котлет, зерна от плевел, правду от кривды, а знание от незнания, как и наоборот — незнание от знания.

Итак: *криптоэкономика!*

За этим необъятным и виновно-невинным «крипто» скрывается, как можно было уже заметить, очень многое: и вся экономика («терра инкогнито», понимаешь ли!), и управление в экономике и экономикой; и происходящие в экономике процессы, включая и творящиеся в ней зачем-то и откуда ни возьмись самопроцессы.

Нравится это кому-либо или не нравится, но это так: экономика в целом и в основе — *неизвестное нечто, как, собственно, и известное ничто*, и лишь частью своей она есть *нечто известное*, всегда при этом весьма сомнительно известное, даже и вполне вроде бы фактическое, явное-де, чуть ли не истинное.

Расследующий уголовное преступление «сыскарь» может иной раз и установить подлинную истину, найдя преступника и обнаружить мотив преступления, а вот инспектирующий экономику заядлый и вредный экономист-ревизор вряд ли вполне и до конца разберется, что же такое происходит с текущей экономической реальностью, ибо он имеет дело, в отличие от «сыскаря», не с достоверной реальностью, пусть и старательно скрываемой, а с тотально недостоверной ирреальностью — чуть ли не с *иным миром*, к которому нет у экономиста-«сыскаря» вполне эффективного шифровочного ключа.

Интересно все это, не правда ли?

Однако намного интереснее тут другое: есть ведь еще и сознательно загоняемая в криптосферу, то бишь в тень, подполье, резервацию, часть экономики, причем не только стоимостной, или монетарно-финансовой, экономики, но и производственной (включая и торговую).

Хорошо известные «оборонка», теневая и криминальная экономики, домохозяйства, или те же закрытые статьи в госбюджетах, если вообще не закрытые параллельные бюджеты — наилучшее тому подтверждение. Любая экономика значительной частью своей находится в общем-то в откровенной *криптозоне* (финансовой ли, производственной ли, торговой ли), представляя собой даже некую онтологически целостную, в себя смотрящую и существующую как бы наряду с легальной экономикой особую данность, находящуюся в тесном взаимодействии со всей экономикой, во многом и нелегальном.

Криптоэкономика — это прежде всего свойство экономики вообще, ее онтологическая, как бы концептуальная, тайна, но при этом и сознательно закрытая по тем или иным мотивам часть (сфера, сегмент, сектор) экономики, ее, так сказать, нелегальная доля, где как раз кое-какой порядок, как и во всякой «зоне», безусловно, поддерживается, как и имеется кое-какое о «зональных» реалиях достоверное представление.

Во всяком экспертно-исследовательском суждении о самотворящейся экономике (производстве) важна, безусловно, собранная в разящий кулак достоверность, противостоящая-де расхожей недостоверности, лишь искажающей реальность, но важнее всего тут как раз степень недостоверности... самой же этой будто бы видимой, обзорно установленной и убедительно подтвержденной достоверности. На первом плане тут оказывается, как это ни странно, не так вовсе степень собственно достоверности, как все-таки... степень недостоверности. Вот и выходит не столько знание о известном, сколько явное незнание вроде бы явно известного!

Отсюда и научно-экспертная мифология по поводу экономики вообще, или *параэкономическая мифология*, очень по современному интеллект-миру распространенная. Можно даже заявить и совершенно вроде бы невозможное: при всем обширном знании текущей экономической реальности никто из адептов достоверного-де о ней знания эту самую реальность достоверно-то и не знает!

Взять хотя бы родную отечественную экономику: кто, когда и в полной мере ее знал ранее, как и кто, как и в какой мере знает ее сейчас?

Госплан, НИИ при Госплане, Институт экономики РАН, Национальный банк или та же амбиционная ВШЭ?

В 1990-е гг. российская экономика показала всему свету, нарушая все принципы, законы, модели и матрицы всемирного экономического гнозиса, что экономическая реальность может быть... *любой*, мало того — еще и *какой угодно*... причем для себя же самой, а вовсе не для пресловутого «Регулятора» (этакого сакрального «Предиктора» вроде ФРС или того же Госплана), над которым экономика не отказывает себе в удовлетворении изрядно и поиздеваться.

Экономика со всей своей себя же определяющей неопределенностью — «дремучий лес», «бескрайнее хмурое море», «глухие тектонические недра», та же неизвестная «темная материя», а вот по-философски — не более и не менее как всего лишь «работающая трансценденция».

В лихие 1990-е оказалось вдруг, что деньги по ценности своей единицы и количеству в обращении этих единиц могут быть любыми и даже какими угодно; цены с инфляцией тоже; никаких никому приемлемых кредитов может не быть, но зато всюду могут быть немислимые по высоте ссудные проценты; денег вообще может у агентов не быть, зато может стать безденежный (параденежный, квазиденежный) бартер; падение производства возможно любое, безработица тоже; временный периодический кризис совсем не обязателен, ибо никакой сравнительной нормы тут нет, а потому либо сплошной непрерывный кризис, либо просто уже натужное отсутствие (о каком-таком «кризисе» можно вообще говорить в условиях «придонной экономики», отчаянно барахтающейся на дне бытия?); да и собственно экономики как работающей системы может не быть, хотя общество будет все равно как-то похозяйски выживать: и грабеж тут может быть любой, и коррупция, и всякое иное уродство.

Экономика допускает всё!

Никаких тут тебе матриц, моделей, механизмов, организмов, систем, законов, принципов, в общем — никакого заведомого порядка, а лишь *хаос с произволом* да с непрерывно и вольно меняющимся *хаосмосом* — как раз вместо строевого и даже временами почти что стройного порядка, столь любимого научно обработанными экспертами.

Темное это варево — экономика, в котором чего только нет, точнее, в котором есть всё, кроме порядка, стройности, системности, что можно было бы смакетировать, затем умело подогнать под выдуманный хитроумно макет, а потом еще и ожидать исполнения экономикой сего тщательно продуманного манкового макета.

О-о, вмешиваться в экономическое варево, его старательно управленчески помешивая, вполне можно, даже ожидая при этом от экономики чего-то от нее и впрямь ожидаемого, но всегда при этом получать в реальности все-таки что-то... *другое*, часто и совершенно неожиданное.

Экономика вообще — царство произвола, беззакония, беспредела, что обычно по-научному скромно называется стихией, отклонением, ошибкой, недоучетом, сбоем, неравновесием, диспропорцией, на крайний случай — *кризисом*, а на самом-то деле является органичной принадлежностью экономики, ее невозмутимым и незамутненным кредо, без чего нет и вообще не может быть экономики, ее самоорганизации и саморазвития, не говоря о волевом ею управлении и даже навязанном ей извне развитии.

Хорошо было бы наконец-то понять, что в экономике, как и во всем осознанном мире, не знание и порядок доминируют в сознании и его мире, а *незнание* и *хаос* (ничто, пустота, темень), отчего не

незнание — дыра в знании, а знание — некий косный вершок среди тьмы незнания.

Несмотря на то, что экономика — атрибут, плод и орудие сознания, а вместе с этим мозга, разума, мысли, расчета, памяти, она есть при этом и воплощение некоего *субстанциального безумия*, из цепких объятий которого ей никак не вырваться, а потому любому рациональному наблюдателю ничего не остается, как признать наличие неких безумственных крипотатосостояния и крипотатоповедения экономики: ни рассмотреть толком сию крипотатоекономику, ни понять ее, ни в чем-то достоверно разобраться — одна в ней *сумасшедшая тайна!*

Заметим, уже и не просто тайна — от той же сложности, той же безграничности, того же своеволия, а прямо-таки *безумная тайна*, с которой даже никакому экономисту-эскулапу не справиться — ни познавательно, ни операционально, ни тем более целительно.

Экономисты всех стран, мастей и ориентаций еще только осознают, что безумство, о котором речь, — не просто аномальное отклонение в состоянии и движении экономики, а самая настоящая для нее органика, ее вполне онтологическое бремя. Обзывая это «крипотато» всего лишь кризисом как бы временным и преодолимым — ничего об этом претранный феномене фактически не сказать, ибо здесь даже не болезнь, хотя и есть кое-какая хроническая патология, — это уже не что иное, как именно *безумие*, вполне уже и *онтологическое*.

Безумие, о котором речь, — не прямой аналог обычного житейского человеческого безумия, хотя кое-что сходное тут и есть, — это некое апокалиптическое бытие, если уже не антибытие, при котором даже хорошо продуманный рациональный и вроде бы позитивный акт оказывается вопреки себе причиной чего-то, мягко выражаясь, «несу светного», аномального, гиперболического, нелепого, вредоносного. Сколько ныне в самой по себе экономике самой настоящей... *антиэкономики*, усердно экономику отрицающей и весьма уродующей!

Однако не надо думать, что сама экономика при этом не работает, что она не справляется со своим предназначением, что не приносит человечеству пользы, удовлетворения и радости, нет, всё это есть, но уже, увы, в алгоритме потаенного и неодолимого безумия, то бишь как бы и вне какого-либо рационально воспринимаемого алгоритма: нельзя же гносеологическое «умие» наложить на онтологическое безумие, как, собственно, и наоборот — сообщить от предметного «иррацио» какое-то знаниевое «рацио».

Вот почему умная, иррациональная, логическая наука пасует ныне перед совершенно уже иррациональной экономической реально-

стью, теща сама себя сначала иллюзией собственной для себя достоверности, а затем принимая разверзшуюся тотальную и хроническую аномалию всего лишь за частично временную кризисоподобную паузу в целом-де упорядоченно и достоверно движущегося и неуклонно развивающегося экономического онтоса.

Вся загвоздка тут в том, что умное человечество мало что уже стоит, разинув рот, перед неподъемной экономической тайной, но и внезапно оказалось лицом к лицу, тоже не закрывая рта, с полным незнанием того, *что* есть по сути своей и на самом деле экономика, что она реально выделяет и куда она идет, увлекая за собой соблазненное ею весьма уже экономическое обезумевшее человечество.

Если совсем еще недавно казалось, что уж экономическая-то наука почти всё или же очень многое знает, то сегодня, увы, надо быть очень уж простодушным онаученным персонажем, чтобы веровать в онтологическую достоверность бытующего экономического гнозиса.

Человечество — трудовое, предпринимательское, финансовое, творческое, потребительское — само по себе; экономика, будучи для пытливого человеческого ума по большей части не более чем *криптопатоекономикой* — сама по себе; экономическое воззренческое знание-незнание — само по себе, — вот оно — роковое противорасположение с неизвестным для человечества конечным результатом!

Экономика, будучи криптопатоекономикой, — сама себе тайна, как и сама себе власть, а для якобы разумного человека — мало что фетиш, выбрасывающий человеку потребности, полезности и всякие блага, во многом совершенно ему и не нужные, но и ненасытная бездна, поглощающая вместе с давно уже излишними потребностями, избыточными полезностями и фиктивными благами и самого человека, весьма уже, кстати, экономикой расчеловеченного.

Без экономики человеку вроде бы нельзя, но и с экономикой, как раз весьма ему неизвестной и неподвластной, еще и весьма патогенной, человеку уже очень даже страшно, — вот и вся тут недолга!

Экономика вообще — непрерывный, всепоглощающий, неостановимый, патохоосный поток, он же и потоп, захвативший человечество и несущий его неизвестно куда — со всеми его благами и антиблагами, полезностями и вредностями, потребностями и фикциями, да так, что дух у человека экономического захватывает — от телеологической неизвестности и эсхатологической внезапности!

Где же тут выход? Нет, не в стимулировании спроса, чего жаждет экономика, подбодренная лукаво добродушным и стратегически близоруким Кейнсом, а в ограничении и связывании экономики, ее подчинении управляющему центру, ее овразумлении, что возможно

лишь в условиях, выражаясь по-модному, *гибридной автаркии* — крупнонациональной или, скорее, группомежнациональной, как раз той самой, при которой контроль над экономикой вовсе не уничтожит потребной ей свободы, но зато задаст экономике иные режим и результат функционирования — *гуманистические*, — и кто из нынешних властолюбцев и мздоимцев это поймет и неожиданно для себя осуществит, тот и может надеяться на просветление экономики, ее легализацию и укрощение глобального смертоносного экономического потопа!

Война, стало быть, тут же заметит проницательный читатель, — что ж, может, и война, но не на уничтожение, а за сохранение, — да и разве ее нет — войны-то, как раз и обозванной нарочито и не без лукавства «гибридной», то бишь как бы и не войной вовсе, а так... «войновским карнавалом», за которым скрывается жесткая внутривидовая борьба — за место под солнцем, тоже уже чуть ли не гибридным — под солнцем вроде бы, но и под тенью от солнца тоже.

Война, конечно же, но ведь и *революция* тоже, и тоже, понимаешь-ли, гибридная, уже ради свержения всего патологически античеловеческого, — ныне дело уже не в распределении богатства, не в неравенствах и не в классах, даже не в эксплуатации человека человеком, хотя и во всем этом тоже, а в борьбе между *человеком* и угнетающим его все более и более *античеловеком* (нелюдем, бесом, зверем), что то же самое — между *угнетенным миром* и *гнобящим его антимиром*.

Апокалиптическая, так сказать, революция!

Война, безусловно, вероятнее такой вот революции, но почему же не случиться и войне, и революции?

А можно ли иначе — вполне-де *мирно*, без войны и без революции?

Можно, наверное, но для этого ведь требуется совершенно невозможное: *всемирный межчеловеческий компромисс*, сопровождаемый преобразованием если уж и не самого по себе человека как сакрально земного феномена бытия, то хотя бы еще бытующего в самосознании человечества, что позволит перевести планету мирным путем в режим многоцентрового и плюропартикулярного бытия и осуществить перевод всемирной экономики под соответствующий планетарной полиморфии эффективный контроль с построением приемлемой для всего мира единой, уже и кибертехноэлектронизированной валютно-финансовой, а лучше бы сказать — просто ценностно-расчетной системы.

Очередная утопия, — заявят нам экономические рационалисты, не желающие вроде бы войн и революций, но как раз всё и делающие, чтобы они были — эти войны и революции, — на что мы ответим: да,

утопия, ну и что из того, ежели она и только она стоит за сохранение планетарного мира и цивилизации человека?

Такая вот у нас совершенно неумная романтика, которая на поверку — чего, конечно, нет и не будет — куда как ценнее ныне всего умного-де в своем безутешном безумии чисто экономического рационализма, — не так ли?

Д.А. ДАВЫДОВ

**Социальное государство в перспективе
«будущего без работы»: «поставщик смысла»
и/или гарант безусловного дохода?**

Аннотация. Рассматриваются перспективы социального государства в контексте новых социально-политических проблем, связанных с автоматизацией производства и прекарризацией. Показывается, что одним из оптимальных решений данных проблем может являться реализация идеи безусловного дохода. Обоснован тезис о том, что существующие концепции безусловного дохода нуждаются в существенной доработке. В связи с этим предлагается модель, подразумевающая введение безусловного дохода параллельно с существенным обновлением социального функционала государства. В данной модели государство является «поставщиком смысла» для тех, кто не может найти себе место в условиях «роботизированной» рыночной экономики. Данная функция может быть связана с привлечением людей к созданию общественных благ (большие государственные проекты), а также с созданием условий для личностного развития каждого.

Ключевые слова: безусловный доход, капитализм, посткапитализм, прекариат, социал-демократия.

Abstract. The article examines the perspectives of the social state in the context of the new social and political problems associated with the automation of production and precarization. It is shown that one of the optimal solutions to these problems can be the realization of the idea of unconditional income. The thesis is substantiated that existing concepts of unconditional income need substantial improvement. In this regard, a model is proposed that implies the introduction of unconditional income in parallel with a significant update of the social functional of the state. In this model, the state is a «supplier» of the meaning of life for those who cannot find their

place in the conditions of a «robotized» market economy. This function can be connected with involving people in creating public goods (large state projects), as well as creating conditions for personal development of everyone.

Key words: basic income, capitalism, post-capitalism, prekariat, social democracy.

УДК 330

ББК 60

Сегодня мир находится в состоянии очередной глобальной трансформации. Мировая экономика если не стагнирует, то развивается сравнительно медленно, при том что нередко финансовые биржи лихорадит от одной только новости о возможном замедлении экономического роста, скажем, в Китае. Сейчас речь нередко заходит о становлении «эпохи нулевого роста». Возможно, это обусловлено тем, что ведущими экономическими ресурсами сегодня являются трудноизмеримые (в денежном выражении) таланты, в том числе творческий потенциал. Как пишет А. Кустарев, условия для радикального ускорения экономического роста «появились в раннем европейском модерне и продолжали существовать с разными коррективами вплоть до конца XX века. Имущие слои создали к этому времени высокую потребительскую культуру. Гедонистическая эмансипация личности разогрела потребительские амбиции плебейства, пытавшегося угнаться за аристократией. Одновременно падение смертности с середины XIX в. привело к демографическому взрыву. В результате потребительский рынок трансформировался качественно и расширился количественно». Однако сегодня «потребление и производство смещаются в сторону благ, которые мы не понимаем, как включить в ВВП, — либо не умея их оценивать в денежном эквиваленте, либо игнорируя их в силу культурно-ценностной ориентации» [9, 4]. Глобальная экономика сталкивается с трудностями наращивания прибавочной стоимости. Рабочая сила в Китае активно дорожает, что вынуждает транснациональные корпорации искать новые индустриальные площадки (вроде Вьетнама). С начала неолиберальных реформ Р. Рейгана и М. Тэтчер, основным способом извлечения прибыли становится удешевление рабочей силы, т. е. поддержание состояния «стационарной нищеты», в рамках которой благосостояние широких слоев населения не улучшается (или даже ухудшается), в то время как экономическая элита богатеет [13].

На фоне всего этого становится актуальной одна из проблем современного общества — *нарастание темпов автоматизации произ-*

водства и технологического замещения труда. М. Форд, например, всерьез говорит о «будущем без работы». Как он пишет, «как только машины возьмутся за рутинную, предсказуемую работу, люди, которые выполняют ее сейчас, столкнутся с беспрецедентными трудностями при попытке адаптироваться к новым реалиям. В прошлом технологии автоматизации, как правило, были достаточно узкоспециализированными, лишая будущего какой-то один сектор рынка труда за раз, благодаря чему у занятых в нем работников была возможность перейти в нарождающиеся отрасли. Сейчас ситуация совсем иная. Информационные технологии становятся по-настоящему универсальными, и их влияние будет ощущаться одинаково сильно во всех сферах» [15, 16].

Разумеется, тема технологического замещения обсуждалась еще со времен К. Маркса. Затем она периодически заявляла о себе (вспоминаются романы К. Воннегута), но находились причины для пересмотра старых представлений о неизбежном закате капитализма вследствие роботизации производства и присвоения всех материальных благ транснациональными корпорациями. Эпоха ручного труда сменилась эпохой «беловоротничкового постиндустриализма». Однако и этот переход к постиндустриальному обществу, впервые полноценно концептуализированный Д. Беллом [2], привел к неоднозначным последствиям. Многочисленные работники сферы услуг (консультанты, менеджеры среднего звена, кассиры, горничные, операторы и т. п.) являются, в сущности, теми же пролетариями (наемными работниками), социальное положение которых мало отличается от положения представителей классического рабочего класса, в особенности в том, что касается ощущения бессмысленности работы и ее рутинности. И рутинный труд — как раз то, что сегодня активно подвергается роботизации и автоматизации. Как отмечает Р. Коллинз, «если до 1980-х или 90-х механизация главным образом замещала ручной труд, то в последней технологической волне мы наблюдаем вытеснение уже управленческого труда, сокращение среднего класса. Информационные технологии — это технологии коммуникаций, которые запустили вторую великую волну сокращения труда, на сей раз технологическому замещению подвергается коммуникативный труд, т. е. труд работников среднего класса» [8, 36]. Как следствие, сегодня отмечается рост числа тех, кто лишен постоянного рабочего места, а значит и социальных гарантий. Данная тенденция рассматривается Г. Стэндингом как *становление прекариата* — нового класса, отличительной чертой которого является отсутствие *социальной стабильности* [14]. Иначе говоря, наблюдается рост доли тех, кто не имеет постоянной работы, или,

например, вынужден работать по временным трудовым договорам или на полставки.

При этом подразумевающие максимальную занятость старые модели социальной политики государства оказываются непригодными. Ни общественные работы, ни «искусственное» создание рабочих мест не решают современные социальные проблемы, так как изменению подвергается основной принцип организации трудового процесса. Все большую роль играет не сводимая к количественным показателям (вроде рабочего времени) творческая составляющая труда.

Данная ситуация является отчасти следствием разрушения прежнего либерально-консервативного идеологического консенсуса, сложившегося в 1950—1960-е гг. в Европе и США. В ту эпоху в погоне за голосами избирателей идеологи ведущих политических течений пытались инкорпорировать в свои программы идею *государства всеобщего благосостояния*, долгое время являвшегося основой западного капитализма. Неолиберальные реформы Р. Рейгана и М. Тэтчер были направлены против такого государства, что привело к тому, что сегодня глобальный капитализм дошел до «границы допустимого» (неравенство, международный терроризм, экологическая проблема и многое другое).

О новой актуальности идеи государства всеобщего благосостояния свидетельствует то, что сегодня так и не найдено каких-то внятных институциональных альтернатив капитализму. Речь пока идет об оптимизме в отношении ряда тенденций, среди которых, например, знание как нечто легко обобществляемое [11]. Но если в мире до сих пор все еще много *вынужденного* труда, а пути «преодоления» современного капитализма еще не до конца ясны, то нет другого, более эффективного, инструмента сглаживания социально-политических противоречий, чем *социальное государство*. В этом смысле наиболее оживленные дискуссии сегодня ведутся по поводу *безусловного дохода*, как того, что должно существенно изменить значение и роль государства в жизни общества. Иными словами, идея безусловного дохода может лечь в основу новой модели социальной политики. Но далее мы покажем, что саму идею безусловного дохода, к которой обращаются разные общественные силы, потребуется видоизменить, так как *ни одна из существующих концепций не ведет к консенсусу* и вряд ли может быть реализуема на практике. При этом введение безусловного дохода, на наш взгляд, *не только не приведет к сокращению регулирующих функций государства, но, скорее всего, будет сопровождаться их качественной трансформацией, в особенности в тех аспектах, которые*

сегодня становятся наиболее актуальными: поиск людьми смысла жизни и стремление «найти себя» в обществе.

Безусловный доход: концепция или концепции?

Безусловный доход — это относительно новая идея, согласно которой государство должно выплачивать *всем* гражданам без исключения фиксированные пособия. Иными словами, речь идет о *реальных гарантиях обеспечения всех граждан той или иной страны всем необходимым*. При этом, как оказалось, идея безусловного дохода привлекательна для разных политических сил (как «левых», так и «правых»).

Идея безусловного дохода обсуждается в том или ином виде уже относительно давно (особенно активно — с конца 1980-х гг.). У нее довольно много сторонников как среди бизнесменов и общественных деятелей (например, исполнительный директор немецкого концерна «Siemens» Дж. Кэзер, глава «Tesla и SpaceX» И. Маск), так и среди экономистов и социологов (А. Горц, Ф. Ван Парийс, П. Мейсон, Г. Стэндинг, М. Форд и многие другие). Особенно популярной тема безусловного дохода стала, когда в СМИ появилась информация о проектах, рассматриваемых на уровне государственных институтов в ряде европейских стран (прежде всего, Швейцарии и Финляндии). Немаловажно то, что обсуждение безусловного дохода связано с дебатами о неравенстве, отчуждении, справедливости, гражданских правах, самореализации, свободе и т. п. Не исключено, что полемика о безусловном доходе станет (и уже постепенно становится), в конце концов, основным пространством конструирования новых смыслов и подходов, видоизменяющих смысловую основу ключевых политических идеологий.

Основные аргументы сторонников безусловного дохода таковы.

1. Постоянные безусловные выплаты гражданам решают проблему замещения машинами человеческого труда. При этом для широких масс появляются возможности для деятельности вне рынка (волонтерство и т. п.).

2. Безусловный доход избавляет от обременительной бюрократической системы социальной поддержки. Денежные средства выплачиваются всем без исключения, при этом их должно хватать на все необходимое.

3. Безусловный доход дает большие возможности для работника в спорах с работодателем (у работника всегда остается «подушка безопасности» в виде безусловного дохода).

4. Безусловный доход позволяет искать работу дольше, но при этом более подходящую, а параллельно заниматься самообразованием.

5. Безусловный доход стимулирует безработных искать работу, так как его (в отличие от пособия по безработице) не отменяют при трудоустройстве.

6. Безусловный доход решает проблему нищеты.

7. Безусловный доход не приведет к росту иждивенческих настроений, так как пилотные эксперименты (например, в Намибии и Индии [16]) показывают, что люди не хотят ограничиваться абсолютным минимумом материальных благ.

8. Безусловный доход позволяет избежать унижительного статуса «официального безработного, сидящего на пособии».

9. Безусловный доход предоставляет свободу выбора: каждый вправе распоряжаться своим временем так, как он пожелает.

10. Безусловный доход, возможно, приведет к повышению потребительского спроса, что благоприятно отразится на экономическом развитии (это особенно актуально в свете показателей социального неравенства в ряде стран).

11. Безусловный доход освободит людей от «мусорной», «никчемной», бесполезной работы (bullshit jobs).

12. Получение ежемесячных фиксированных выплат гарантирует людям ощущение безопасности, которое поможет им «не бояться брать на себя риски и запускать свой бизнес». С. Сэнтенс считает, что из большого числа людей, получивших уверенность в завтрашнем дне (никто не останется голодным) и свободу действовать, наверняка найдется несколько инноваторов, которые смогут коренным образом изменить мир к лучшему. Он задает риторический вопрос: «как можно отважиться на открытие своего дела, когда ты все больше беспокоишься, сможешь ли заплатить за квартиру?» [17].

Тем не менее речь сегодня идет скорее о *концепциях* безусловного дохода, нежели о разделяемой большинством сторонников четкой программе действий. Разумеется, в каждой идейной системе трансформируются понятия о целях и смысле этих выплат. Мы выделяем условно две противоположных «модели восприятия» идеи безусловного дохода: «правая» и «левая».

Размежевания начинаются уже при попытке определить основную цель введения безусловного дохода. Например, идея о том, что каждый должен получать гарантированные пособия и *свободно распоряжаться ими*, вполне соответствует «по духу» либерализму. Более того, для либералов безусловный доход — это то, чем можно улучшить капитализм. Наблюдаемый «технологический» рост безработицы подрывает фундамент капитализма, основывающийся на извлечении прибавочной стоимости. Иными словами, автоматизация производства

и прекаризация означают кризис «общества труда». Безусловный доход, в свою очередь, дает возможность безработным трудоустроиваться, пусть даже временно, не боясь при этом потерять пособия. В итоге получается некий компромисс, выигрывать от которого должны как трудящийся, так и работодатель. Проблема такого подхода в том, что безусловный доход здесь рассматривается не столько как более эффективная альтернатива пособиям по безработице, сколько как средство оптимизации систем социальной поддержки. Такое наблюдалось, например, в Финляндии, где безусловным доходом хотели заменить все возможные социальные выплаты. Там предлагалось выплачивать каждому гражданину по 800 евро. Этих денег, как оказалось, хватало бы только на съем скромного жилья в Хельсинки. Все остальное (поиск пропитания, коммунальные платежи и т. п.) оказывалось бы уделом самих граждан. В то же время существующая система социальной поддержки подразумевает оплату безработному всего необходимого сверх фиксированного пособия [5].

С другой, «левой», стороны идеологического фронта некоторые авторы пытаются связать идею безусловного дохода с марксизмом, осмыслить ее в марксистском и антикапиталистическом ключе. Идея безусловного дохода рассматривается уже в оптике различных концепций *посткапитализма*. Он оказывается средством *освобождения людей от вынужденного труда*. В какой-то степени их массово «освобождают» роботы, но без существенной материальной поддержки данное «освобождение» оказывается проклятием. Соответственно, безусловный доход должен не только гарантировать выживаемость, но также давать некоторые средства для *личностного самосовершенствования* (учиться, писать книги и т. п.). Будущее, по мнению левых сторонников идеи безусловного дохода, за свободным сотрудничеством и коллективным творчеством. Здесь, правда, возникает вопрос: должен ли безусловный доход в одночасье уничтожить все базовые основы капитализма или он есть то, что будет какое-то время существовать в рамках капитализма? Не всегда попытки ответить на данный вопрос выглядят убедительно. Например, А. Горц в одной из своих последних работ так и не проясняет, какова судьба капитализма после введения безусловного дохода. Складывается впечатление, что *налоговое перераспределение* вновь созданной стоимости, по крайней мере, вначале, должно быть основным источником безусловного дохода [7, 100—105].

Как нам представляется, ни один из вышеописанных подходов не может рассматриваться в качестве осуществимого сегодня. Либеральный подход, очевидно, противоречит интересам простого гражда-

нина. Под популистскими лозунгами скрывается, по сути, желание ликвидировать льготы и сэкономить бюджет. В условиях нарастающего социального расслоения воплотить подобные проекты с учетом всех демократических процедур (референдумы и т. п.) невозможно. Идеи левых нереализуемы отнюдь не из-за того, что неоткуда будет взять деньги на то, чтобы обеспечить всех необходимыми средствами¹. Проблема в другом. Результаты труда до сих пор рассматриваются многими как признак состоятельности, «источник смысла». Как отмечает М. Маяцкий, труд «по-прежнему необходим — не только как средство выживания, но и как “поставщик смысла” для огромного большинства индивидов» [10, 83]. В свете вышесказанного неудивительно, что граждане Швейцарии относительно недавно проголосовали на референдуме против проекта безусловного дохода (который, кстати говоря, не отменял существующую систему социальных пособий, в отличие от финского): там сильна *трудовая этика*.

Есть здесь и другие трудности. Например, выплаты безусловного дохода в современных западных странах наиболее вероятны в качестве *распределения глобальной ренты*. Именно эта рента (т. е. блага, наличие которых обусловлено военным и финансовым *доминированием*, а вовсе не производством и свободным рыночным обменом) играет немаловажную роль в экономике западных стран. Иными словами, реализация идеи безусловного дохода в развитых странах вовсе не исключает их «буржуазного» мир-системного статуса.

Кроме того, как подчеркивает А.В. Бузгалин, «сейчас происходит ренессанс классического индустриального рабочего в третьем мире, и доля индустриальных рабочих мира в общем числе занятых в XXI веке оказывается намного большей, чем в XIX или XX веках» [3, 140]. т. е. говорить о *реальных* перспективах посткапитализма для большей части человечества пока рано.

Государство как «поставщик смысла»

Тем не менее недостатки рассмотренных концепций безусловного дохода не говорят о несостоятельности идеи в целом. На наш

¹Перспектива здесь отнюдь не ограничивается двумя-тремя годами. Реальность такова, что даже если общая денежная масса уменьшается (ввиду невозможности дальше наращивать прибавочную стоимость), сумма материально произведенных средств (потребительных стоимостей) благодаря научно-техническому прогрессу и все той же автоматизации постепенно увеличивается. Поэтому «достаточный» (для жизни и творчества) уровень денег будет уменьшаться.

взгляд, идея безусловного дохода дает богатую почву для поиска устойчивых оснований консенсуса. Вряд ли этот консенсус сможет радикально отойти от «общества труда», ибо это попросту невозможно. Более того, люди заинтересованы в каких-то обозримых жизненных перспективах. Скорее всего, эти перспективы не станут очевидными моментально, если каждый получит деньги на жилье, еду, одежду и т. п., а также некоторый запас свободного времени. Вполне вероятна ситуация, когда пособия, убрав бремя труда, создадут *бремя свободы*. Как замечает М. Маяцкий, «некоторые теоретики апеллируют к “праву на счастье”, забывая, что собираются давать его в обмен на последнее алиби за жизненную неудачу, ибо тот, кто окажется неспособным конвертировать пособие в счастье, станет уже полным и патентованным ничтожеством» [10, 85].

Следовательно, единственная альтернатива, ведущая к компромиссу, на наш взгляд, заключается в сочетании выплат безусловного дохода с последующим *обновлением и расширением социального функционала государства*. Оно, в свою очередь, могло бы стать *одним из главных поставщиков смысла* существования, но уже не только через труд (как работу за денежное вознаграждение), но также через *деятельность*, ведь государство позволяет объединять малые усилия в крупные проекты, отождествление с которыми дает удовлетворение испытывающему «кризис личности» индивидууму.

Соответственно, если говорить об обществе «всеобщего труда» сегодня уже не приходится, то государству остается давать людям то, что не дает свободный рынок: образование, навыки и умения (практику) и *по возможности* работу. Одной из функций государства в условиях отсутствия работы для всех, может заключаться в помощи самоорганизующимся группам. Оно могло бы предлагать реальную альтернативу «бездеятельности от отчаяния» (или «отчаянию от бездеятельности»). Речь, таким образом, идет о целенаправленной *персонализации деятельности*, т. е. о концентрации усилий всего общества по заполнению «смыслового вакуума», неизбежно возникающего после вытеснения человеческого труда трудом многочисленных машин.

Конечно, безусловный доход открывает возможности для свободного творчества и самоорганизации, однако не стоит возлагать большие надежды на это. Технологии отнюдь не обязательно принесут человеку счастье. В конце концов, они не только могут лишить человека «трудового» смысла жизни, но еще и «творческого». Например, вполне реально появление искусственного интеллекта, превосходящего человеческий. В книге Дж. Баррата «Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens» приво-

дятся многочисленные примеры, показывающие, что *уже сегодня* продвинутые системы искусственного интеллекта могут *творить* и *изобретать*. Баррат пишет: «Недавно Ход Линсон из Лаборатории вычислительного синтеза Корнельского университета разработал программное обеспечение, способное выводить законы природы из необработанных данных. Наблюдая за двойным маятником, эта система заново открыла законы Ньютона. В роли ученого в данном случае выступал генетический алгоритм. Начал он с грубых догадок (предположений) об уравнениях, описывающих движение маятника, а много поколений спустя выдал физические законы, например, закон сохранения энергии» [1, 164]. Перспектива появления сверхмощного искусственного интеллекта может существенно усложнить работу по персонализации деятельности. Однако вряд ли она искоренит *веру в человека* и его возможности. В конце концов, если человечество хочет выжить, государство должно будет оставить за собой наиболее важную составляющую человеческой деятельности, подразумевающую реализацию *человеческой свободы — политику*.

Таким образом, в интересах государства — сделать так, чтобы имела смысл человеческая *деятельность*, а не только стяжательство и прожигание жизни многочисленными получателями общественной ренты в виде безусловного дохода. Перед таким развитием событий стоит множество препятствий. Вряд ли глобальный капитал пойдет на существенные уступки. Он, скорее, будет стремиться создавать фиктивный труд ради удовлетворения фиктивных потребностей (например, в ролевых онлайн-играх). Добиться позитивных изменений общественность сможет только в случае долгой и упорной *политической борьбы*. Но именно это и становится ключевым противоречием сегодняшнего дня: нередко любое проявление политической воли легко переводится в категорию «экстремизм». Будущее будет зависеть от протестного потенциала прекариата. Но его вполне могут окончательно разучить думать, превратить в *инфантильных* потребителей. Капиталистическое общество может стать *рентным*, т. е. основанным на всеобщей погоне за разного рода привилегиями и гарантированными благами. Только эта рента сделает из людей вовсе не творческих личностей, а довольствующихся своим скромным положением обывателей.

Таким образом, обеспечение смыслом — задача нетривиальная, в особенности если учесть, что успех на творческом поприще не гарантирован никому, даже самому образованному и обладающему неплохими показателями IQ. В конце концов, вполне возможно и *творческое отчуждение*, ибо творение никогда полностью не принадлежит

творцу: оно всегда является частью *общественного восприятия* (возможно непонимание, непопулярность и т. п.) [6].

Что касается России, то для нее рассматриваемая здесь проблематика будет становиться все более и более актуальной. Россия находится между двумя крайностями. С одной стороны, она является частью глобального капитализма, и технологическое замещение труда затронет Россию в еще большей степени ввиду неразвитости ее экономики знаний. Причем экономический кризис и дефицит нефтедолларов делают бесполезными огромные массы трудящихся в сфере услуг и реального производства, что, в свою очередь, сочетается с общемировым трендом их замещения автоматизированными компьютерными системами (машины вместо рабочих, интеллектуальные системы вместо консультантов, автоответчики вместо операторов, автоматизированные кассовые аппараты вместо кассиров и т. п.). С другой стороны, очевидна крайняя отсталость *«экономики труда»*. (Россия уступает США в производительности более чем вдвое, и при этом наблюдается дефицит трудовых ресурсов.) Можно говорить о том, что будущее благосостояние России зависит в большей степени от способности правительства и граждан адаптироваться к новым условиям, от способности умело сочетать политику экономической модернизации (реиндустриализации) с качественной трансформацией институтов социального государства. В данной связи необходимо проследить, сможет ли Россия с ее официальной антизападной идеологической риторикой найти новые рецепты, благодаря которым «лишние люди» с помощью новых мер социальной политики становились бы опорой обновленного общества.

Подводя итог, можно отметить, что идея безусловного дохода будет находиться в фокусе внимания общественности еще долгое время. Более того, полемика по этому поводу будет только нарастать. В данной связи необходимо помнить, что консенсус здесь — это возможный, но вовсе не единственный вариант развития событий. Мы показали, что выплаты безусловного дохода, скорее всего, придется *дополнять* активными действиями государства как *«поставщика смысла»*. При этом сегодня очевидно одно: от того, придут ли политические элиты и общественность к изобретению новых форм социальной политики, зависит будущее человечества.

Литература

1. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 312 с.

2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 790 с.
3. *Бузгалин А.В.* Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 135—146.
4. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.
5. *Давыдов Д.А.* Безусловный доход: от «левых» ожиданий к «правому» воплощению // Свободная мысль. 2016. № 2. С. 15—26.
6. *Давыдов Д.А.* После капитализма: свобода от отчуждения или рентное забвение? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. № 1. С. 20—32.
7. *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом ГУ—ВШЭ, 2010. 208 с.
8. *Коллинз Р.* Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики // Политическая концептология. 2010. № 1. С. 35—50.
9. *Кустарев А.* Конец света, или La Vita Nova // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. С. 3—10.
10. *Маяцкий М.А.* Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // Логос. 2015. № 3. С. 72—87.
11. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
12. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.
13. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
14. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
15. *Форд М.* Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 430 с.
16. <http://basicincome.org/>.
17. https://hightech.fm/2017/03/04/ubi_fear_of_failure.

References

1. *Barrat Dzh.* Poslednee izobretenie chelovechestva: Iskustvennyj intellekt i konec jery Homo sapiens М.: Al'pina non-fikshn, 2015. 312 s.
2. *Bell D.* Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. М.: Academia, 2004. 790 s.

3. *Buzgalin A.V.* Pozdnij kapitalizm: kapital, rabochij, kreator // Svobodnaja mysl'. 2014. № 1. S. 135—146.
4. *Vallerstajn I.* Konec znakomogo mira: Sociologija XXI veka. M.: Logos, 2003. 368 s.
5. *Davydov D.A.* Bezuslovnyj dohod: ot «levyh» ozhidaniy k «pravomu» voploshheniju // Svobodnaja mysl'. 2016. № 2. S. 15—26.
6. *Davydov D.A.* Posle kapitalizma: svoboda ot otchuzhdenija ili rentnoe zabvenie? // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. 2016. № 1. S. 20—32.
7. *Gorc A.* Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital. M.: Izd. dom GU—VShJe, 2010. 208 s.
8. *Kollinz R.* Tehnologicheskoe zameshhenie i krizisy kapitalizma: vyhody i tupiki // Politicheskaja konceptologija. 2010. № 1. S. 35—50.
9. *Kustarev A.* Konec sveta, ili La Vita Nova // Neprikosnovennyj zapas. 2015. № 4. S. 3—10.
10. *Majackij M.A.* Osvobozhdenie ot truda, bezuslovnoe posobie i glupaja volja // Logos. 2015. № 3. S. 72—87.
11. *Mejson P.* Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushhemu. M.: Ad Marginem Press, 2016. 416 s.
12. *Rifkin Dzh.* Tret'ja promyshlennaja revoljucija: Kak gorizontal'nye vzaimodejstvija menjajut jenergetiku, jekonomiku i mir v celom. M.: Al'pina non-fikshn, 2014. 410 s.
13. *Stiglic Dzh.* Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu. M.: Jeksmo, 2015. 512 s.
14. *Stjending G.* Prekariat: Novyj opasnyj klass. M.: Ad Marginem Press, 2014. 328 s.
15. *Ford M.* Roboty nastupajut: Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty. M.: Ad Marginem Press, 2016. 430 s.

Е.В. ТРИФОНОВ

В поисках парадигмы творческого развития человека

Аннотация. Совершенствование современного общества многими исследователями отождествляется с коренным повышением технического оснащения производства. Технофундаментализм не учитывает возможности появления отрицательного творчества как разрушения. Только коренное изменение общественного положения каждого человека, формирование массового положительного творчества со-

здают условия прогрессивного и процветающего будущего. Теория Большого социального взрыва, т. е. переложение центра внимания на условия жизни каждого человека, создает возможности оптимистического и процветающего будущего.

Ключевые слова: творчество, творческие способности, неограниченные интеллектуальные ресурсы, системная демократизация собственности, креативное общество, новое качество экономики, теория Большого социального взрыва.

Abstract. Improvement of modern society by many researchers is identified with radical increase in hardware of production. Tekhnofundamentalism doesn't consider a possibility of emergence of negative creativity as destructions. Only basic change of social standing of each person, formation of mass positive creativity creates conditions of the progressive and prospering future. The theory of Big social Bang, i.e. comprehensive improvement of living conditions of each person creates possibilities of the optimistic and prospering future.

Key words: creativity, creative abilities, unlimited intellectual resources, system democratization of property, creative society, new quality of economy, theory of Big social Bang.

УДК 331.021.4.

ББК 87.5

Человек есть бесконечно
открытая потенциальность.

Ж.-П. Сартр

Развитие интеллектуальных способностей человека определило его переход из животного состояния в человеческое. Появление сознания и способности к творчеству как самоконструирования себя и окружающего мира разделило эпохи животного и человека.

Особенностью животного-предчеловека является отсутствие у него природных защитных приспособлений. Эпоха животного характеризуется преобладанием природных, естественных инстинктов и активной приспособляемостью его к окружающей среде. Объединение предлюдей в животное стадо стало первым искусственным способом приспособления предчеловека к окружающей природе. Уже простое общение между членами этого предобщества представляет собой совокупность актов творчества, т. е. зарождение творчества как такового. «Всеобщие (общие всем) способы и средства обращений индивидов друг к другу каждым из нас творятся заново любым актом живого

обращения к людям и к себе самому» [7, 79]. Начало творчества знаменует появление новой эпохи, когда человек не просто приспосабливается к природе, а начинает видоизменять ее в соответствии со своими потребностями.

Появление и развитие творческого сознания открывают начало *Большого социального взрыва*, кардинально перестраивающего мир в интересах каждого человека. Большой социальный взрыв — это коренное преобразование природных и социальных условий в интересах каждого человека и человечества в целом. Развертывание Большого социального взрыва происходит на основе развития физических и интеллектуальных способностей человека. Эволюционное приращение физических и интеллектуальных способностей человека характеризует первый этап Большого социального взрыва. Здесь преобладают природные, физические составляющие развития. На втором этапе Большого социального сдвига природные, физические и социальные изменения приобретают характер качественного прорыва, или скачка. В рамках первого этапа основным источником развития остаются преимущественно физические способности человека, одновременно в течение этого этапа нарастает значение интеллектуальных способностей. Можно сказать, что развитие общества происходит на основе использования природных и социальных импульсов развития. На разных исторических этапах развития общества наблюдается разное соотношение природных и социальных импульсов. Первоначально природные импульсы преобладали, а интеллектуальные импульсы имели второстепенное значение. В настоящее время на первые места выдвигаются интеллектуальные импульсы развития, но они скованы существующей экономической парадигмой, системой ценностей и целей современного общества.

Настоящий этап Большого социального взрыва отличается выдвиганием социальных импульсов на основе развития физических и интеллектуальных способностей человека. Физические способности человека постепенно приобретают подчиненный характер, образуя основу развития интеллектуальных способностей людей. Интеллектуальные способности выдвигаются в качестве господствующего импульса развития общества и цивилизации в целом.

Теория Большого социального взрыва впервые в истории движителем качественных изменений в обществе выдвигает не столько научно-технический прогресс, сколько *социальный прогресс*. Социальный прогресс как причина качественных изменений в обществе связан с глубокими изменениями в общественном положении человека. «Роль человека в любом виде экономической деятельности велика, но его

роль в инновационной экономике как носителя знаний, творческих возможностей, становится ключевой» [8, 119]. Следствием качественного изменения общественного положения человека становится всеобщее и всестороннее развитие способностей и сверхспособностей каждого человека. Развитие творческого потенциала личности — ядро качественных преобразований в обществе.

Развитие творческого потенциала неограниченного числа субъектов является сущностью Большого социального взрыва. Творчество выражает главное ядро сущности человека. «В широком смысле творчество — это переход небытия в бытие, внесение в мир нового, у которого не было прецедента существования или же для него не существуют правила создания» [3, 92]. Массовое творчество миллионов становится рычагом качественных изменений в развитии производительных сил и производственных отношений. Большой социальный взрыв выражает такое состояние общества, когда оно выходит на орбиту новой эволюции за счет творческой деятельности свободных и высокообразованных людей. Теория Большого социального взрыва определяет происхождение общества свободных людей.

Творческие способности и сверхспособности миллионов людей на Земле — ключ к решению множества проблем общества. Условиями развития творческого потенциала общества выдвигаются развитие и совершенствование социально-экономических и общественно-политических отношений на основе системной демократизации отношений собственности. Реальная и всесторонняя демократизация отношений собственности коренным образом меняет общественное положение каждого человека. Только свободный, самостоятельный и независимый человек способен к творческому труду. Массовый творческий, высокопроизводительный труд создает условия для решения глобальных проблем человечества. Численность населения перестает быть проблемой, поскольку чем больше творческих людей, тем выше потенциал экономики, способной удовлетворить разумные потребности каждого человека. Массовый творческий труд, основанный на неограниченных интеллектуальных ресурсах, преодолевает ограниченность экономических ресурсов. Высокопроизводительный массовый творческий труд означает, что каждый человек способен производить продукцию, в несколько раз превышающую его пожизненно потребляемые блага.

Массовый творческий труд, неограниченные интеллектуальные ресурсы, высокая производительность труда каждого члена общества оказывают влияние на формирование качественно новой экономики, общества и государства. Постепенно — и качественным образом —

меняется социальный характер каждого человека, он руководствуется мировоззрением мира, гуманизма и творчества в своей повседневной жизни.

Постоянно повторяющейся идеей современных исследований, зафиксированных в многочисленных статьях и монографиях, является вывод о необходимости смены современной парадигмы развития. Устойчивое снижение темпов экономического роста, прогнозы аналитиков относительно возможности в ближайшие десятилетия достижения мировой экономикой нулевого роста свидетельствуют об исчерпании резервов современной экономической парадигмы. Все настойчивее звучат голоса о необходимости смены нынешней системы ценностей и целей экономического развития. «Пришла пора осознать, что полная смена парадигмы экономической системы и государственной власти неизбежна» [1, 82]. Очевидной становится несостоятельность главной ценности и цели современной экономической парадигмы. Безудержное накопление богатства и сверхпотребление ничтожной части общества и деградация и состояние физического выживания абсолютного большинства населения являются причинами системного кризиса общества.

Устранить это препятствие для прогресса и процветания можно только на основе радикального изменения отношений собственности и общественного положения каждого человека в экономической системе. Фундаментальное условие общественного прогресса и процветания — системная демократизация отношений собственности и на этой основе обеспечение преобразования современной модели сначала в демократическую модель экономического прогресса, а затем — в креативную модель экономического процветания. Системная демократизация отношений собственности — не самоцель, а средство коренного изменения положения человека в обществе. Причем изменение положения человека в обществе рассматривается как важнейшее средство коренной модернизации общественно-экономических отношений.

Главная производительная сила общества — это человек, обладающий резервами бесконечного совершенствования себя и окружающего мира. Становление массового творческого человека является решающим средством совершенствования экономики и общества. Именно массовый творческий труд образует неограниченные резервы экономического роста и процветания. Развитие безграничных способностей и сверхспособностей неограниченного числа людей есть источник безграничного развития и совершенствования экономики и общества. Решающее условие появления и развития творческих способно-

стей миллионов — системная демократизация отношений собственности.

Ключевая идея предлагаемой парадигмы состоит в том, что человек создает проблемы, и только человек способен их разрешить. Причем речь идет о творческом человеке, на плечи которого ложится задача решить все не решаемые сегодня проблемы. Массовый творческий человек, обладающий неисчерпаемыми и неограниченными интеллектуальными ресурсами, способен преодолеть современные глобальные проблемы человечества. «Неквалифицированное, социально незрелое общество не может создать не только инновационное, но и сколько-нибудь технологически развитое промышленное производство» [4, 53]. Для появления массового творческого человека необходимы новая парадигма, новый подход, согласно которому человек становится высшей ценностью, а его развитие и совершенствование — главными целями общества.

Современная парадигма социально-экономического и общественно-политического развития, несмотря на ее исторические особенности, существует несколько тысяч лет. Она основана на игнорировании интересов благополучия и развития «простых» членов общества. Противоречия между потребностями экономического развития и прямой деградацией значительной части населения являются свидетельствами неспособности господствующей парадигмы обеспечить решение данной проблемы. Формами проявления данного противоречия являются обостряющиеся глобальные проблемы — избыточная численность населения Земли, возрастающая ограниченность экономических ресурсов, низкая эффективность производительной деятельности людей, прогрессирующая деградация населения, связанная с низким уровнем и качеством жизни большинства населения. Многократно возрастают упущенные возможности, которые на порядок и более превышают достижения нынешней цивилизации.

В условиях господствующей социально-экономической парадигмы отсутствуют предпосылки демократического и гуманистического преодоления указанных противоречий и глобальных проблем. Современная модель экономического выживания «означает приватизацию доходов населения и социализацию убытков банков и корпораций посредством перераспределения бюджетных доходов» [5, 164].

Отсутствие собственности формирует у населения апатию, безразличие, узость интересов, подавляет творчество. Господствующая идеология способствует развитию потребительства и при невозможности достижения целей потребительства провоцирует распространение преступности, алкоголизма, наркомании и других пороков в поведении

отдельных людей. Деграция личности — закономерный результат концентрации собственности и уменьшения численности действительных собственников. Особенно опасным является растущее самоотчуждение членов общества, когда они разделяют моральные ценности не созидания, а разрушения. «В данной связи совершенно по-новому звучит главный вопрос философии Альбера Камю: стоит ли такая жизнь того, чтобы ее прожить? Насколько вообще в подобных условиях человек может быть Человеком?» [2, 55]. Таким образом, концентрация собственности и уменьшение численности собственников сопровождаются растущим отчуждением населения от государства, отчуждением населения от материального благополучия и духовного развития, от творческих способностей, а также самоотчуждением и моральной деграцией части членов общества.

Большинство экономистов-исследователей согласны с положением, что «главная проблема социально-экономического развития России видится... в ее политико-экономической системе» [9, 136]. Естественным следствием возрастающих трудностей современной парадигмы развития стала «разработка новой парадигмы социально-экономического развития, которая способна обеспечить благосостояние общества...» [6, 186]. Многие исследователи приходят к выводу, что человечество ныне вступило в критическую эпоху, требующую смены парадигмы развития. Это эпоха кардинального преобразования в развитии производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Главный вопрос текущего момента заключается в поиске новой модели экономического развития.

Системная демократизация отношений собственности представляет собой распределение продукции, доходов и богатства в пользу всех членов общества во всех моментах и фазах общественного воспроизводства. Тогда каждый человек становится и собственником, и тружеником, а также активным участником совершенствования экономики, общества и государства. В условиях системной демократизации отношений собственности интересы государства совпадают с интересами всех граждан, а интересы граждан выражаются через деятельность государства. Демократизация собственности и рост численности собственников — гарантия укрепления, развития и процветания государства.

Системная демократизация отношений собственности изменяет общественное положение каждого человека, целью общественного развития становятся благосостояние и развитие способностей всех членов общества. Происходит распространение творческого человека, которое сопровождается массовым научно-техническим творчеством,

многократным повышением общественной и индивидуальной производительности труда.

Появление творческого человека в массовом масштабе является объективной закономерностью общества системной демократизации отношений собственности. В креативности людей исследователи обнаруживают неисчерпаемый экономический ресурс. Творческий человек, обладая безграничными интеллектуальными способностями, преобразует ограниченные экономические ресурсы в неограниченные экономические ресурсы. Творчество миллионов становится исключительным и обязательным условием процветающей экономики. Массовый творческий труд обеспечит многократное повышение индивидуальной и общественной производительности труда, фундамент всестороннего совершенствования социально-экономических и общественно-политических отношений прогресса и процветания.

Резкое возрастание технических возможностей человека предъявляет высокие требования к его моральным, мировоззренческим свойствам. Системная демократизация отношений собственности оказывает положительное влияние на культурное и морально-нравственное состояние каждого человека. Экономическая свобода, равенство возможностей, творческий труд миллионов на благо каждого человека и прогрессивного развития общества формируют демократическое, гуманистическое и креативное мировоззрение.

Системная демократизация отношений собственности является фундаментальным условием формирования прогрессивной экономической парадигмы, обеспечивающей неограниченное и процветающее развитие цивилизации. Переход от современной экономической модели выживания к демократической модели экономического прогресса, а в дальнейшем — к креативной модели экономического процветания — такова закономерность развития экономических моделей общества и системы экономических отношений в условиях распространения системной демократизации отношений собственности. Демократическая модель экономики является промежуточной моделью между современной и креативной моделями. Она несет в себе элементы как современной модели выживания, так и элементы креативной модели процветания.

Креативная модель экономического процветания опосредует глобальные изменения в системе экономических отношений и в экономической структуре общества. Преодоление ограниченности экономических ресурсов приведет к замене рыночного хозяйства общественно планомерным хозяйством. Всеобщая частная собственность в условиях изобилия экономических благ постепенно преобразуется в

общую общественную собственность всех членов общества на весь общественный продукт. Экономическая структура общества претерпит глобальные изменения. В сфере материального производства будет занято всего несколько процентов экономически активного населения. Подавляющая часть работников будет занята в креативном секторе экономики и будет работать в многочисленных научных, проектных и конструкторских организациях. Значительная часть работников будет занята в отраслях, обеспечивающих расширенное воспроизводство способностей и сверхспособностей миллионов творческих людей. Экономическая цель общественного хозяйства будет решать многочисленные задачи укрепления и развития физических и духовных способностей всех членов общества.

В заключение выделим следующие положения.

1. Цивилизация стоит на пороге кардинальных научно-технических преобразований.

2. Качественно новый научно-технический уровень общества имеет не только положительные последствия, он сопровождается усилением опасности его разрушительных последствий. Носителем этой опасности является современный человек, который выживает в условиях господствующей антигуманной парадигмы, а поэтому склонен выбирать идеи и деятельность разрушения, а не творческого созидания.

3. Теория Большого социального взрыва дает обоснование необходимости перехода человечества от парадигмы благополучия для избранных к парадигме благополучия каждого человека на Земле.

4. Условием перехода к парадигме благополучия каждого человека на Земле является системная, всесторонняя и всеобщая демократизация отношений собственности, коренным образом меняющая общественное положение каждого человека. Каждый человек становится и собственником, и тружеником, и активным гражданином, создающим демократическую, гуманистическую и креативную цивилизацию.

5. Свободный, независимый, самодостаточный человек единственно способен к творческой деятельности. Творческий человек становится главным действующим лицом, коренным образом преобразующим производительные силы и производственные отношения. Массовый творческий человек, массовый творческий труд на несколько порядков повышают производительность индивидуального и общественного труда и создают возможности решения многочисленных проблем общества.

6. Структура экономики получает качественные изменения, число занятых в материальном производстве резко сокращается, а число занятых в креативном секторе экономики резко возрастает. Основная часть занятых будет трудиться на многочисленных и многоотраслевых научных, проектных и внедренческих предприятиях и организациях, а также в организациях и учреждениях, обеспечивающих развитие способностей и сверхспособностей миллионов творческих людей.

7. Демократическая, гуманитарная и креативная парадигма развития обеспечит условия формирования мировоззрения и ценностей мира, жизни, материального благополучия и творчества неограниченного числа членов общества.

Литература

1. *Альпидовская М.* О новой экономической модели сквозь призму высокопроизводительного труда // *Экономист.* 2015. № 10.

2. *Бирюков А.А.* Избыточное человечество? Мальтузианство и марксизм о проблеме «лишних людей» // *Вопросы философии.* 2015. № 12.

3. *Ильин В.В.* Интеллект как творчество: энергия самоутверждения // *Философия хозяйства.* 2012. № 12.

4. *Кулешов В., Алексеев А., Ягольницер М.* Дорожная карта политики реиндустриализации: когнитивный инструментарий // *Экономист.* 2015. № 10.

5. *Лемещенко П.С., Голубев К.И.* Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество // *Философия хозяйства.* 2014. № 1.

6. *Манахова И.В.* Повышение устойчивости благосостояния на основе новых моделей потребления // *Философия хозяйства.* 2015. № 1.

7. *Михайлов Ф.Т.* Инновационная культура и творческие способности человека // *Инновации.* 2003. № 5.

8. *Рудакова И.Е., Курносова Т.И.* Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории // *Философия хозяйства.* 2013. № 2.

9. *Слепаков С.С.* Движущие силы политико-экономического развития современной России // *Философия хозяйства.* 2015. № 1.

References

1. *Al'pidovskaya M.* O novej ehkonomicheskoj modeli skvoz' prizmu vysokoproizvoditel'nogo truda // *EHkonomist.* 2015. № 10.

2. *Biryukov A.A.* Izbytochnoe chelovechestvo? Mal'tuzianstvo i marksizm o probleme «lishnikh lyudej» // *Voprosy filosofii*. 2015. № 12.
3. *Il'in V.V.* Intellect kak tvorchestvo: ehnergiya samoutverzhdeniya // *Filosofiya khozyajstva*. 2012. № 12.
4. *Kuleshov V., Alekseev A., YAgol'nitser M.* Dorozhnaya karta politiki reindustrializatsii: kognitivnyj instrumentarij // *EHkonomist*. 2015. № 10.
5. *Lemeshhenko P.S. Golubev K.I.* Trudovoj kharakter material'nykh blag i postsekulyarnoe obshhestvo // *Filosofiya khozyajstva*. 2014. № 1.
6. *Manakhova I.V.* Povyshenie ustojchivosti blagosostoyaniya na osnove novykh modelej potrebleniya // *Filosofiya khozyajstva*. 2015. № 1.
7. *Mikhajlov F.T.* Innovatsionnaya kul'tura i tvorcheskie sposobnos-ti cheloveka // *Innovatsii*. 2003. № 5.
8. *Rudakova I.E., Kurnosova T.I.* Predstavlenie o cheloveke i che-lovecheskij kapital v ehkonomicheskoj teorii // *Filosofiya khozyajstva*. 2013. № 2.
9. *Slepakov S.S.* Dvizhushhie sily politiko-ehkonomicheskogo razvitiya sovremennoj Rossii // *Filosofiya khozyajstva*. 2015. № 1.

Р.Е. СОКОЛОВ

Философия хозяйства XXI века в социальных документах православной (РПЦ) и протестантских церквей России

Аннотация. Анализируются общие моменты и различия в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000) и «Социальной позиции протестантских церквей России» (2003, 2009). Методологической основой работы выступают институциональный и герменевтический подходы. В качестве источников используются официальные документы церквей, которым посвящена первая часть статьи, а также периодические издания и материалы конференций, которые нашли отражение во второй части. Результаты исследования показывают, что оба социальных документа протестантов практически дублируют православную концепцию. Это говорит о культурной близости и духовном единстве широких социальных групп страны и может быть использовано применительно к социальной политике.

Ключевые слова: государство, социум, православие, протестанты, социальное учение.

Abstract. The article is aimed at analysis of the commonalities and differences in «The Basis of the social concept of the Russian Orthodox Church» (2000) and the «Social position of Protestant churches of Russia» (2003 and 2009). Methodological basis of work is the institutional and hermeneutic approaches. The sources used in the article are official documents of the churches presented in the first part of the article and periodicals with conference proceedings reflected in the second part. The results of the study show that both social documents of the Protestants practically duplicate the Orthodox concept. This reflects the cultural proximity and spiritual unity of broad social groups in the country and can be used in social politics.

Key words: state, society, Orthodox and Protestant churches, social doctrine.

УДК 124
ББК 86, 87

Темы социальных документов православных и протестантов России. Анализ социальных документов православной и протестантских церквей начнем с перечня тем, изложенных в этих документах (табл. 1).

Редакция протестантской позиции 2009 г. отличается от редакции 2003 г. тем, что раздел «Церкви и нации» был перемещен с третьей на пятую позицию, появились восьмой и десятый разделы, которых не было в 2003 г. Это соответственно «Брак, семья, детство» и «Биомедицинская этика». В результате следующие пункты оказались на более низких позициях. Сократилось название пунктов «Война, мир, военная служба» до слова «Война», а «Христианская этика и светское право» до «Христианская этика». Пункт «Экологические проблемы» в 2003 г. назывался «Проблемы экологии». Последний, семнадцатый пункт раньше назывался «Церкви и светские средства массовой информации», а в 2009 г. он потерял прилагательное «светские» [13; 14].

Общими моментами обоих социальных документов, имеющими идентичные порядковые номера, являются такие темы, как «Основные богословские положения», или «Основы веры» (первый пункт в обоих документах), а также третий пункт «Церковь/Церкви и государство» (у православных и протестантов соответственно) и четырнадцатый пункт о науке, культуре и образовании («Светские наука, культура и образование» / «Наука, образование, культура»). Последние две темы в протестантском издании 2003 г. не совпадали по порядковым номерам с православным. В издании 2003 г. порядковые номера общих тем со-

хранялись еще в пункте пять «Церковь и политика» (у протестантов это было «Церкви и общественно-политическая жизнь»), тринадцать «Церковь и проблемы экологии» (протестанты сокращали название до «Проблемы экологии») и пятнадцать «Церковь и светские средства массовой информации» (одноименное тогда название в обоих документах) [13; 14].

Таблица 1

Темы официальных церковных социальных документов

Основы социальной концепции Русской православной церкви (2000) [10]	Социальная позиция протестантских церквей России (2009) [14]
<p>Преамбула I. Основные богословские положения II. Церковь и нация III. Церковь и государство IV. Христианская этика и светское право V. Церковь и политика VI. Труд и его плоды VII. Собственность VIII. Война и мир IX. Преступность, наказание, исправление X. Вопросы личной, семейной и общественной нравственности XI. Здоровье личности и народа XII. Проблемы биоэтики XIII. Церковь и проблемы экологии XIV. Светские наука, культура и образование XV. Церковь и светские средства массовой информации XVI. Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма. Приложение</p>	<p>Предисловие 1. Основы веры 2. Свобода совести, права и достоинство личности 3. Церкви и государство 4. Церкви и общественно-политическая жизнь 5. Церкви и нации 6. Христианские конфессии и иные религии 7. Христианская этика 8. Брак, семья, детство 9. Здоровье личности и народа 10. Биомедицинская этика 11. Экономика, труд, собственность 12. Война 13. Преступность и наказание 14. Наука, образование, культура 15. Экологические проблемы 16. Социальное служение церквей 17. Церкви и светские средства массовой информации Заключение Приложение: Из истории российских протестантских церквей</p>

В издании 2009 г. практически одноименные названия с православной редакцией находятся в пунктах «Церковь и нация/нации»

(пункт два у православных и пункт пять у протестантов) и «Здоровье личности и народа» (пункт одиннадцать/девять). Далее сохраняются общие темы, но меняются и последовательность их изложения, и формулировка. Речь идет о пунктах шесть «Труд и его плоды» и семь «Собственность» у РПЦ и пункте одиннадцать «Экономика, труд, собственность» у протестантов. Пункт с некогда одноименным названием «Христианская этика и светское право» стоит у православных на четвертом, а у протестантов на седьмом месте в более усеченной форме. РПЦ поднимает в нем тему человеческого достоинства, а протестанты раскрывают ее в отдельном втором пункте «Свобода совести, права и достоинства личности». Вопросы войны и мира обсуждаются у православных в пункте восемь («Война и мир»), а у протестантов — в пункте двенадцать («Война»). Преступлениям и наказанию за их совершения РПЦ посвящает девятый («Преступность, наказание, исправление»), а протестанты — лишь тринадцатый пункт с более коротким названием («Преступность и наказание»). Тема брака обсуждается у православных в десятом пункте «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности» и в восьмом у протестантов: «Брак, семья, детство». Вопросам биоэтики РПЦ отводит двенадцатый пункт («Проблемы биоэтики»), а протестанты — десятый («Биомедицинская этика») [10; 14].

Есть темы, не нашедшие полной параллельной интерпретации. У РПЦ — это последний, шестнадцатый пункт «Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма», у протестантов — шестой «Христианские конфессии и иные религии» и шестнадцатый «Социальное служение церквей». В последнем речь идет о программах духовно-нравственного оздоровления, всеобщей доступности земных благ, поддержке милосердия, человеческого достоинства и социальной справедливости и недопущения эксплуатации. Разное наполнение имеет и «Приложение», которое не столь важно для темы [10; 14].

Систематический обзор тем социальных документов. Социальные темы выстраиваются в определенной последовательности. Для РПЦ — это государство, общество, человек, мировое сообщество. У протестантов последовательность иная: человек, семья, церковь, общество, государство, мировое сообщество. Учитывая историческое первенство православия, начнем анализ социальных тем с православных позиций и уже с ними будем сравнивать протестантский подход [3; 5, 10 — 11; 10; 11; 14].

1. Основные положения вероучения. РПЦ сосредоточивает внимание на экклесиологии, указывая и на неземной характер церкви, и на необходимость участия ее членов в земной жизни. Протестанты изла-

гают вкратце свое вероучение, дополняя экклесиологию учением о творении, христологией, пневматологией, антропологией, сотериологией [1; 3; 5, 10 — 11; 10, § 1; 14, § 1].

2. *Церковь и нация.* Православная церковь утверждает, что по своей природе она наднациональна. Ее единство обеспечивается не принадлежностью к определенной нации, но верой. Христианам как гражданам небесного отечества, которое следует любить больше, не следует забывать о земной родине, проявляя патриотизм и трудясь на ее благо. Культурная идентичность разных народов формирует богатую православную литургию. Однако проявление национальных чувств не должно приводить к агрессивному национализму [1; 11; 5, 12 — 13; 10, § III—4; 11, 96 — 97;]. Протестанты также выступают за равноправие всех наций (стран), сохранение своеобразия культуры каждого народа и пропаганду любви к родине через преумножение всеобщего блага. В отличие от РПЦ они подчеркивают важность заботы о каждом человеке и его социализации в обществе [7, 280; 14, § 5.1—4].

3. *Церковь и государство.* Это самый большой раздел в православной концепции. Начинается он с ключевой роли семьи и общины в развитии институтов общественного порядка в лице земной власти, которой следует повиноваться, но которая не должна абсолютизироваться. Задачами власти являются ограничение насилия и поддержание добра ради земного благополучия людей. У государства и церкви цели разные, но они могут сотрудничать ради преумножения как материального, так и духовного блага человека, не вмешиваясь в дела друг друга. Среди сфер такого сотрудничества — миротворчество, поддержка физического, душевного и духовного здоровья индивида, семьи и детства, общества и государства, а также благотворительность, культура и искусство, экология. РПЦ не допускает сотрудничество с государством в политических акциях, военных и разведывательных действиях, но и не устраняется из политической жизни, выражаясь посредством соборов и уполномоченных лиц. Православные миряне призываются быть более активными, а политики — к осознанию ответственности за свои решения. Когда государство злоупотребляет полномочиями, РПЦ призывает своих чад к актам гражданского неповиновения и обращается к мировому сообществу [1; 3: 4, 49; 6, 242 — 250; 10, § III.1—5, 8; 11, 96 — 100;]. Протестанты в целом воспроизводят у себя идеи РПЦ с той лишь разницей, что задачу властей они видят в поддержании прав человека и формулируют конкретный перечень функций государства. Однако они не называют сферы, в которых сотрудничество церкви и государства невозможно, призывая действовать

по зову совести и Евангелию, если государство требует аморальных действий [14, §3.1—4].

4. Христианская этика. Раздел начинается с требования следовать божественным установлениям, из которых возникает светское право, чтобы сохранить общежитие и целостность человеческой личности. На основе идеи богоподобия формулируется тезис защиты человеческого достоинства, проявляющегося в правах на веру, жизнь, семью, а также на «свободу передвижения, получение информации, создание имущества, обладание им и его передачу». Церковь напоминает об обязанностях человека как об оборотной стороне прав. Призывая исполнять земные законы, она указывает на необходимость открытого противостояния законам, требующих вероотступничества, или акта гражданского неповиновения при отсутствии такой возможности [1; 3; 5, 18; 10, § IV. 1—9; 11, 96]. Протестанты акцентируют внимание на «золотом правиле», появляющемся у РПЦ только в разделе международных отношений. Протестанты выражают протест популяризации внебрачных связей, особенно в СМИ, а также вседозволенности и наркотиков. Вопрос человеческого достоинства и связанные с ним права человека освещаются в пункте «Свобода совести, права и достоинства личности». В отличие от православных протестанты делают упор на необходимость борьбы с рабством и дискриминацией [14, §7. 1—3, §2.1—4].

5. Церковь и политика. РПЦ допускает наличие разных политических убеждений у клириков, если они не противоречат ее учению. Однако самостоятельно клирики не должны заниматься политикой и явно поддерживать политические партии. Для этого церковь делегирует необходимые полномочия специальным ее представителям. В голосовании клир может участвовать наравне с мирянами. Мирянам же следует активно участвовать в политической жизни страны в согласии с вероучением церкви и Евангелием индивидуально или в составе христианских (православных) объединений. Специально не благословляя эту деятельность, церковь требует более активного сотрудничества со священноначалием, если организация именуется христианской или православной и задействована в политическом процессе [1; 3; 4, 45; 5, 22; 10, § V 2—4; 11, 96;]. Протестанты в данном разделе формулируют позиции, с которыми они не согласны: навязывание религиозных взглядов, ограничение прав и свобод, борьба с инакомыслием, разделением, насилием, ненавистью, использование административного ресурса в частных целях. Об ограничении возможности участия священнослужителей в выборах речи нет [14, §4. 1—4].

6. *Труд, собственность.* РПЦ указывает на необходимость труда и его прерывания раз в неделю для посвящения выходного дня Господу, чтобы не допустить мнимое торжество рассудка на основе достижений цивилизации. Однако это не означает временного отказа от дел милосердия. Благословляется труд в любой сфере, если он направлен на исполнение Божьего замысла о мире и человеке как его управленце, чтобы питаться самому и подавать нуждающемуся, но не на реализацию личных эгоистических устремлений. Ведь духовная жизнь общества возможна лишь при его сохранении, т.е. хотя бы минимальном достатке [3; 5, 23; 10, § VI 2—6; 11, 96 — 99]. Собственность в православном учении вторична и относительна, так как все принадлежит Богу и передается человеку во временное управление, позволяя ему исполнить заповедь любви к ближнему. РПЦ осуждает посягательство на собственность, признавая права человека на нее вместе с разными формами: «государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности». Отчуждение собственности возможно лишь на законной основе с соответствующей компенсацией. Церковь согласна с налогообложением ее предпринимательской деятельности, но не пожертвований как даяния Богу [5, 23 — 24; 10, § VII. 1 — 4; 11, 96; 12]. Протестанты разделяют позицию РПЦ, добавляя подраздел «Предпринимательство и протестантская этика», где описывают труд как призвание, а прибыль как инструмент служением людям. В обеих статьях Лопаткина допущена опечатка, когда, перечисляя виды собственности, выделяемые в протестантской концепции издания 2003 г., он называет одну из них кооперативной. Но ни в ней, ни в издании 2009 г. речи о кооперативной собственности не идет в отличие от корпоративной собственности [7, 280 — 282; 8; 14, § 11.3].

7. *Война и мир.* Война определяется РПЦ как злоупотребление данной Богом свободой и признается злом, но допускается для защиты ближних и справедливости как вынужденное средство. Ее следует вести с праведным гневом, но не со злобой и алчностью. РПЦ выступает за организацию переговоров враждующих сторон, воспитание высоких моральных качеств воинов, противостоит пропаганде насилия [5, 24; 10, § VIII.1 — 4; 11, 96]. Протестанты частично разделяют позиции РПЦ, не указывая прямо на допущение войны, но считая необходимым наличие армии для защиты государства. А социальное обеспечение военнослужащих и переход к профессиональной армии есть залог положительного настроения и боеспособности войск [14, § 12.3].

8. *Преступность, наказание, исправление.* Утверждение духовных ценностей через просвещение в работе со школой, правоохранительными органами и СМИ, с людьми из группы риска — это самый

действенный способ борьбы с преступностью, происходящей из-за помраченного состояния души человека, а также его тяжелого материального положения и слабости государственной власти. РПЦ выступает за запрещение пыток и нарушения тайны исповеди, но обязывает исповедников предотвращать готовящегося правонарушения, не раскрывая имени преступника. Наказание преступника видится как возможность его внутреннего очищения, а не месть [5, 24 — 25; 10, § IX.1 — 3; 11, 96]. Протестанты соглашались с РПЦ, избегая деталей, но требуя уважительного отношения к человеческому достоинству преступника, дабы место исправления не вело к озлоблению [14, § 13.2].

9. Вопросы личной, семейной и общественной нравственности.

Церковь уважает брак, но при этом высоко ценит подвиг целомудрия и монашества. Акцентируется важность общности веры супругов и воспитания детей в православной вере. Браки, заключенные с нехристианами, равно как и с христианами, не исповедующими триединого Бога, церковь признает, но не благословляет. РПЦ выступает за развитие телесных отношений в браке как за реализацию жертвенности и взаимной ответственности. Второй и третий брак как исключение допускаются, но церковь ратует за нерасторжимость брака, чтобы не травмировать личность ребенка. В глазах церкви мужчины и женщины обладают равным достоинством, однако у каждого из них — свои социальные роли, особенно роль матери, которая не должна упраздняться. Порнография, блуд и свободная любовь разрушают личность и осуждаются [5, 25 — 26; 10, § X.1 — 6; 11, 96]. Вопросу семьи как исключительно брачному союзу с целью продолжения рода и взаимной поддержки протестанты уделяют очень много внимания, рассматривая семью как малую церковь. Особая роль отводится формированию характера детей в семье, а также беспризорников и сирот с помощью церкви. При этом мать не следует перегружать, отец не должен упускать инициативу и лидерство, и в семье не должно быть насилия (этого нет у РПЦ). Данный раздел занимает больше всего места. Но про браки с нехристианами и подвиг целомудрия и монашества речи не идет [14, § 8.1.4].

10. Здоровье личности и народа. РПЦ считает необходимым поддержание физического здоровья, но ратует в первую очередь за здоровье духовное. Высоко оценивается труд врача, так как он облегчает страдания больного и продлевает жизнь. Магия же и заговоры не одобряются, так как инструментами исцеляющей благодати являются молитва и Таинства. Тяжелые болезни рассматриваются как возможность встречи со Христом в его страданиях и проявление веры в Бога. Этому у протестантов нет, хотя раздел о здоровье у них является вто-

рым по объему после раздела о семье. В нем представлены конкретные меры для поддержания здоровья, включая спорт и трансплантологию. Выражая уважение к труду врачей, протестанты выносят вопрос использования оккультизма в отдельный пункт, которого нет у РПЦ: «Христианские конфессии и иные религии». Там же по сравнению с РПЦ они выступают за толерантность по отношению к другим религиям, но против допинга и жестокости в спорте, против экспериментов над беззащитными людьми [3; 5, 26; 7, 283; 10, § XI.1; 11, 96; 14, § 9.1—4]. РПЦ ратует за создание больничных храмов и за то, чтобы отношения между врачом и пациентом не сводились только к коммерческому договору или к врачебному произволу, когда мнение больного не принимается в расчет. Требуется подход к здравоохранению, обеспечивающий достойную оплату труда медиков, доступность и эффективность медицинских услуг для всех людей. РПЦ обеспокоена демографическим спадом, ростом ряда заболеваний, наркомании, алкоголизма. Решение видится в диалоге с государством в сфере законотворчества, в поддержке НИОКР и общении со СМИ. В психических заболеваниях лечение должно сочетать и медицинские методы, и пасторскую работу вплоть до экзерцизма. Протестанты разделяют эти позиции, подчеркивая необходимость борьбы с ВИЧ/СПИД [3; 5, 26; 7, 283; 8; 10, § XI.2—5; 11, 96; 14, § 9.5—7].

11. Проблемы биоэтики. РПЦ выступает против аборта, кроме случая, когда матери грозит смерть и у нее есть другие дети, противозачаточных средств, прерывающих жизнь эмбриона, искусственного оплодотворения, что разрушает целостность брачного союза за исключением его реализации половыми клетками мужа, суррогатного материнства, а также гомосексуального партнерства, лишаящих ребенка права иметь мать и отца. РПЦ противостоит гомосексуализму, особенно в армии, тюрьмах, в детско-юношеских учреждениях. Генетическое вмешательство допускается осторожно в целях врачевания наследственных болезней, пока дело не доходит до вторжения в Божий замысел о человеке. Трансплантология за исключением ее коммерциализации считается допустимым проявлением любви к ближнему только с полного информированного согласия донора, если это не угрожает его жизни и не вызывает угрозу идентичности получателя. Транссексуализм как попытка изменить пол в силу болезненного чувства принадлежности к другому полу рассматривается РПЦ как «бунт против Творца». Хирургическая коррекция патологии развития половых признаков в раннем детстве не является таковым. Если организм уже не функционирует как единое целое, то искусственное поддержание жизни может только продлить страдания человека, лишая его мирной кон-

чины. Эвтаназия же, особенно бедных больных, является неприемлемой. В отношении (само)убийства церковь возлагает ответственность и на окружающих убийцы, проявивших малодушие в сострадании [3; 5, 26 — 27; 10, § XII.2 — 9; 11, 96]. И здесь протестанты практически полностью разделяют идеи РПЦ, обходя вопрос гомосексуализма и возможной коррекции пола в детском возрасте, лишь упоминая об этом в пункте «Брак, семья, детство» [14, § 8 и § 10.1 — 6].

12. Церковь и проблемы экологии. РПЦ видит причину нарушения отношений человека с природой в его грехопадении. Постепенно человек отошел от назначенной ему роли хранителя природы и взял на себя роль владыки Вселенной. РПЦ обеспокоена развитием потребительского подхода человека к природе и ратует за распространение ресурсосберегающих производств, воспитания и международного сотрудничества в деле охраны природы [3; 5, 27; 10, § VIII.2 — 5; 11, 96]. Протестанты, принимая идеи РПЦ, распространяют концепцию Христа спасения на природу и приравнивают преступления против нее к таковым против человека, не допуская политизации экологии [14, § 15.4 — 6].

13. Светские наука, культура и образование. Не находя противоречий между религией и наукой, РПЦ считает необходимым наличие моральных и религиозных ограничений на развитие науки. Творчество только тогда считается положительным, когда оно способствует духовному преображению индивида. Призвание культурных работников заключается в восстановлении образа Божьего в человеке, искаженном грехом, через возделывание человеческих душ. РПЦ призывает к необходимому наличию светского образования, выступая за его построение на религиозных началах и христианских ценностях в виде уроков христианского вероучения, противостоя навязыванию материализма и антирелигиозности, равно как и влиянию деструктивных сект. Это должно достигаться через диалог с государственной властью и создание православных учебных заведений [3; 5, 27 — 28; 10, § XIV.1 — 3; 11, 96 — 99]. Протестанты в целом согласны с идеями РПЦ, подчеркивая важность доступности образования, открытости и борьбы с коррупцией в этой сфере, с ограничениями деятельности христианских учебных заведений вследствие их якобы нетрадиционности. В школе преподавание религии должно быть отделено от обязательной программы. Протестанты утверждают, что культура одна не может воспитать человека духовно, так как те, кто коммерциализирует искусство, открывают дверь порокам и разврату [14, § 14.2 — 3].

14. Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма. РПЦ выступает за взаимодействие церкви, гражданского

общества, государства и международных организаций ради равноправного информационно-культурного обмена на условиях взаимности и декоммерциализации на основе сохранения мира, достойной жизни, свободы воли и духовного прогресса [2; 5, 28 — 29; 10, § XVI.3; 11, 96 — 97]. Вопрос глобализации в международных отношениях протестанты затрагивают в разделе «Свобода совести, права и достоинства личности», в подпункте «Веротерпимость», не вынося его отдельно, но делая акцент на необходимости достижения толерантности как основы дальнейшего прогресса [14, §23].

15. *Церковь и светские СМИ.* РПЦ выступает за правдивое освещение информации, подчеркивая важность акцента на положительных идеалах и борьбе с распространением порока и насилия, поскольку СМИ ответственны за воспитание подрастающего поколения и людей в целом. РПЦ призывает к сотрудничеству со СМИ не только клир, но и мирян с целью проповеди и формирования интереса к разным сторонам христианской культуры и жизни церкви. Причем такое сотрудничество должно проявляться и в каноническом «прощении» православных журналистов, публикующих растлевающие душу материалы. Не должны смешиваться или помещаться в ненадлежащий контекст личная и церковная позиции автора [2; 5 28; 10, § XV.1 — 3; 11, 96]. Протестанты не указывают на необходимость отличать частную позицию клира от церковной, но запрещают здесь клиру заниматься через СМИ политикой [14, §17].

Отсутствие расхождений в изложении позиций РПЦ и протестантов автор объясняет общностью культуры и времени создания социальных документов.

Литература

1. *Вениамин (Новик)*, игумен. Об «Основах Социальной Концепции Русской Православной Церкви» (Критические замечания на первые пять глав) // Научно-богословская конференция, октябрь 2000 // <http://www.twirpx.com/file/1360311/grant/>. Дата обращения: 01.08.2016.
2. *Владимиров Н.* Учение Церкви глазами ученых // Независимая газета. 2002. 20 нояб.
3. *Гостев А.*, священник. Церковный взгляд на общественное оздоровление. К принятию «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» // Новый мир. 2001. № 4.

4. *Еремин А.В.* Политико-правовые основы формирования Социальной концепции Русской Православной Церкви // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2 (1).
5. *Кирилл*, митрополит Смоленский и Калининградский. Церковь и общество в свете Основ Социальной Концепции Русской Православной Церкви // Церковь и время. 2002. № 2 (19).
6. *Курилов В.А.* Модель государственно-церковных отношений, изложенная в «Основах социальной концепции РПЦ». Т. 16. Вып. 2. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2015.
7. *Лопаткин Р.А.* Социально-экономический потенциал российского протестантизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4.
8. *Лопаткин Р.А.* Социальные доктрины современных российских протестантов // Протестант. 2011. 15 мая // <http://www.gazetaprotestant.ru/2011/05/socialnye-doktriny-sovremennyh-rossijskix-protestantov/> (дата обращения: 01.08.2016).
9. *Овсиенко Ф.Г.* Особенности формирования социальных доктрин православия и католицизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. Специальный выпуск к № 3.
10. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Москва. Архиерейский Собор 2000 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422>. Дата обращения: 06.10.2016.
11. *Пейкова З.И., Прусак А.И.* Основы социальной концепции Русской Православной Церкви («круглый стол») // Социологические исследования. 2001. № 8.
12. *Сомин Н.В.* Несколько тезисов о православной социальной доктрине / Научно-богословская конференция, октябрь 2000 // <http://www.twirpx.com/file/1360311/grant/> (дата обращения: 01.08.2016).
13. Социальная позиция протестантских церквей России. Изд. 2-е, доп. М., 2009.
14. Социальная позиция протестантских церквей России. М., 2003.

References

1. *Veniamin (Novik)*, igumen. Ob «Osnovakh Sotsial'noj Kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi» (Kriticheskie zamechaniya na pervye pyat' glav) // Nauchno-bogoslovskaya konferentsiya, oktyabr' 2000 // <http://www.twirpx.com/file/1360311/grant/>. Data obrashheniya: 01.08.2016.

2. *Vladimirov N.* Uchenie TSerkvi glazami uchenykh // Nezavisimaya ga-zeta. 2002. 20 noyabrya.
3. *Gostev A.*, svyashhennik. TSerkovnyj vzglyad na obshhestvennoe ozdo-rovlenie. K prinyatiyu «Osnov sotsial'noj kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi» // Novyj mir. 2001. № 4.
4. *Eremin A.V.* Politiko-pravovye osnovy formirovaniya Sotsial'noj kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2012. № 2 (1).
5. Kirill, mitropolit Smolenskij i Kaliningradskij. TSerkov' i obshchestvo v svete Osnov Sotsial'noj Kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi // TSerkov' i vremya. 2002. № 2 (19).
6. *Kurilov V.A.* Model' gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenij, izlozhennaya v «Osnovakh sotsial'noj kontseptsii RPTS». T. 16. Vyp. 2. SPb.: Izdatel'stvo Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii (RKHGA), 2015.
7. *Lopatkin R.A.* Sotsial'no-ehkonomicheskij potentsial rossijskogo protestantizma // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2010. № 4.
8. *Lopatkin R.A.* Sotsial'nye doktriny sovremennykh rossijskikh protestantov // Protestant. 2011. 15 maya // <http://www.gazetaprotestant.ru/2011/05/socialnye-doktriny-sovremennyx-rossijskix-protestantov/> (data obrashheniya: 01.08.2016).
9. *Ovsienko F.G.* Osobennosti formirovaniya sotsial'nykh doktrin pravoslaviya i katolitsizma // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2009. Spetsial'nyj vypusk k № 3.
10. Osnovy sotsial'noj kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi. Moskva. Arkhierejskij Sobor 2000 g. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422>. (data obrashheniya: 06.10.2016).
11. *Pejkova Z.I., Prusak A.I.* Osnovy sotsial'noj kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi («kruglyj stol») // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 8.
12. *Somin N.V.* Neskol'ko tezisov o pravoslavnoj sotsial'noj dok-trine / Nauchno-bogoslovskaya konferentsiya, oktyabr' 2000 // <http://www.twirpx.com/file/1360311/grant/> (data obrashheniya: 01.08.2016).
13. Sotsial'naya pozitsiya protestantskikh tserkvej Rossii. Izd.2-e, dop. M., 2009.
14. Sotsial'naya pozitsiya protestantskikh tserkvej Rossii. M., 2003.

Я.И. НИСАНОВ

**Экономическая наука о человеке в проекции
генерирования научных категорий: обзор на примере
сравнительной лингвистики основных понятий
философии хозяйства и демографии
семейного домохозяйства**

Аннотация. Формирование отечественной научной школы философии хозяйства объективно обусловлено формированием системы научных категорий, отражающих основные научные законы и закономерности образования научных теорий. На сложном поле генерирования научных категорий у исследователей появляются новые и неизвестные ранее проблемы наукознания, в том числе из областей знаний языкознания, лингвистики, компаративистики (сравнительного языкознания). В предлагаемой статье обращено внимание на сравнительную применимость некоторых научных категорий международной социально-экономической теории семейного домохозяйства, существующего более двух веков, и отечественной научной школы философии хозяйства. Представляется, что продолжение сравнительных исследований основных научных категорий отмеченных научных направлений позволит обогатить и дополнить формирующийся научно-категориальный аппарат в описанных предметных областях.

Ключевые слова: наукознание, сравнительное языкознание, компаративистика, экономическое поведение человека, рациональные цели и иррациональные мотивы хозяйственного поведения, социолого-демографическая теории семейного домохозяйства, философско-аксиологическая интерпретации смыслов хозяйства.

Abstract. The formation of the national scientific school of philosophy of the household objective due to the formation of the system of scientific categories that reflect the basic scientific laws and regularities of the formation of scientific theories. On a difficult pitch generating scientific categories, the researchers appear new and previously unknown problems, including areas of expertise linguistics, linguistics, comparative linguistics (comparative linguistics). In the article attention is drawn to the comparative applicability of some scientific categories of the international socio-economic theory of family households, existing for over two centuries, and

the Russian scientific school of philosophy of economy. It appears that the continuation of comparative studies of key scientific categories noted research directions will enrich and complement the emerging scientific categorical apparatus in the described subject areas.

Key words: comparative linguistics, comparative studies, economic behavior, rational purpose and irrational motives for economic behaviour, socio-demographic theory of family households philosophical-axiological interpretation of the meaning of economy.

ББК 65а6
УДК 330.1

Формирование и развитие широкого подхода к описанию экономического поведения человека, которое выходит за рамки узких целей — максимизации личной выгоды и рационального выбора, в отечественной научной школе философии хозяйства отражается в обновлении подходов к понятийным и категориальным научным аппаратам [3, 155]. В поле дискусионности попали основополагающие категории политэкономии, экономики, философии и социальных наук.

Важным дополнением к теоретическим исследованиям философии хозяйства, связанным с описанием хозяйственного поведения человека, может служить экономико-демографическая концепция семейного домохозяйства, особенно в части общности ключевых предпосылок:

- поведение человека не всегда рационально;
- экономические и финансовые теории не охватывают всей полноты важных явлений домохозяйственной и хозяйственной жизни;
- категориальный аппарат, ориентированной на прибыльность экономической теории, не располагает гносеологическими возможностями полного отражения мотивов и целей участия человека в экономической и хозяйственной жизни [4, 19—97].

С подобными вопросами более двух веков назад столкнулась формирующаяся на Западе социально-демографическая концепция домохозяйства, которая за прошедший период предложила и разработала ряд полезных ответов на дискусионные научные вопросы. Представляется, что обзор категориальной системы концепции семейного домохозяйства [2, 66] во многом поможет решению отдельных научно-исследовательских задач формирующейся в настоящее время в России научной школы философии хозяйства.

В то же время обсуждаемая в широких научных и общественных аудиториях проблема депопуляции в России упирается в систем-

но-ценностные установки людей в современном обществе [1, 44—47] и для их решения возникает необходимость философско-аксиологического участия в разработках демографических программ и долгосрочной демографической политике России. Предлагаемая нами синергия понятий социолого-демографической теории домохозяйства и философско-аксиологической интерпретации смыслов хозяйства окажет позитивное влияние на решение проблемы депопуляции и других острых демографических проблем России, в которых важнейшим вопросом остается холистическая мультидисциплинарная концепция понимания человека.

Понятийный аппарат социально-экономических исследований домохозяйства Германии наиболее близок по ценностным признакам к домохозяйствам России по сравнению с другими европейскими научными подходами и исследованиями (французскими и английскими).

Основной проблемой определения домохозяйств в разных национально-государственных подходах остается неопределенность, связанная с отсутствием аксиологических критериев этой общности. Одни только материальные признаки (общего проживания или совместного питания) не достаточны для адекватного определения домохозяйств: так, например, остается неразрешенным противоречие, когда арендаторы, проживающие совместно в одном жилище, не включаются в данное домохозяйство, также в него не включаются и наемные работники, даже если они проживают и питаются в данном домохозяйстве. Эти «исключения» обнаруживают важную методологическую недоработку: цели объединения людей материальных целей. Система ценностей в критериях домохозяйства не достаточно идентифицирована, и ее отсутствие все чаще формулируется как нерешенная проблема и находит некоторые местные решения [5, 64—67].

Наряду с домохозяйствами из-за несогласованности критерия брачности введены понятия семейных и несемейных домохозяйств. Но, что более ценно для вскрытия проблемы, в настоящее время отнесены к случаям общественных домохозяйств совместное содержание и проживание людей в монастырях, военных казармах, тюрьмах, общежитиях и др. В этом случае аксиологическая составляющая как критерий домохозяйства остается отчетливо востребованной и непрописанной, хотя должна быть главной характеристикой определения такого домохозяйства. Это похоже на область исследования философии хозяйства, не входящую в предметную область экономической теории, — когда военное хозяйство и хозяйство кровно-родственных групп не отражены в финансовых показателях и не основаны на прибыльности и окупаемости.

Домохозяйства, состоящие из индивидуумов различного возраста и пола, как объект научных исследований достаточно емко вводят в научный оборот феномен человека. В таком понимании они представляют собой предмет для экономических, социальных и демографических научных исследований в неразрывном единстве с описанием человека, что представляет собой особенно ценную многовековую понятийную и категориальную основу для современного развития антропологических исследований в экономических и социальных науках.

Литература

1. *Антонов А.И.* Институциональный кризис семьи и возможности его преодоления в России. Выступление в аудитории РПЦ, 2014 // http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=1965.
2. *Можайкина Н.В.* Социально-экономическая сущность категории домохозяйства. Харьков: Харьковский торгово-экономический институт, 2001.
3. *Нисанов Я.И.* Волновая гносеология в современной социолого-экономической науке // Языки науки — языки искусства / Под ред. З.Е. Журавлевой, В.А. Копчик, Г.Ю. Ризниченко. М.: Прогресс — Традиция, 2000. С. 152 — 158.
4. *Нисанов Я.И.* Политико-экономические аспекты введения в теорию моделей Человека. Рукопись депонирована в РАО № 1898, 1997 г.
5. *Нисанов Я.И., Тышкевич В.П.* Хозяйственная аксиология экономического поведения человека // *Философия хозяйства*. 2015. № 4.

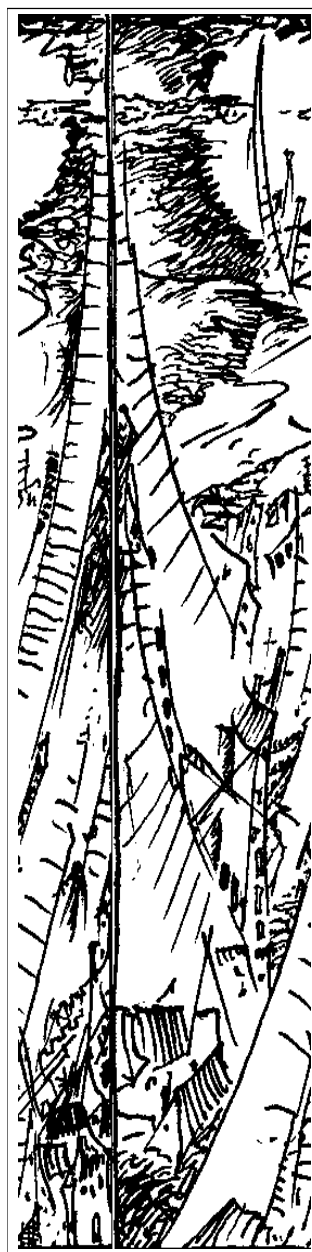
References

1. *Antonov A.I.* Institutsional'nyj krizis sem'i i vozmozhnosti ego preodoleniya v Rossii. Vystuplenie v auditorii RPTS, 2014 // http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=1965.
2. *Mozhajkina N.V.* Sotsial'no-ehkonomicheskaya sushhnost' kategorii domokhozyajstva. KHar'kov: KHar'kovskij torgovo-ehkonomicheskij institut, 2001.
3. *Nisanov YA.I.* Volnovaya gnoseologiya v sovremennoj sotsiologo-ehkonomicheskoy nauke // YAzyki nauki — yazyki iskusstva / Pod red. Z.E. ZHuravlevoj, V.A. Koptsik, G.YU. Riznichenko. M.: Progress — Traditsiya, 2000. S. 152 — 158.
4. *Nisanov YA.I.* Politiko-ehkonomicheskie aspekty vvedeniya v teoriyu modelej SCheloveka. Rukopis' deponirovana v RAO № 1898, 1997 g.

5. *Nisanov YA.I., Tyshkevich V.P.* Khozyajstvennaya aksiologiya ehkonomicheskogo povedeniya cheloveka // *Filosofiya khozyajstva*. 2015. № 4.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

С.А. ДЯТЛОВ

Энтропийные управленческие ловушки*

Аннотация. В статье предложен энтропийно-синергичный методологический подход к анализу макроэкономического управления. Введены в научный оборот и дана характеристика понятий: «институциональные пустоты» и «энтропийные управленческие ловушки». Рассмотрены основные энтропийные характеристики российской экономической системы и энтропийной логики экономического мышления. Раскрыто содержание закона Гудхарта и особенности его действия в условиях таргетирования инфляции.

Ключевые слова: энтропия, энтропийный менеджмент, институциональная энтропия, энтропийные управленческие ловушки, закон Гудхарта, аналитическая периферийность.

Abstract. In the article the entropy-synergetic methodological approach to the analysis of macroeconomic management. Introduced into the scientific circulation and the characteristic of the concepts of «institutional voids» and «entropy management trap» Entropy describes the main characteristics of Russian economic system and the entropic logic of economic thinking. Reveals the content of the law of Goodhart and especially its actions in terms of inflation targeting.

Key words: entropy, entropy management, institutional entropy, entropy management traps, the law of Goodhart, analytical periphery.

УДК 330
ББК 65

В условиях развертывания и воспроизводства системного финансово-экономического кризиса и резкого обострения *гиперконкурентной борьбы* на мировых рынках возникает целый класс новых явлений и процессов, которые требуют научного осмысления и систематизации, концептуального теоретико-методологического исследования и обоснования их сущности, характеристики экономического со-

*Статья подготовлена при грантовой поддержке РФФИ, проект № 16-02-00531а.

держания и форм проявления, разработки нового категориального аппарата и введения в научный оборот новых взаимосвязанных понятий [5, 113—132].

Старые модели западного экономикса, построенные на постулатах либерально-рыночного фундаментализма, не способны адекватно объяснить причины возникновения и сущность кризисных явлений в мировой экономике. Сегодня это признано ведущими представителями мировой экономической мысли. В этой связи известный специалист Р. Холл, занимающийся исследованием кризисов, в 1993 г. отмечал: «Общепринятые модели бесполезны для понимания этой рецессии» [20, 279]. Лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман утверждает: «Истинная редкость в мире — это не ресурсы... а понимание происходящего» [11, 296].

Однако российские чиновники при проведении макроэкономической политики руководствуются в своей практической деятельности преимущественно рецептами и рекомендациями, разрабатываемыми либералами-рыночниками, находящимися в тисках омертвевших догм рыночного фундаментализма, в порочном кругу энтропийного экономического мышления и, как следствие, попадают в *энтропийные управленческие ловушки*. Разведывательный совет США в конце 2012 г. подготовил специальное исследование «Глобальные тенденции 2030. Альтернативные миры», в котором было отмечено наличие серьезных проблем в российской экономике: *экономика остается ахиллесовой пятой России* [18].

На наш взгляд, экономической категорией, наиболее адекватно выражающей суть, содержание и форму функционирования и развития мировой и российской экономики, является *энтропийная экономика*. Одним из перспективных междисциплинарных направлений исследований является энтропийно-синергийный методологический подход к анализу управленческих решений. Сегодня в условиях нарастания хаоса, кризиса и неопределенности в мировой экономике нужно учитывать, что большинство ученых, экспертов, аналитиков, финансистов подвержены хаосу мышления, являются носителями энтропийной логики мышления и принятия управленческих решений. На наш взгляд, правомерно в широкий научный оборот ввести и осуществить анализ целого класса новых понятий: «денежная энтропия», «энтропийный менеджмент», «хаос-менеджмент», «энтропийное экономическое мышление», «институциональные пустоты» и «управленческие ловушки» [9, 185—201].

Российская финансово-экономическая система в условиях развертывающегося глобального системно-трансформационного кризиса, обострения гиперконкурентной борьбы, введения санкций, роста внутренних и внешних угроз, дестабилизации имеет целый ряд важных энтропийных характеристик и показателей, среди которых особое место занимают *институционально-законодательные пустоты*.

В условиях острейшего глобального финансово-экономического кризиса возникает целый ряд диспропорций и дисфункций старых механизмов регулирования. Сегодня в России существуют институционально-законодательные пустоты: старые институты и механизмы государственного и рыночного регулирования становятся неэффективными, а новые, способные решать задачи финансовой стабилизации и выхода из кризиса, еще не созданы. Функции и качество институционально-управленческого комплекса страны обусловлены конкретными целями и функциями доминирующего института, определяющего качественную особенность всей институциональной матрицы. Целевая доминанта и структурно-функциональная организация институциональной матрицы обуславливают формы и направления регулирования и выработки действенных механизмов противодействия кризисным явлениям в экономике [10, 53—64].

Наглядным примером институционально-законодательных пустот, характеризующих энтропийность экономического мышления, является изъятие из Бюджетного кодекса РФ в августе 2000 г. основополагающей 12-й главы «Профицит бюджета», где были регламентированы порядок и основные направления использования средств при установлении профицита российского бюджета. На месте изъятых главы в прямом и переносном смысле зияет «институционально-законодательная пустота». Это позволило либерально-рыночным чиновникам изымать значительную часть нефтегазовых доходов из российского госбюджета, выводить их из реального народнохозяйственного оборота и замораживать в так называемом Стабилизационном фонде, средства из которого многие годы направлялись и направляются на поддержку и субсидирование американской экономики через механизм покупки российским правительством долговых обязательств Казначейства США под очень низкий процент (1,5—3,5%), который в несколько раз ниже годовой российской инфляции.

В результате такого рода энтропийных управленческих решений макроэкономические накопления и финансовые средства России изымались из народнохозяйственного оборота, замораживались и обесценивались. В настоящее время Россия является единственной страной в

мире, у которой в бюджетном кодексе в разделе «Сбалансированность бюджета» отсутствует глава «Профицит бюджета» [2].

Среди наиболее общих *энтропийно-критических параметров состояния российской экономической системы* следует выделить следующие: сырьевая ориентация российской экономики; сильная зависимость экономики, финансового рынка, доходов российского бюджета от цен на топливно-энергетические ресурсы; значительная офшоризация и утечка капитала; резкие и значительные колебания курса рубля; рост внешнего долга (прежде всего корпоративного); изъятие значительной части нефтегазовых доходов из доходной части госбюджета и замораживание их в резервном фонде; низкая ликвидность банковской системы и капитализация фондового рынка; неэффективное использование накопленных сбережений; дороговизна кредитов для инвестиций в реальный сектор экономики; превышение уровня процентных ставок уровня рентабельности отечественных предприятий; ограничение эмиссии российских рублей и денежного предложения в зависимости от притока и продажи иностранной валюты и др.

Энтропийная модель российской экономики характеризуется низкой конкурентоспособностью, крайне низкой эффективностью бюджетных расходов, ростом производственных и транзакционных издержек, масштабной коррупцией, наращиванием бюджетных и корпоративных заимствований, неустойчивостью российской финансовой системы, ее чрезмерной зависимостью от внешней конъюнктуры, от состояния мировых финансовых рынков, от конфискационных решений управляющих институтов других государств. На наш взгляд, такое распространенное сегодня в российской экономике явление, как коррупция, имеет по сути энтропийную природу и уменьшает меру целостности, упорядоченности, сбалансированности, устойчивости (жизнеспособности) отечественной экономической системы.

Серьезным риском является то, что рентабельность вложений в финансовые активы (финансово-спекулятивные операции) существенно превышает рентабельность вложений в реальные производственные активы. Значительная часть поступлений от размещения акций и корпоративных облигаций на российском рынке не направляется на развитие реального сектора, на структурную модернизацию экономики, а используется для вывоза капитала в офшоры или для обеспечения собственных неэкономических нужд.

Доля средств, привлекаемых с помощью эмиссии облигаций и акций, в величине общего финансирования основного капитала российских предприятий за последние годы составляла не более 10%. Российский фондовый рынок не выполняет своей главной целевой

функции. Рынок ценных бумаг для обеспечения собственных нужд выкачивает ресурсы из реального сектора российской экономики, энтропийно обескровливает потенциал и силы развития инновационных, промышленных и социальных секторов экономики.

Системными проблемами являются крайне неэффективное использование накопленных сбережений, низкая норма накопления. Значительная доля национальных сбережений в России не превращается в инвестиции, в реальные активы, а выводится из страны через различного рода офшоры, суверенные фонды и размещается в кредитно-финансовых учреждениях за рубежом. Так, средства резервного фонда и фонда национального благосостояния России работают не на российскую экономику, а на экономики США и других стран Запада, поскольку большая их часть вложена в долговые обязательства этих стран (в основном в долговые обязательства Казначейства США, которые имеют крайне низкую доходность — 1,5—2,5%).

Одним из основных энтропийно-критических параметров (рисков) является значительный рост внешних заимствований российских банков и нефинансового сектора. Например, внешний долг негосударственного (частного корпоративно-банковского) сектора составляет порядка 500 млрд дол. и значительно превышает величину международных резервов Российской Федерации. Следует отметить также, что сумма общего долга субъектов Российской Федерации и муниципальных образований превышает 2,5 трлн р. По данным платежных балансов, вывоз капитала из России за рубеж в последние годы составляет десятки миллиардов долларов ежегодно (например, по официальным данным в 2014 г. отток капитала составил более 140 млрд дол.). Международные (золотовалютные) резервы ЦБ РФ составляют менее 400 млрд дол.

Следует отметить, что величина активной, наиболее ликвидной части российских золотовалютных ресурсов должна быть скорректирована (уменьшена). По подсчетам президента партнерства «Новый экономический рост» Михаила Дмитриева, если вычестить из золотовалютных резервов ЦБ средства резервных фондов, которые нельзя использовать для поддержания текущего курса рубля, российскую квоту в МВФ, золотые запасы и другие неликвидные активы, остается порядка 100—110 млрд дол. ликвидных резервов. Для российского платежного баланса оценки МВФ дают минимальный уровень в 70 млрд дол. Любая чисто спекулятивная операция, когда нефть пробьет 40 дол. и упадет до 30 дол., вызовет мощнейшую атаку на рубль. И 100 млрд дол. будет недостаточно для удержания ситуацию хоть в сколько-нибудь нормальном состоянии [12].

Банковская система России также не в должной мере выполняет свою важнейшую функцию по трансформации сбережений в инвестиции в реальные активы. Доля банковских кредитов в общем объеме финансирования основных фондов российских предприятий сегодня составляет менее 10%. Значительная доля российских банков в последние годы ориентирована на реализацию спекулятивной стратегии «*carry trading*». Российские кредитные организации активно заимствовали валютные денежные средства на зарубежных рынках под низкую ставку процента, переводили их на российские счета и затем вкладывали в рублевые (как правило, финансовые) активы с более высокой доходностью.

Для периферийных, развивающихся стран в случае кризиса и резкой девальвации национальной валюты стратегия «*carry trading*» является рискованной. Это подтвердилось осенью 2008 г., когда российская банковская система попала в ликвидную ловушку: в результате девальвации российской валюты (примерно на 30%) рублевые активы резко обесценились, а обязательства в иностранной валюте перед нерезидентами резко подорожали. Финансово-кредитным учреждениям стало не хватать средств для выполнения своих валютных обязательств. Для их спасения потребовались миллиардные вливания государственных ресурсов. По мнению экспертов МВФ, именно вовлеченность в спекулятивную стратегию «*carry trading*» банков из развивающихся стран является одним из основных рисков финансовых рынков в этих странах [21].

Активный приток иностранных портфельных инвестиций в первой половине 2017 г. и относительное укрепление курса российского рубля обусловлены именно краткосрочной спекулятивной стратегией «*carry trading*», после действия которой, как правило, происходят массовый выход иностранного капитала из рублевых активов, отток капитала и резкое падение курса рубля.

Реализация данной стратегии несет огромный риск для российской банковской системы. Она в условиях высоких процентных ставок снижает у банков стимулы к менее доходным вложениям в реальный сектор экономики, ведет к кризису ликвидности, деформации структуры инвестиций, формированию мыльных пузырей на рынках рублевых корпоративных облигаций, стагнации кредитования, деградации уровня финансово-банковского менеджмента [6—7].

В результате кризиса в октябре—декабре 2014 г. в российской экономике наблюдались негативные тенденции. Произошло обесценивание рубля в два раза, выросла инфляция, ЦБ повысил процентную ставку до 17%. Снижение цен на акции большинства российских пред-

приятый привели к резкому снижению стоимости залога по кредитам, у российских банков в балансах образовались большие недостатки денежных средств. Коммерческие банки стали испытывать острую нехватку живых денег и сократили выдачу кредитов предприятиям, концентрируя свои усилия на зарабатывании денег за счет спекуляций на валютном рынке. У крупнейших российских компаний и банков резко упала капитализация, снизилась стоимость активов, рассчитанных в валюте. На основании этого и в соответствии с условиями кредитного договора выдавшие российским компаниям валютные кредиты западные банки начали требовать возвращения части ранее выданных валютных кредитов. При этом ведущие мировые рейтинговые агентства понижают рейтинги российских компаний и банков (к февралю 2015 г. снижение произошло по всем позициям для всех ведущих российских компаний и банков с прогнозом на дальнейшее понижение), что ухудшает контрактные условия валютного кредитования российских компаний. При понижении рейтинга и капитализации российских предприятий происходит отзыв части ранее выданных им валютных кредитов.

В условиях действия введенных Западом санкций, запрещающих выдачу средне- и долгосрочных кредитов российским компаниям и банкам (более 30 дней), у последних нет возможности перекредитоваться в валюте за рубежом. Единственная надежда на кредиты ЦБ РФ, валютные резервы которого ограничены. Однако международные обязательства российского правительства, компаниям и банкам нужно выполнять. В этих условиях все их силы направлены не на инвестиции, модернизацию, расширение производства и экономический рост, а на выплаты западным банкам резко подорожавших валютных кредитов. И это на долгие годы закрепляет за Россией роль сырьевого придатка ведущих стран Запада и динамично развивающихся стран Востока.

Российские компании и банки оказываются загнанными в энтропийную валютно-кредитную воронку (ловушку) на долгие годы [10, 49—57].

В основе резкого и значительного снижения курса российского рубля в конце 2014 г., кроме ряда объективных причин, лежали технологии *энтропийного управленческого манипулирования*. Главный институт-макрорегулятор, ответственный за обеспечение стабильности курса российского рубля и проведения сбалансированной денежно-кредитной политики, Центральный банк стал олицетворением технологий энтропийного менеджмента, энтропийного управленческого манипулирования.

Особенно наглядно технологии энтропийного менеджмента проявились в процессе проведения крайне неэффективной денежно-кредитной политики руководством ЦБ РФ, неэффективные действия которого во многом способствовали усилению кризисных явлений в экономике (обвал курса российского рубля в два с лишним раза, повышение процентной ставки до 17%) во второй половине 2014 г. и, следовательно, значительному росту инфляции в 2015 г. Одним из главных негативных следствий энтропийной денежно-кредитной политики российского ЦБ является, начиная с осени 2014 г., целенаправленное формирование у экономических агентов (бизнеса, населения) устойчивых повышенных инфляционных ожиданий и ожиданий резкой девальвации рубля. Этому способствовали и отказ от политики валютного коридора, и прекращение валютных интервенций, и замалчивание руководством ЦБ характера проводимой им денежно-кредитной политики, и выдача значительных денежных сумм ЦБ коммерческим банкам под минимальные проценты накануне резкого обвала курса рубля на ММВБ.

Ошибочным было и решение руководства ЦБ РФ о резком повышении процентной ставки (до 17%) в декабре 2014 г. Оно, вопреки либерально-рыночным ожиданиям руководства ЦБ, привело не к укреплению российского рубля, а к его обесценению. Это свидетельствует о несостоятельности старой либерально-рыночной доктрины валютного и денежно-кредитного регулирования, разработанной американскими либерал-экономистами и настоятельно рекомендованной МВФ, которой, вопреки сегодняшним реалиям, до сих пор настойчиво придерживаются энтропийные либерал-менеджеры.

Важно отметить, что такая политика ЦБ привела российскую экономику к резкому сжатию денежной массы, уменьшению денежного предложения, денежному голоду инвестиционной сферы и реального сектора экономики. Так, показатель «отношение денежной массы к ВВП» в России самый низкий в рейтинге 20 наиболее развитых стран мира и не превышает 40—45%.

Один из методов энтропийной макроуправленческой ловушки характеризует так называемый *закон Ч. Гудхарта*. Главный советник по денежно-кредитной политике Банка Англии и заслуженный профессор Лондонской школы экономики и политических наук Гудхарт в 1975 г. в своей статье, основываясь на наблюдениях за денежной политикой и экономикой Великобритании, сформулировал положение о том, что любая наблюдаемая статистическая закономерность имеет тенденцию разрушаться, как только на нее оказывается давление с целью управления экономикой [19]. Иными словами, любой экономиче-

ский показатель перестает правильно отражать реальность, когда становится целевым для проведения экономической политики. Правительственные чиновники и экономические агенты всегда смогут улучшить требуемые от них целевые показатели, не улучшая при этом реально работу самой экономической системы. Например, можно оценивать работу местных чиновников по уровню бедности в городе. Но если они будут знать о данной критерии оценки, то легко найдут способ понизить уровень бедности на бумаге, не увеличив при этом реальных доходов населения. Гудхарт сделал вывод, что попытки Центрального банка Англии контролировать уровень кредитования клиентов коммерческими банками всегда могут быть обойдены с помощью альтернативных форм кредитования.

В 1985 г. П. Эванс подтвердил вывод Гудхарта на примере анализа экономической политики США [17, 1—8]. Эффект, аналогичный эффекту Гудхарта, но применительно к таргетированию макроэкономических показателей, сформулировал в 1976 г. Лукас, который получил наименование *критика Лукаса*.

Эффект Гудхарта выявлен при проведении правительством Великобритании монетарной политики в 1970-е гг., когда правительство Маргарет Тэтчер попыталось провести денежную политику на основе целевых задач для широких и узких денег. Суть эффекта Гудхарта состояла в том, что монетарное таргетирование инфляции посредством контроля денежного агрегата, который был значимо связан с темпом инфляции, было неэффективно. Он был впервые использован для измерения денежной массы (*money supply*), которую монетаристское правительство Англии пыталось контролировать денежную массу (M0, M1, M2...) в фунтах стерлингов в целях снижения инфляции. Выяснилось, что каждый раз английским правительством под контроль брался недостаточно широкий агрегат денежной массы. Часть неучтенного монетарного специфического довеса позволяла банковскому сектору накачивать денежную массу и инфляцию в обход официально контролируемого индикатора [16, 304].

Российские ученые Е. Балацкий и Н. Екимова рассмотрели связь эффекта Гудхарта с технологиями социально-экономического манипулирования применительно к научно-образовательной сфере [1, 126—146].

В настоящее время российский Центральный банк в качестве главного целевого показателя, определяющего денежно-кредитную политику, выбрал таргетирование инфляции на уровне 4%. В первой половине 2017 г. статистические органы рапортуют о том, что данный целевой показатель достигнут. На наш взгляд, это иллюзия российских

чиновников, браво отчитывающихся о своих «успехах», не имеющая никакого отношения к экономической реальности. Российские монетарные власти попали в энтропийную макроуправленческую ловушку, суть которой четко описывает эффект Гудхарта. Номинально административно-целевой показатель по инфляции достигнут, а реально основные макроэкономические показатели (реальный ВВП, доступность инвестиций для финансирования реального сектора, реальные доходы населения и др.) долгое время не улучшаются. Имеет место глубинное системное противоречие: хвалебная энтропийная бумажно-статистическая отчетность российских чиновников не соответствует реальному состоянию российской экономики и противоречит интересам большинства предпринимателей и населения России.

Следует привести еще один наглядный пример управленческого манипулирования, или энтропийной управленческой ловушки. По данным РБК, один из самых богатых людей в мире, американский инвестор-миллиардер У. Баффет опубликовал в феврале 2017 г. послание акционерам своей компании Berkshire Hathaway. Особое внимание в своем послании Баффет уделил сравнению активных и пассивных стратегий инвестирования и проблеме неоправданно высоких комиссионных финансовых управляющих. Так, в 2007 г. он заключил пари с управляющим инвестфондом Protégé Partners Т. Сидсом, поставив 500 тыс. дол. на то, что обычный индексный фонд, который пассивно следует за индексом S&P 500, выступит лучше индекса хедж-фондов, составленного профессиональным управляющим, с учетом расходов инвестора на комиссионные. Баффет приводит результаты пяти фондов, отобранных Сидсом, и индексного фонда Vanguard S&P за девять лет. В то время как пассивная стратегия принесла бы инвестору 85,4% доходности за этот период, только один из фондов, инвестирующих в хедж-фонды, показал бы более-менее сопоставимую доходность (62,8%), другие четыре принесли бы лишь от 2,9 до 28,3%. По словам Баффета, огромные фиксированные комиссионные, взимаемые с инвестора хедж-фондами и фондами хедж-фондов, «абсолютно не оправданы их результатами», но зато управляющие «купаются в вознаграждениях». Он оценивает, что за девятилетний период почти 60% всего дохода, полученного этими пятью фондами, против которых он поставил, ушло в карманы управляющих. «Когда триллионы долларов управляются людьми с Уолл-стрит, которые взимают высокие комиссионные, непомерные прибыли обычно достаются управляющим, а не их клиентам» [15].

Это наглядная иллюстрация наличия институционально-законодательных пустот и энтропийных управленческих ловушек, ко-

которые имеют место в российской законодательно-правовой и финансово-экономической системе. Такой энтропийный макроменеджмент международных и российских управленческих элит является результатом технологий энтропийного управленческого манипулирования. Дж. Сорос подчеркивал важную мысль о влиянии на экономическую действительность осознанных действий субъектов управления: «Если в квантовой физике вмешательство в ход событий происходит лишь в результате акта пассивного наблюдения, когда сам наблюдатель стремится остаться нейтральным к предмету исследования, то в экономике активные действия мыслящих участников направлены на непосредственное преобразование действительности» [14].

В подтверждение сделанных нами выводов приведем высказывания известных российских специалистов в области госрегулирования, макроэкономики и финансов. Бывший премьер министр Е.М. Примаков дал следующую характеристику управленческим решениям чиновников-либералов в правительстве: «Озабоченные интересами нашей финансовой олигархии, либералы упрямо отстаивают сохранение высоких кредитных ставок, утверждая, якобы низкая ставка будет стимулировать инфляцию. Но они умалчивают, что высокие ставки изначально подрывают возможности не только экономического роста, но и простого воспроизводства везде, где норма рентабельности ниже ставки процентов за кредит. В интересах финансовой олигархии умалчивается, что достаточно подчинить систему кредита решению основных задач плана социально-экономического развития, придав кредиту строго целевой характер, и проблема инфляции будет снята. Что касается контроля и ужесточения государственной политики регулирования, вспомним времена Великой депрессии, когда в США по инициативе президента Ф. Рузвельта был принят закон Гласса—Стиголла, согласно которому проведено отделение и защита нормального банковского дела от финансовых институтов, занимающихся спекулятивной «инвестиционной» деятельностью. И это сыграло важную роль в преодолении кризиса, хотя воспринималось далеко не однозначно» [13].

Критикуя проводимую в последнее время денежно-кредитную политику, академик РАН, советник президента России С.Ю. Глазьев отметил: «Ключевая ставка ориентирована на спекулятивные операции — на поддержку ликвидности для спекулятивных операций. Сам процент доступен только для спекулянтов. Поэтому вся денежная политика вылилась в политику для спекулятивного финансирования спекулятивного оборота... Сегодня же мы идем по тому пути, который традиционно рекомендует МВФ — этот путь диктуется интересами крупно-

го международного капитала, в основном американского. И он не имеет ничего общего с нашими национальными интересами» [3].

Приведем положение из нашей статьи, опубликованной в начале 2014 г.: «Эти новые управленческо-манипуляционные реалии следует учитывать российским государственным органам управления при разработке и проведении эффективной макроэкономической и внешнеэкономической торговой политики, в том числе и рекламируемую в последнее время рыночными либералами политику так называемого таргетирования инфляции, а также свободного рыночного (без участия валютных интервенций Центрального Банка России) установления курса российского рубля. Можно прогнозировать, что чиновники-либералы экономического блока правительства РФ с присущей им энтропийной логикой управленческих решений в очередной раз сделают жертвой энтропийного управленческого манипулирования реальный сектор экономики России и беднеющее население» [8, 57]. Как показали дальнейшие события, высказанное наше положение полностью подтвердилось. В 2014—2016 гг. объем инвестиций в реальный сектор российской экономики и ВВП снижались, а уровень реальных доходов населения падал, что привело к росту количества бедных слоев населения.

Все вышеперечисленное свидетельствует о нарастании в мировой и российской экономической системе энтропии, наличии высоких системных рисков, институционально-законодательных пустот и управленческих ловушек. Чтобы преодолеть энтропийный характер российской экономики, повысить эффективность и устойчивость российской финансово-банковской системы, увеличить норму накопления и инвестиций в реальные активы, необходимо перейти к *новой неэнтропийной модели развития*, модернизировать старые институты, а также сформировать новые эффективно действующие институты развития и финансово-экономические механизмы, обеспечивающие рост инвестиций в реальную экономику и достижение устойчивого экономического роста в России.

Для успешного преодоления негативных последствий кризиса и обеспечения высоких темпов экономического роста необходимы разработка новых организационно-экономических механизмов регулирования и смена приоритетов в макроэкономической политике на новые, среди которых важнейшее место занимают поддержка потребительского кредитования, обеспечение опережающего роста инвестиций частного сектора, государственных расходов в инновации в промышленно-научный и интеллектуально-образовательный потенциал, стимулирование роста внутреннего платежеспособного спроса и экспорта

продукции высокотехнологичных отраслей. Эффективная бюджетно-налоговая, денежно-кредитная и валютная политика государства сегодня должна стать ключевым звеном противодействия разворачивающемуся финансовому кризису и обеспечения устойчивого экономического развития на национальном и региональном уровнях [4].

В качестве важнейших резервов современного экономического роста выступают инновации в промышленность, инвестиции в человеческий капитал, в наукоемкие отрасли реального сектора экономики, а также повышение эффективности макроэкономического регулирования, включающего борьбу с коррупцией, совершенствование бюджетного процесса, таможенно-налоговой, денежно-кредитной и валютной политики. Инвестиции в крупные инновационные проекты, в ИКТ, в человеческий капитал обладают мультипликационным эффектом, поскольку они ускоряют рост самого ИКТ-сектора, способствуют росту эффективности сопряженных отраслей и в целом экономики России.

Сегодня либерально-рыночные механизмы автоматически не работают, дают системные сбои и наносят значительный ущерб экономике России и других стран. Рыночная экономика имеет энтропийно-инфляционную природу, т. е. она инфляционна по своему генетическому устройству.

В ближайшее время в России может сложиться крайне негативная ситуация, которую можно охарактеризовать как *энтропийная стагфляционная ловушка*, характеризующаяся самовоспроизводящимся механизмом одновременного обесценения курса национальной валюты, роста инфляции, роста процентной ставки, снижения объемов кредитования и инвестиций и падения производства (роста безработицы). Стагфляционная ловушка предполагает возникновение в экономической системе комбинации отрицательных мультипликационных эффектов (несбалансированных стагфляционных эффектов). В последние годы возникновение инфляционных эффектов обусловлено не только увеличением объемов спекулятивного кредитования и размерами бюджетного дефицита, но и дезорганизацией денежно-кредитной системы в целом, а также высокой коррупцией и крайне низкой эффективностью макроэкономических решений.

Главное средство преодоления острого кризиса в российской экономике — это преодоление хаоса в головах либерал-рыночных политиков, экономистов и чиновников, преодоление энтропии мышления и энтропийной логики принятия управленческих макроэкономических решений.

В современных условиях менеджер принимает управленческие решения в условиях высокой гиперконкурентной борьбы, высокой

неопределенности, рисков, неполноты информации, невозможности эффективно контролировать все разнообразные параметры и факторы в условиях ограниченных интервалов времени. Энтропийный менеджер в этих условиях не способен действовать эффективно, он постоянно попадает в энтропийные управленческие ловушки. Энтропийному менеджеру, являющемуся объектом энтропийно-управленческого манипулирования, присущи не только энтропийная логика принятия управленческих решений, но и аналитическая периферийность.

Аналитическая периферийность — это концентрация внимания и усилий на анализе и решении: не главных, центральных проблем, а второстепенных, периферийных; не глубинных причин, а лишь следствий; не содержательных характеристик, а лишь поверхностных форм анализируемых процессов и явлений. Аналитическая периферийность — это энтропийно-манипуляционная технология отвлечения внимания субъектов с главного на второстепенно-периферийное.

Актуальным и перспективным направлением является разработка механизма преодоления энтропийного мышления и энтропийного управления. Сегодня необходимо начать разработку и формирование критериев и параметров классификации, методов упорядоченности системы принятия решений человеком. Следует учитывать, что в современной информационно-сетевой экономике человек является не только субъектом принятия решений, но и объектом управления, т. е. объектами непосредственного воздействия становятся интересы, потребности, мотивы, предпочтения человека, его мозг, разум, воля, психика, его поведение, его личностно-эмоциональная и оценочная интерпретация принимаемых решений [9, 185—201].

Главными и первыми мерами из списка комплексных антикризисных мер по преодолению кризиса и хаоса в институционально-экономической системе являются смена парадигмы управления, изменение кадровой политики, смена кадров на всех уровнях, замена старых энтропийных и хаос-менеджеров (носителей энтропийной логики управленческих решений) новыми синергийными менеджерами, менеджерами созидательного порядка (носителями синергийной логики управленческих решений). Наиболее актуальна данная проблема для социально-экономической системы России. В одной из предыдущих работ нами были изложены основные положения инновационно-инвестиционной концепции развития России [9, 15—20].

Успех системно и последовательно осуществляемой замены всех старых хаос-менеджеров и энтропийных менеджеров на новых синергийных менеджеров в решающей мере обуславливает и успех в преодолении хаоса и проведении системной антикризисной политики

в экономике России, обеспечение ее динамичного, устойчивого и безопасного развития в XXI в.

Литература

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Глобальные рейтинги университетов: проблема манипулирования // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. №1(13).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации. М., 2008.
3. Глазьев С. Центробанк работает в интересах американского капитала / МЭФ. Дата публикации: 03.02.2015 // <http://me-forum.ru/media/news/3801/>.
4. Государство и рынок: механизмы и методы регулирования в условиях преодоления кризиса. Коллективная монография: В 2 т. Т. 2. СПб., 2010.
5. Дятлов С.А. Глобальная инновационная гиперконкуренция как фактор трансформации мировой экономики // Философия хозяйства. 2010. № 4. С. 113—132.
6. Дятлов С.А. Денежная энтропия как элемент воспроизводства глобального кризиса // Экономист. 2015. № 9. С. 49—57.
7. Дятлов С.А. Инновационно-инвестиционная концепция развития России // Инновации. 2015. № 4 (198). С. 15—20.
8. Дятлов С.А. Энтропийная доминанта мировой и российской финансово-экономической системы // Инновации. 2014. № 4 (186).
9. Дятлов С.А. Энтропийная экономика: методология исследования глобального кризиса. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015.
10. Дятлов С.А. Энтропия институциональных систем в условиях глобальной гиперконкуренции // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы IV Международной научной конференции: В 2 ч. Ч. 1. Омск: Изд-во Ом. гос.ун-та, 2015. С. 53—64.
11. Кругман П.Р. Возвращение великой депрессии? М.: Эксмо, 2009.
12. Кувшинова О. Против рубля работает вся система госуправления // Ведомости. 2014. 9 дек.
13. Примаков Е. Что делать, когда либерализм душит экономику? // <http://me-forum.ru/media/news/3764/>.
14. Сорос Дж. Алхимия финансов. М.: Инфра-М., 1996.
15. Ткачев И. Баффет оценивает и советует // РБК-Газета. 2017. 25 февр.

16. *Chrystal K.A., Mizen P.D.* Goodhart's Law: Its Origins, Meaning and Implications for Monetary Policy // Essays in Honour of Charles Goodhart. Edward Elgar Publishing, 2003. Vol. One.

17. *Evans P.* Money, Output and Goodhart's Law: the U.S. Experience // Review of Economics and Statistics. 1985. Vol. LXVII. No. 1. P. 1—8.

18. Global Trends 2030 // Alternative World. 2012.

19. *Goodhart C.A.E.* Problems of Monetary Management: The UK experience // Papers in Monetary Economics. Reserve Bank of Australia. 1975. Vol. I.

20. *Hall R.* Macro Theory and the Recession of 1990—1991. Stanford, 1993.

21. IMF. Global Financial Stability Report. Chapter 4. Global liquidity expansion: effect on receiving economies and policy response options. April. 2010.

References

1. *Balackij E.V., Ekimova N.A.* Global'nye rejtingi universitetov: problema manipulirovaniya // Zhurnal Novoj ehkonomicheskoy asociacii. 2012. № 1(13).

2. Byudzhethnyj kodeks Rossijskoj Federacii. M., 2008.

3. *Glaz'ev S.* Centrobank rabotaet v interesah amerikanskogo kapitala / MEHF. Data publikacii: 03.02.2015 // <http://me-forum.ru/media/news/3801/>.

4. Gosudarstvo i rynek: mekhanizmy i metody regulirovaniya v usloviyah preodoleniya krizisa. Kollektivnaya monografiya: V 2 t. SPb., 2010. T. 2.

5. *Dyatlov S.A.* Global'naya innovacionnaya giperkonkurenciya kak faktor transformacii mirovoj ehkonomiki // Filosofiya hozyajstva. 2010. № 4. S. 113—132.

6. *Dyatlov S.A.* Denezhnaya ehntropiya kak ehlement vosproizvodstva global'nogo krizisa // EHkonomist. 2015. № 9. S.49—57.

7. *Dyatlov S.A.* Innovacionno-investicionnaya koncepciya razvitiya Rossii // Innovacii. 2015. № 4 (198). S. 15—20.

8. *Dyatlov S.A.* EHntropijnaya dominantna mirovoj i rossijskoj finansovo-ehkonomicheskoy sistemy // Innovacii. 2014. № 4 (186).

9. *Dyatlov S.A.* EHntropijnaya ehkonomika: metodologiya issledovaniya global'nogo krizisa.. SPb.: Izd-vo SPbGEHU, 2015. S. 185—201.

10. *Dyatlov S.A.* EHntropiya institucional'nyh sistem v usloviyah global'noj giperkonkurencii // Institucional'naya transformaciya

ehkonomiki: rossijskij vektor novoj industrializacii: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: V 2 ch. Omsk: Izd-vo Om. gos.un-ta, 2015. CH. 1. S. 53—64.

11. *Krugman P.R.* Vozvrashchenie velikoj depressii? M.: EHkсмо, 2009.

12. *Kuvshinova O.* Protiv rublya rabotaet vsya sistema gosupravleniya // *Vedomosti*. 2014. 9 dek.

13. *Primakov E.* CHto delat', kogda liberalizm dushit ehkonomiku? // <http://me-forum.ru/media/news/3764/>.

14. *Soros Dzh.* Alhimiya finansov. M.: Infra-M., 1996.

15. *Tkachev I.* Baffet ocenivaet i sovetuet // *RBK-Gazeta*. 2017. 25 fevr.

И.В. ПШЕНИЦЫН

Какая экономическая наука нужна России

Аннотация. Раскрывается ущербность современной теоретической экономической науки в постановке проблемы развития России.

Ключевые слова: сбережение, Россия, экономика, хозяйство, народ, общество, труд, работа, отчуждение, уклад, потребности.

Annotation. Limits of the modern theoretical economic science in the exploration of the problem of the development of Russia are disclosed.

Key words: accumulation, Russia, economics, economics, nation, society, labour, work, subtraction, practice, demands.

УДК 330.1
ББК 65.011.3

Власть обеспокоена недостаточно быстрым развитием экономики в России. Не устраивают темпы роста ВВП — надо, чтобы они превышали темпы роста мировой экономики. Тогда вес экономики России в мире будет расти, и, как поется в известной песне, «все будет хорошо!».

По этой логике, в странах с развитой экономикой, видимо, все хорошо — не то, что у нас, в России. Но, как патриоты, мы не согласны: в России нам, почему-то, жить лучше. И тем не менее все равно хочется Россию основательно переделать, развить в ней экономику, но

так хитро, чтобы страна оставалась все той же, родной нашему сердцу Россией, не превратилась в какие-нибудь «Соединенные Штаты». Вот такая интересная задача: развивать Россию, которую сберегаем. Развивать, сберегая, или сберегать, развивая, — кому как нравится. В связи с этим возникает вопрос: какая экономическая наука нужна России?

Поднимая этот вопрос, надо понимать, как само собой разумеющееся, — не может быть какой-то особенной — российской — математики или физики, так же, как не может быть и российской экономики как отдельной науки. А это означает, что какая-то особая российская наука может возникнуть, только если у нас, в России, есть некий уникальный объект для научного исследования, которого нет в странах с развитой экономикой. Чтобы обнаружить такой объект, российская наука должна научиться различать хозяйство и экономику, народ и общество, труд и работу.

Хозяйство и экономика. Понятие хозяйства принципиально отличается от понятия экономики, однако в экономической науке такого различия не проводится, тем более что на английский язык «хозяйство» переводится как «экономика». Рассуждая об экономике в широком смысле, знающие люди вспоминают Аристотеля и его определение экономики как управления домом, в отличие от хрематистики, погрязшей в деньгах. Получается, что экономику можно связать с реальным процессом экономии ресурсов, ростом производительности труда. Здесь нет ни денег, ни рынка, а экономия уже есть и реальная экономика, значит, тоже. Так где же место хозяйства — отличного от экономики? Во всех цивилизациях мы видим обмен благами, экономию и экономику. Разве что в совсем давние времена, где-нибудь в пещерах, при первобытнообщинном строе, когда еще не было обмена благами, производства и частной собственности, можно найти нечто чисто хозяйственное, не экономическое.

В чем состоит феномен хозяйствования, в отличие от экономии ресурсов, каков принцип хозяйствования не как экономии ресурсов и роста производительности труда? — вот в чем вопрос. И не фантазируем ли мы, говоря о хозяйстве, когда официальная прозападная наука давно пользуется словом «экономика»? Какие основания есть у русского народа говорить о хозяйстве, что в этом хозяйстве есть специфически хозяйственного, не экономического? Аристотель же показал, что нет в хозяйстве ничего специфического — и осталось слово «хозяйство», синоним экономики. Большинство ученых-экономистов, которые пока еще сохраняют в своем словарном запасе это слово, так его и используют, как синоним экономики. И если раньше в научном языке были устойчивые словосочетания «натуральное хозяйство», «сельское

хозяйство», «капиталистическая экономика», «рыночная экономика», то сегодня они размываются, и уже можно встретить и «натуральную экономику», и «капиталистическое хозяйство».

Примерно таков взгляд со стороны образованного ученого, экономиста. Между тем русскому человеку специфику хозяйства не надо искать в книгах иностранных авторов, хозяйством заполнено все его подсознание, и надо просто вспомнить, что русский народ называет хозяйством. Ярким примером хозяйства является общинное крестьянское хозяйство, которое век назад было основной формой народной жизни на просторах России. Какова специфика этого хозяйства в отличие от экономики? Прежде всего, хозяйство возможно только в единстве с природой, что сразу же бросалось в глаза отсутствием заборов и свалок мусора. Грязи полно, в непогоду весь перемажешься, а мусора нет. Свалок нет не потому, что мусор вывозят, а потому что отходов нет. В хозяйстве не бывает отходов, оно в принципе безотходное. Хозяйство является способом единства с природой в отличие от экономики, основывающейся на отчуждении от природы. Такова особенность хозяйства, превращающего природу в Родину для человека, воспринимающего землю как мать родную. Поэтому в хозяйстве невозможны экологические проблемы и нет необходимости в экологии как особой науке — из-за отсутствия для нее объекта исследования. Единство с окружающим миром — особенность хозяйства, но не экономики. Коротко говоря, хозяйство связано с природой, любовью к родной земле, в то время как экономика основана на отчуждении от природы, желании брать у нее, не дожидаясь милостей.

Народ и общество. Для понимания происходящих в России событий важно различать народ и общество. В советское время общественные интересы и общенародные считались синонимами, общественное противопоставлялось частному, а отнюдь не народному. Общество и народ слились в сознании людей в едином беспонятии. И сегодня призыв к сбережению народа не противоречит, кажется, заявлениям о созидании в России гражданского общества. Между тем вполне может оказаться, что эти цели не совместимы. Конечно, если народ рассматривать как нацию, как социум, или тем более как демос, или даже как население, — не обращая внимания на «село», поскольку и в городе тоже есть население, — то все прекрасно согласуется. И народ сберегаем, и гражданское общество строим — все вместе, в одном флаконе. Гражданское-то, вроде бы, и не городское, а граждане совсем и не горожане, а тоже население, которое вроде бы и не на селе, не сельчане, а и в городе. Причем все так запутано только в русском языке, а если перейти на научный — прозападный, который от образо-

вания, то никакой проблемы вообще нет: есть несколько синонимов общества, в которых нет «рода». Только в России возникает противостояние народников и западников, или западников и почвенников, о чем недавно напомнил президент как о нашей российской традиции. Одно наше «хождение в народ» образованных людей из общества чего стоит! Так что же такое народ, в чем принципиальное отличие его от какого-либо общества? В чем его отличительная особенность — его *differentia specifica*? — В силе и важности для человека отношений между поколениями, образующими род.

Народ не является обществом современников, подобно гражданскому обществу, демосу, нации или толпе; народ создают скрепы между поколениями, определяющие, в том числе, состав семьи из нескольких поколений. Человек не является в народе обособленным индивидом, обладающим правом выбора, в частности, он имеет совесть, накрепко связывающую его с народом. В народе человек представляет собой вид, определенный вид живого существа, а не индивида, гражданина, собственника или профессионала как в обществе.

Чтобы сделать различное понимание народа и общества более очевидным, покажем принципиальную невозможность проведения общенародного референдума. Речь не идет о нереальности 100%-й явки, и даже не о том, что малолетние, не будучи избирателями, являются неотъемлемой важнейшей частью народа, определяющей мотивацию всего народа, в отличие от обособившейся «элиты», которая частью народа не является, и гордится этим. Речь идет о том, что народ состоит не только из живущих поколений. Ушедшие поколения продолжают жить в народе, и не потому только, что их помнят и чтут сознательно, не только от живущих, а прежде всего от их подсознания, в формирование которого ушедшие поколения вложили свой труд и душу. И будущее поколение живет в народе, определяя его базовую потребность в детях и труде по их одухотворению. Народ можно увидеть, только если видеть сквозь время. Единство поколений выражается в силе народного духа. Обособленного бездушного сознания индивида, необходимого для проведения референдумов, в народе нет. Человеку-неиндивиду противно ощущение, что он как избиратель существует отдельно от своего народа.

Существование народа, а значит и его сбережение предполагают определенный уклад жизни, основанный на потребности в детях, что присуще хозяйству, но не присуще экономике. В мегаполисе народ деградирует в гражданское общество, утрачивая пассионарность.

Труд и работа. Что такое труд — во многом до сих пор не ясно и, прежде всего, потому, что в образовании мы следуем за Западом, а

там труд понимают как работу. Между тем у русского народа понимание труда в корне отличается от работы. Хорошо известна поговорка: «Без труда не вытащишь рыбку из пруда», однако не менее популярна другая: «Работа не волк — в лес не убежит». В первой поговорке скрывается понятие труда, его отличительная особенность. Чтобы поймать рыбку, надо соорудить нечто. Создание орудия — необходимая составляющая процесса труда. В создании орудий труда проявляется отличающая человека способность видеть во времени, т. е. совершать действия, необходимость которых очевидна только потом, в будущем. У человека появляется как бы третий глаз. Он видит причинно-следственные связи, видит сквозь время. Создавая орудия труда, вооружаясь, человек живет в будущем времени. Поэтому животное не пойдет в лес за рыбкой, а человек пойдет, чтобы сделать удильце или нарезать веток для верши. В лесу для него начинается ловля рыбки.

Известно утверждение, что человек — это животное, удовлетворяющее свои потребности посредством создания орудий труда. Такое понимание не верно, поскольку рассматривает труд как средство. В действительности труд является для человека не средством, а потребностью, поскольку иначе он деградирует и не становится человеком. В народе такое понимание живет в притче о том, как стать человеком. Для этого надо построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Надо трудиться, совершать действия, смысл которых становится очевидным только в будущем.

Особенно разительно труд отличается от работы своим воздействием на духовный мир человека. В труде человек управляет собой, управляется. Завершив дело, русский человек говорит: «Я управился». Поэтому труд развивает человека и необходим ему с детских лет. Напротив, работа негативно сказывается на развитии человека, от работы, как говорится, «конидохнут».

Понимание работы возникает в результате анализа разделения труда. К сожалению, в науке сложилась устойчивая традиция не отличать *разделение процесса труда* от *распределения видов труда* между людьми. Существует даже противоестественное «естественное разделение труда» по полу и возрасту. Между тем в результате разделения процесса труда труд как целесообразная деятельность разделяется, и человек превращается в работника. Хорошо известно описанное еще Адамом Смитом мануфактурное разделение труда, разделение процесса труда в мануфактуре, приведшее к появлению частичных рабочих и управляющих мануфактурами, капиталистов. В мануфактуре все работают, включая и управляющего, но никто не трудится. Процесс труда,

изготавливаемый продукт, отчужден от людей, возникает отчуждение труда от человека, который из трудящегося превращается в работника. Отчуждение труда неразрывно связано с разделением процесса труда и превращением труда в работу. В результате человек не управляет сам собой, происходит раскол человека. Он специализируется или в умственной работе по управлению чем-то, или в физической или умственной работе, не управляемой им самим. Человек деградирует в специалиста-профессионала, возникает «профессиональный идиотизм».

В результате разделения процесса труда труд отчуждается от человека, из главной потребности превращается в средство. Лишенная целесообразности работа становится средством для выживания. Она тяготит человека, и тот стремится к ее экономии, чего не было, когда человек развивался и жил в труде, который был его потребностью. С отчуждением труда от человека возникает экономическое отношение человека к работе — его естественное стремление уменьшить рабочее время.

Вместе с тем с разделением процесса труда использование человека для работы оказывается совсем не обязательным. Работать лучше человека могут машины, животные и силы природы. Так, мануфактура преобразуется в фабрику, а мануфактурное разделение труда распространяется в общественное разделение труда. Теперь процесс труда, т. е. процесс создания орудия и производства с его помощью продукта, осуществляется не в одном месте под единым управлением, а становится общественным. Создание орудий труда происходит на заводах отдельно от их использования на фабриках. Утрачивается управление процессами труда, выполнявшееся ранее владельцами мануфактур. С превращением мануфактурного разделения труда в общественное разделение труда экономический подход становится господствующим, возникает рыночная экономика как апогей экономии отчужденного труда. Труд как единственно человеческая форма жизнедеятельности, как целесообразная деятельность и главная потребность, развивающая умозрительный потенциал человека, отчуждается от человека, который становится работником и потребителем товаров. Так разделение труда господствует над человеком в экономике.

В экономике труд существует как фактор наряду с другим фактором — средствами производства, или капиталом, с которым он конкурирует. Сам факт замещения труда капиталом, механизация труда, автоматизация свидетельствует, что ничего специфически человеческого, никакого труда, здесь нет. Это — работа, превращающая человека в рабочую силу, в биоробота.

Ограниченность принципа экономии ресурсов или роста производительности труда и экономики. Любая экономика основана на отчуждении человека от природы, труда и народа. Отчуждение — бездушное состояние отрицания любви, как всеобщего начала; состояние бесчувственности, голой рациональности и абсолютной независимости, духовной пустоты, присущей экономическому человеку как индивиду, собственнику, интеллектуалу или профессионалу.

С отчуждения, изоляции от родной земли начинаются болезни народного духа. Не случайно в народных сказаниях кист с родной землей на груди богатыря придает на чужбине силу, а потеря киста силы лишает. Специфически человеческое единство с родной землей, любовь к ней возможны только в труде, с детства развивающем потенциал человека. Отчуждение от природы (земли) проявляется в огораживании, накапливающихся отходах, возникновении особенной науки — экологии.

Отчуждение от народа проявляется в индивидуализме экономического человека, с соответствующими ему потребностями. В понимании потребности существуют два абсолютно разных подхода. Один подход, господствующий в экономической науке, исходит из потребления благ: товаров и услуг. Человек как индивид, экономический человек, мотивирован потреблением и является по сути потребителем. Противоположный подход к потребности исходит из того, что человеку как виду требуется для жизни. Для вида его сохранение, родовая жизнь, жизнь и здоровье народа, сбережение народа всегда главные потребности. Труд, непосредственно связанный с выращиванием и одухотворением детей, является главной потребностью в хозяйстве, что определяет другие основные потребности: когда, что и сколько есть и пить, где, в чем, с кем и как жить и т. д. и т. п. Однако экономика формирует принципиально иную систему потребностей, что в результате порождает демографические проблемы и демографию как отдельную науку.

Отчуждение от труда как жизнедеятельности посредством общественного разделения процесса труда превращает труд в работу как средство получения дохода. Поэтому принцип экономии ресурсов и роста производительности абсолютизируется.

Окончательно ущербность экономики раскрывает то, что ее базовые отношения — производственные отношения, являются отношениями отчужденных современников — бездушными отношениями обмена.

Природа народного хозяйства. В отличие от любой экономики в народном хозяйстве базовыми отношениями являются отношения

между поколениями, которые не являются отношениями обмена. Основанием хозяйства является жизненный уклад народа, включающий единство с природой, землей (малая родина, замкнутый безотходный хозяйственный цикл); единство с родом, народом через базовую потребность в детях (семья, община, духовные скрепы); потребность в труде как хозяйственной деятельности, накапливающей потенциал человека. Хозяйство воссоздает человека.

Особенность России: общинное крестьянское хозяйство и народное хозяйство в их отличии от национальной экономики. По отношению к земле страны можно разделить на экономические и народнохозяйственные. Страны, где жители отчуждены от земли, в результате чего она стала объектом собственности, товаром и фактором производства, можно рассматривать как страны экономические по своей природе. Типичными представителями таких стран являются Англия и США. В противоположность им Россия является страной народнохозяйственной по своей природе. Россия возникла не в результате освобождения земель от коренного народа, как США по отношению к индейцам и Англия по отношению к собственному народу, а в результате присоединения земель вместе с хозяйствующими на них народами. Таким образом, земля не была отчуждена от народа, воспринималась как Родина, как мать. Любовь к родной земле, жизненный уклад, присущий народному хозяйству, и сегодня все еще удерживают Россию от распада по экономическим границам, определяемым внешними экономическими связями. Поэтому проведение экономических реформ по примеру стран Запада, развитие экономики как самоцель порождают отчуждение от земли, разрушение хозяйства, семьи и превращение народа в гражданское общество. Этот путь противоречит судьбе России, которая сохранится как русский мир, центр духовности, как уклад.

Уклад трактуется в экономической науке как способ производства; поэтому различают несколько пронумерованных по важности технологических укладов. Все это — попытки трактовать уклад на западный манер, не понимая глубины этого русского слова. Прежде всего, корень «лад» говорит об отсутствии отчуждения, поэтому относиться к экономике, основанной на отчуждении, это понятие никак не может, поскольку в экономике никакого лада ни с природой, ни в обществе нет. Уклад относится к народному хозяйству. Он характеризует накопление потенциала, присущее ладу, — клад, и привязку этого лада к конкретному месту, к родной земле — уклад. Понятие «уклад» характеризует процесс укладывания, а не процесс распространения, присущий экономике. Укладывание означает усложнение родного жизненного пространства, накопление внутреннего потенциала, ду-

ховное обогащение, т. е. все то, что присуще народному хозяйству. Русский мир — уклад, лишенный агрессии, духовно богатый. Слово-сочетание «хозяйственный уклад» — все равно что мокрая вода. Хозяйство и есть уклад, уклад жизни в отличие от экономики.

Поселения родовых поместий как сохранение специфики России, сбережение народа, возрождение духовных скреп между поколениями. Единство с родной природой является необходимым условием сбережения народа, поэтому не национальная экономика с ее мегаполисами, а народное хозяйство и поселения родовых поместий являются единственной формой жизни, сберегающей народ. Жизненный уклад поселений родовых поместий основан на потребности в труде по сбережению народа как базовой потребности человека.

В России существует проблема государственного строительства. Проблема эта, как говаривал профессор Преображенский, у нас в голове, поэтому так важен вопрос: какая наука нужна России? Экономика должна быть только средством решения конкретных задач (оборонеспособность, новые технологии и т. д.), не разрушающим жизненный уклад народа. И никакие вроде бы научные суждения о повышении будто бы качества будто бы жизни в мегаполисах благодаря развитию экономики не должны сбивать с толку. Но это трудно понять современному образованному экономисту-профессионалу, который, говоря об экономике, должен, вопреки сформированной привычке, помнить, что он человек, а не только экономист, да к тому же еще и сын своего народа.

Самые большие проблемы, как правило, связаны с головой. «Профессиональный идиотизм» становится в мегаполисах все более актуальным явлением. В условиях урбанизации, вызванной развитием национальной экономики, поселения родовых поместий являются эффективным средством сбережения и возрождения народа России, а значит, и самой России.

П.А. ПОКРЫТАН

Неоиндустриализация как категорический императив развития России

Аннотация. Тезисы посвящены актуальным вопросам проведения индустриализации: критериям, масштабам, формам, необходимости, социальным аспектам.

Ключевые слова: индустриализация, экономические законы, промышленный капитал, финансовый капитал, капитализм.

Abstract. The theses are devoted to actual problems of economic lows, industrialization: the categories, the forms, necessity, social aspects.

Keywords: industrialization, economic lows, industrial capital, financial capital, capitalism.

УДК 330

ББК 65

В целом отмечая полемику о неоиндустриализации, ведущуюся на протяжении длительного периода лет на конференциях, в экономической печати, на страницах журнала «Экономист», хотелось бы привлечь внимание к ряду моментов, которые требуют своего решения. Во-первых, необходимо определиться с категориальным аппаратом. С точки зрения критериев неоиндустриализация характеризует переход от аграрной, или аграрно-индустриальной, структуры народного хозяйства к индустриально-аграрной, или индустриальной, структуре экономики [3, 12]. Можно ли охарактеризовать экономику России как аграрную? Нет. Можно ли охарактеризовать экономику России как аграрно-индустриальную? Нет. Можно ли охарактеризовать экономику России как индустриально-аграрную? Можно. Возникает вопрос: от чего к чему в процессе индустриализации будет осуществляться переход? Индустриализация ли это?

Во-вторых, если исходить из доходов государственного бюджета страны, то большая доля его формируется за счет углеводородов. Следовательно, добывающая промышленность в стране есть. В структуре ВВП рассчитанного по добавленной стоимости она занимала 8,8% в 2015 г., что вдвое превышает долю сельского хозяйства — 3,9%. Второе место в мире по экспорту вооружений России дает все основания для того, чтобы заявить, что обрабатывающая промышленность в стране также есть. Ее доля в структуре ВВП 12,7% в 2015 г., что втрое превышает долю сельского хозяйства. Можно обсуждать вопрос ее размеров, устраивать дебаты относительно ее сокращения в сравнении с советским периодом. Но почему ее масштабы должны соответствовать советскому периоду? Если бы мы строили социализм, в условиях которого крупное машинное производство является материально-технической базой коммунизма, увеличение масштабов промышленного производства было бы вполне логичным. Но мы не строим социализм. Капитализму же промышленность в объемах советского

периода не нужна. Он неплохо себя чувствует и в формате современных «структур повседневности». Капитализм не в состоянии переварить доставшиеся в наследство от СССР производительные силы. Об этом, в частности, свидетельствует двадцатилетнее абсолютное сокращение численности населения страны. Но ведь призыв идет к неоиндустриализации, т. е. расширению производительной формы промышленного капитала. Это обстоятельство предполагает внимательно рассмотреть вопрос о необходимости индустриализации.

В-третьих, призывы к неоиндустриализации должны подтверждаться доказанным сто лет назад фактом господства финансового капитала по отношению к производительному. Это обстоятельство убедительно доказывается статистикой, фиксирующей увеличение представителей финансового капитала, что соответствует общей тенденции развития общественного производства. Возникает вопрос, за счет каких ресурсов будет проводиться неоиндустриализация. За счет финансового капитала? Но практика показывает, что до сих пор наблюдался прямо противоположный процесс: производство предоставляло ресурсы для роста финансового капитала. Именно это обстоятельство послужило основанием, в частности, для введения в действие закона Гласса-Стиголла.

В-четвертых, обращает на себя внимание внеисторизм категории «неоиндустриализация». Последняя предстает лишенной своей социально-экономической определенности. Вместе с тем, если обратиться к теории вопроса, то экономической науке известны два типа индустриализации — капиталистическая и социалистическая, которые различны по целям, источникам и способам реализации. Различны также экономические законы, детерминировавшие их появление. В журнале «Экономист» полемика идет о капиталистической индустриализации, если говорить точнее — о новой капиталистической индустриализации. Это существенное условие дает ключ к раскрытию вопроса о ее необходимости и возможности в современной России.

Если говорить о необходимости, то она определяется конкретно историческими законами общественного развития. Поскольку Россия — капиталистическая страна, то необходимость индустриализации должна быть продиктована действием экономических законов капитализма, в первую очередь, основным экономическим законом. Недоучет этого момента является существенным пунктом в понимании перспектив неоиндустриализации в современной России.

Как известно, индустриализация является формой увеличения прибавочной стоимости в условиях исчерпания возможностей повы-

шения ее за счет абсолютной прибавочной стоимости и перехода к относительной. Именно в этот период появляется избыточная прибавочная стоимость, достигаемая «пионерам» технического прогресса. Формируясь за счет разницы между общественной и индивидуальной стоимостью, она достается наиболее мощным из них, делая их еще сильнее. Остальные капиталисты угнетаются. Это общее положение справедливое для классического капитализма позволяет сделать определенные выводы для империализма. Во-первых, в силу отсутствия планового хозяйства и наличия частных интересов неоиндустриализация в масштабах всей экономики современной России, невозможна. Следовательно, она может воспроизвестись только на уровне отдельных наиболее крупных игроков на экономическом поле. Поэтому, во-вторых, монополии и государство — основные структуры, способные «осваивать» избыточную прибавочную стоимость. Это, разумеется, не означает, что они неизбежно будут ее осваивать. Между возможностью и неизбежностью лежит пропасть. Представляется, что олигархам, а также крупным и средним капиталистам индустриализация не нужна. Они в состоянии менее затратными способами получать прибыль [1], а внедрение технических новшеств, предполагающих получение собственно избыточной прибавочной стоимости, потребует существенных издержек, снижающих прибыль. Кроме того, их монопольное положение на рынке уменьшает угрозу разорения. Случай с «Трансаэро» показывает, до каких пределов необходимо быть должником (объем долга 260 млрд р.), чтобы тебя объявили банкротом [2]. Что невозможно при классическом капитализме, то вполне возможно при империализме, хотя и до определенных пределов. Таким образом, основным хозяйствующим субъектам, определяющим характер и структуру производственных отношений в стране, нужны стабильность и возможность осуществлять неэквивалентный обмен с сектором экономики, на что указывает, например, 4-я программа приватизации.

Вместе с тем лавочникам и мелким предпринимателям неоиндустриализация также не нужна, поскольку создание крупного машинного производства во всех отраслях производства подрывает условия их существования.

Не получит индустриализация всеобщей поддержки и со стороны пролетариата. Во-первых, в истории капитализма она приводит к массовому высвобождению рабочих. Во-вторых, рабочая аристократия будет против индустриализации, поскольку ее проведение может ухудшить ее положение в системе общественного производства.

Это то, что касается внутреннего положения. Не менее значимо и отношение внешнего мира к вопросам индустриализации в России. Внешнее капиталистическое окружение не будет способствовать проведению индустриализации в России. Ей не нужен новый конкурент на мировом рынке. Они только-только разобрались с СССР и странами соцлагеря. Поэтому в отношении этой политики будет применяться весь арсенал средств, препятствующих усилению России.

Таким образом, если заказ на индустриализацию будет объективно необходим, т. е. продиктован экономическими законами, тогда она неизбежно будет проводиться представителями крупного капитала, поскольку это будет условием его выживания. В этом случае возникнет очередная промышленная революция. Если же заказ поступит со стороны угроз существования государства, то вполне вероятно, что даже в условиях отсутствия экономической необходимости, индустриализацией будет заниматься государство. Но тогда конфликт между государством и олигархами неизбежен. Опыт показывает, что в США война печально закончилась и для Рузвельта, и для Кеннеди.

Литература

1. *Покрытан П.А.* О регулировании монопольных тарифов // Экономист. 2006. № 2. С. 9—14.
2. *Темкин А., Дзядко Т., Мироненко П.* Правительство приняло решение о банкротстве «Трансаэро» // РБК // [http://www.rbc.ru / ins/business/01/10/2015/560d1d769a794746e2c94d2a](http://www.rbc.ru/ins/business/01/10/2015/560d1d769a794746e2c94d2a).
3. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975.

References

1. *Pokrytan P.A.* O regulirovanii monopol'nyh tarifov // *EHkonomist*. 2006. № 2. S. 9—14.
2. *Temkin A., Dzyadko T., Mironenko P.* Pravitel'stvo prinyalo reshenie o bankrotstve «Transaehro» // RBC // [http://www.rbc.ru / ins/business/01/10/2015/560d1d769a794746e2c94d2a](http://www.rbc.ru/ins/business/01/10/2015/560d1d769a794746e2c94d2a).
4. *EHkonomicheskaya ehnciklopediya. Politicheskaya ehkonomiya.* Т. 2. М.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1975.

К.В. МОЛЧАНОВ

**Стоимость: некоторые аспекты ее проблем
и вопросы современного экономического познания**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые положения современных серьезных проблем экономической науки. Эти проблемы обусловлены концептуальной недоопределенности стоимости. Обсуждаемая проблема определяет комплекс вопросов, касающихся состояния, развития и применения знаний экономической науки. Исследование автора ведет к развитию экономического познания и касающихся его новых представлений. Результаты исследования могут быть использованы для развития экономической науки.

Ключевые слова: политическая экономия, диалектика, современное мышление, экономическая наука.

Abstract. In the article, some aspects of serious modern problems of economic science are discussed. These problems are caused by the category uncertainty of (economic) value. The problem defines the complex of the issues relating to the status, development and application of knowledge of economic science. Our research leads to the development of economic cognition and new comprehensions relating to it. The results of the study can be used for development of economic science.

Keywords: political economy, dialectics, contemporary thinking, economic science.

УДК 001.4
ББК -3*81.2

При обсуждении экономических определений (см., напр.: [4]) нами в первую очередь были зафиксированы две проблемы стоимости: предметная — нет концептуального определения стоимости, и методологическая — нет понимания самого определения. Из этого вытекают сложности, связанные с пониманием, определением, исчислением и применением (в расчетах и т. д.) стоимости. При этом игнорирование этих сложностей а) значительно усиливает проблемы «Капитала» К. Маркса, во многом обозначенные буржуазной критикой (см., напр.:

[1]), да и непосредственно следующие из противоречий этого труда, и б) оказывает негативное влияние на экономическое познание.

Укажем некоторые из соответствующих актуальных предметных положений, изучаемых в современной политической экономии [3], правда, укажем их не в *системе*, сама которая является одной из основ их решения, но требует отдельного объяснения. (Хотя отметим, что обозначаемые положения не только системны, но и рефлексивны, что выражается во многих их взаимных отношениях, которые тем самым являются не дублирующими, а наоборот развивающими, и что в ряде случаев прослеживается в настоящей статье.)

Во-первых, после проблемы концептуальной неопределенности стоимости следует обозначить проблему меновой стоимости, указанную самим К. Марксом в «Капитале». Однако удивительно то, что отмеченная Марксом проблема всегда считалась просто очевидным фактом и не более того, а вот чем-то существенным она никогда не считалась (это понятно: в СССР критиковать Маркса было нельзя, а буржуазная критика не обладала столь совершенным методологическим аппаратом, как современная политическая экономия). Но если учесть указанную Марксом проблему, то это акцентирует ряд спорных положений «Капитала», однако которые поодиночке легко могут быть проигнорированы (что и делалось в советской политической экономии), хотя и были обозначены буржуазной критикой, о чем мы уже писали в ряде наших статей. При этом для совокупности этих проблемных положений отмеченное Марксом не только обретает значительный вес, но и обозначает к тому же еще и многие нестыковки в «Капитале» и даже противоречия, о которых мы тоже уже писали в ряде наших работ и которые без объяснения и решения

- ставят под вопрос некоторые выводы «Капитала», на ряд из которых как раз и обратила внимание буржуазная критика, хотя исходила из эмпирических фактов (см., напр.: [1]),

- оказывают негативное влияние на экономическое познание, так как основы промышленности и соответственно роста экономики изыскиваются современными экономистами где угодно, но только не в сосредоточении капиталистического общества (в смысле известного определения В.И. Ленина).

Во-вторых, для всеобщей формы стоимости актуальна указанная самим Марксом ее характеристика. И хотя все, на первый взгляд, сводится к определению этой формы стоимости, однако в основе лежит не различенное Марксом в его исследованиях противоречие используемых определений.

Выявление всеобщей формы стоимости важно само по себе. Дело в том, что, по Марксу, множеству товаров, находящихся в относительной форме стоимости, противостоит один эквивалент, который был назван всеобщим. Точнее все же — в совокупности товаров любой из них может быть противопоставлен всем; но эта формулировка в принципе меняет положение вещей, ибо становится понятным, что речь идет не о всеобщей форме стоимости, а о множестве соотношений в совокупности товаров, о множестве относительных форм стоимости, т. е. не о всеобщей форме стоимости (хотя в принципе тут свою роль играет еще и указанное самим Марксом *перевертывание* им диалектики [2, т. 23, 21]). Дело в том, что если понимать термин «всеобщее» как он понимался во времена написания «Капитала», т. е. по Гегелю, то указанная Марксом форма не является всеобщей по определению. А если Маркс как-то по-своему понимал всеобщее, то он должен был сначала его определить, а не банально непосредственно применять этот термин, не соответствующий общепринятому в те времена его значению, а потом и вовсе потерявшему свое истинное значение. И это только на первый взгляд обозначены вопросы терминологического характера, однако они соответствуют анализу и организации политэкономических исследований, без которых последние проводить некорректно (что приводит к рассуждениям о методологии, см. ниже)... В любом случае — терминологическом или предметном — речь в случае «Капитала» (и соответственно во всей советской политической экономике и ее случившемся продолжении) следует вести не о всеобщей форме стоимости, а о некотором преобразованном виде иной ее формы, что затем позволяет определить всеобщую форму стоимости в ее истинном значении.

Далее, выявление всеобщей формы стоимости особенно важно для понимания перехода к денежной форме стоимости, точнее — его отсутствия у Маркса.

И, наконец, выявление всеобщей формы стоимости важно и для осмысления проблем общеизвестного понимания экономики (см. также ниже) и для ее развития, а также для ее новодialeктического феноменального понимания и структуризации и т. д. Но для настоящей статьи актуален только указанный Марксом переход к денежной форме стоимости.

В силу некорректности определения всеобщей формы стоимости, в-третьих, обозначается проблема денежной формы стоимости.

По Марксу, денежная форма стоимости товара заключается в его стоимостном отношении к одному товару, с натуральной формой которого общественно сростается эквивалентная форма [2, т. 23, 79,

115]. При этом наперво бросается в глаза то, что, по Марксу, золото противостоит другим товарам как деньги [2, т. 23, 80], или что деньги по своей природе — это золото и серебро [2, т. 23, 99]. Иными словами, денежная форма стоимости определяется тем, что в роли всеобщего эквивалента выступает, как обычно говорят, *особый товар* (группа товаров одного вида, да и то только в начальной фазе развития капитализма); понимаются благородные металлы — золото и серебро (что объясняется их естественными свойствами). Однако ошибка при определении всеобщей формы стоимости, которая обусловила проблему денежной формы стоимости, или сама последняя, как угодно, проявляется и дает себя знать во многих положениях «Капитала» и современных экономических рассуждений. Например, сам Маркс писал, что стоимость (не ее формы, не деньги!) функционирует как капитал [2, т. 24, 122]. Это все и само по себе и особенно с учетом определений капитала создает ряд противоречий Марксовых рассуждений и, главное, познания реального положения дел в экономике (что собственно и не позволяет экономистам в странах с сырьевой экономикой найти пути ее развития или хотя бы уменьшения ее негативных моментов, что, кстати, тоже ведет рассуждения к вопросам методологии). Но эти противоречия и вытекающие из них положения имеют наперво теоретический характер, что затрудняет их обсуждение в условиях плохого знания «Капитала», в первую очередь в связи с отсутствием курса политической экономии в программах современных вузов (хотя эти противоречия и положения имеют и практические негативные последствия, что должно было бы вызвать беспокойность теоретиков, чиновников, финансистов и предпринимателей)... Однако можно привести и очевидный факт из практики: как известно, в настоящее время *деньги* (валюты разных стран), с одной стороны, не обличены в форму благородных металлов и даже вообще не обеспечены ими, а, с другой стороны, сами продаются и покупаются, причем тоже за необеспеченные валюты, т. е. сами являются объектом купли-продажи, причем опять же за деньги — за необеспеченные деньги. Иными словами, *благородные металлы не олицетворяют денежную форму стоимости* (хотя могут ее частично представлять), что является одним из самых важных пунктов критики Марксового учения и современных представлений о деньгах. Более того, в теперешние времена, как уже было сказано, деньги в основном не обеспечены. Но ведь, с другой стороны, экономика функционирует! То есть *экономика функционирует вне определенных Марксом положений и современных финансово-экономических представлений*, или вопреки им, как угодно, что особенно весомо подтверждается деятельностью ФРС США (акцентирование которой уже

неоднократно было осуществлено в наших статьях и выступлениях на международных научных конференциях в МГУ имени М. В. Ломоносова)...

Обозначенные нами положения в указанном ракурсе требуют особого развития и отдельного обсуждения в связи с тем, что вопрос заключается не в очевидности торговли валютой и необеспеченности денег, да и самое важное не в этом. Все дело в том, что при понимании соответствующих проблем и их решении появляются основания для рассуждений на очень важные темы, многие из которых так и не получили своего истинного понимания и раскрытия в экономической науке, в том числе

- концептуальная определенность стоимости;
- всеобщая форма стоимости;
- концептуальная определенность денег;
- производительность труда, о которой так любят поговорить и чиновники, и экономисты, но толку от этого никакого, в том числе и по указанным выше причинам; и др.

Однако не менее важны и другие вопросы, непосредственно связанные с темами стоимости и денег.

Во-первых, это вопрос, пролонгирующий проблему денежной формы стоимости в смысле товарного обмена вообще и общеизвестной формулы $T - D - T$ в частности. Очевидны многие вопросы в связи с вышесказанным, в первую очередь, это обращение товаров за счет того, что понимается под необеспеченными деньгами.

Во-вторых, это вопрос, касающийся капиталистического производства в смысле общеизвестного принципа $D - T - D'$. Тут также очевидны многие вопросы в связи с вышесказанным, в первую очередь, это возможность накопления богатства за счет того, что понимается под необеспеченными деньгами.

В-третьих, это капитал в его понимании как самовозрастающей стоимости, тем более с учетом указанных выше положений (кстати, в современной политической экономии не используется понимание капитала как самовозрастающей стоимости).

В-четвертых, это экономика, для которой в первую очередь существенна проблема ее понимания и определения, включая понимание того, что есть само определение [4] (в современной политической экономии используется понимание экономики в соответствии с исследованиями на основе продолжения и развития труда Г. Гегеля «Феноменология духа»).

Следует отметить также и то, что указанными вопросами проблемы и темы экономического познания, обусловленные концептуальной неопределенностью стоимости, не ограничиваются.

Основательность и неизбежность изучения всех указанных выше вопросов следуют не только из соответствующих теоретизаций, но и из проблем развития сырьевых экономик, в том числе тех попыток, которые на базе *экономикса* так ничего существенного и не достигли.

Проблема концептуальной неопределенности стоимости, ярко выражающаяся в сфере меновой стоимости, определяет не только предметные, но и методологические проблемы Марксовых исследований и соответственно советских политэкономических исследований, а также исследований, проводимых учениками их представителей.

В частности, методологические проблемы обозначают причину несовершенства (методологии) ряда рассуждений (рассуждений в ряде мест) «Капитала» (методологические проблемы, правда, возникли в силу концептуальной неопределенности стоимости, а вот наглядно и ярко проявляются при анализе меновой стоимости и дальше); на это было обращено внимание буржуазной критикой и это широко известно. При этом в смысле диалектики понятно основание методологических проблем Марксовых исследований и советских политэкономических исследований, а также исследований, проводимых учениками их представителей: сам Маркс в предисловии к английскому изданию «Капитала» признал, что перевернул диалектику [2, т. 23, 21], в результате чего не могли не появиться дефекты логики этого труда и проблемы уже канувшей в Лету советской политической экономии. (Кстати, в альтернативной ей современной политической экономии подходы к изучению *экономического* базируются на диалектике, поэтому были решены многие проблемы «Капитала», в первую очередь стоимости и меновой стоимости, а также многих современных экономических исследований.)

При этом не только в смысле политической экономии оказываются важными исследования причин несовершенства методологии «Капитала», они не менее важны для многих дисциплин, наук и областей познания.

(В целом методология политэкономических исследований представляет собою отдельный важный вопрос. Для современной политической экономии нами был создан принципиально новый аппарат, не имеющий аналогов в науках и базирующийся на развитии нами труда Г. Гегеля «Феноменология духа» — на *феноменологии-духа-продолжении*, о котором мы уже писали в ряде наших статей и докладывали на международной научной конференции «Российское систем-

ное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм», состоявшейся в МГУ имени М. В. Ломоносова 7—9 декабря 2016 г.)

Все это было сказано к тому, что исследование проблем стоимости и вообще «Капитала» Маркса как гениального научного наследия, несмотря на его ошибки, важно не только для политической экономики, экономической теории и создания программ экономического роста, но и для многих современных наук и принципиально качественно нового их развития; хотя в силу игнорирования этого со стороны наук все же правильнее будет сказать — для получения новых знаний и развития качественно новых областей познания в современной диалектике.

Но проблемы неопределенности стоимости не ограничиваются теорией самой стоимости и положениями, непосредственно связанными с нею (определение, исчисление и т. д.), в том числе трудовой теорией стоимости. Именно это — очень важный вопрос, который является основным в настоящей статье, относительно которого в первую очередь следует сказать то, что он напрочь упущен и в советской политической экономике, и в современной экономической науке по ряду причин. Концептуальная неопределенность стоимости влечет за собой целый ряд предметных и методологических вопросов, проблем, неоднозначностей и т. п., которые в большинстве своем известны в современной экономической науке, но обычно игнорируются или замалчиваются, так как в ней нет никаких возможностей как осознать их, так и решить их. Это весьма негативно влияет как на соответствующий предмет экономической теории (стоимость), а также тесно связанные с ним вопросы, так и на экономическое познание в целом. И именно этим проблемы стоимости важны уже не только в смысле своей собственной предметной (политэкономической, экономической) содержательности, ведь негативы экономического познания — это не только его проблемы, но и проблемы общества в целом, что особенно ярко видно на примере стран с сырьевыми экономиками, чиновники и экономисты которых уже многие-многие годы говорят и говорят о необходимости развития экономики, ее кардинального изменения, роста и т. п., но, как говорится, *воз и ныне там*. Конечно же, можно сослаться на то, что в передовых экономических представлениях и теориях используются понятия *ценности*, *полезности* и проч. Но, с одной стороны, эти понятия используются в странах не с сырьевыми экономиками, а высокоразвитыми, и, с другой стороны, *то*, что характеризуется полезностью (товар), произведено, т. е. должно также характеризоваться не только с точки зрения необходимости и потребления, но и с произ-

водственной точки зрения; так что понятие стоимости нельзя игнорировать, а в странах с сырьевой экономикой именно она является одной из основ понимания промышленного развития, так как именно ее надо создавать — надо создавать общественный капитал. Поэтому вопросы понимания и определения стоимости и проблемы, вытекающие из этого, весьма актуальны, особенно для стран с сырьевой экономикой, хотя и игнорируются их экономическим сообществом (отдельные дискуссии и статьи *погоду не делают*), причем эти вопросы и проблемы актуальны и в смысле теории, и в плане экономики, и в ракурсе развития общества в целом, включая понятие его суверенитета.

Итак, зная, что такое есть стоимость, ее формы и т. д., нужно, но не только (1) для изучения их как таковых, а еще (2) для обогащения экономического познания, которое (3) должно служить развитию экономики конкретной страны, и это главное. Понятно, что использовать знания *экономикса*, запрудившего учебные процессы многих стран, можно, если есть условия для этого (развитая экономика), но все же лучше иметь фундаментальные знания в области экономики [5] — политэкономические знания, особенно, по нашему мнению, если речь идет о желании преобразовать *сырьевую экономику* в экономику.

Литература

1. *Бем-Баверк О.* Критика теории Маркса. М.; Челябинск, 2002.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд.
3. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2003.
4. *Молчанов К.В.* Проблема экономических определений и качественно новое развитие экономической теории // *Философия хозяйства*. 2017. № 2.
5. «Капитал» и экономикс. Вопросы методологии, теории, преподавания / Под ред. В.Н. Черковца. М., 1998.

References

1. *Bjom-Baverk O.* Kritika teorii Marksa. M.; Cheljabinsk, 2002.
2. *Marks K., Jengel's F.* Soch. 2-e izd. M.
3. *Molchanov K.V.* Vyjavlenie sovremennyh paradigmal'no-gnoseologicheskikh osnov politicheskoj jekonomii. Avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk. MGU imeni M.V. Lomonosova, 2003.

4. *Molchanov K.V.* Problema jekonomicheskikh opredelenij i kachestvenno novoe razvitie jekonomicheskoi teorii // *Filosofija hozjajstva*. 2017. № 2.

5. «Kapital» i jekonomiks. Voprosy metodologii, teorii, prepodavanija / Pod. red. V.N. Cherkovca. M., 1998.

А.П. БАБАЕВ

**Экономическая теория и политическая экономия
в контексте вызовов XXI века**

Аннотация. Политическая экономия рассматривается как особая, фундаментальная социально-экономическая составляющая современной экономической теории, которая в предметном и методологическом аспектах отличается от иных составляющих — неоклассики, институционализма. Предметом политической экономии является система социально-экономических отношений между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления благ в обществе. Отмечаются рост удельного веса сферы услуг и снижение доли материального производства в экономике. Показывается, что современное общество, которое с полным правом можно назвать «обществом услуг», вряд ли может претендовать на звание постиндустриального.

Ключевые слова: экономическая теория, политическая экономия, экономикс, институциональная экономика.

Abstract. Political economy is regarded as a fundamental socio-economic basics, according to its methodological aspects and the subject matter, differing from the other component of modern economic theory; neoclassic and institutionalism. The subject matter of political economy is the set of socio-economic relationship in the process of production, distribution, exchange and consumption of resources. The increasing of service sector in economy and the declining of share of material production is noted. It has been noted that the modern society can be called as «service community» and it is pointless to claim for the nomination as «post industrial society».

Key words: economic theory, political economy, economics, institutional economy

УДК : 330.101:316.324.7.

В странах СНГ, в том числе в Азербайджане, процесс перехода от директивно-плановой к рыночной системе хозяйства привел к значительным изменениям в официальной идеологии. Это не могло не найти своего отражения и в мировоззренческих аспектах экономической теории, которая в недалеком прошлом основывалась на марксистско-ленинских принципах. Форсированный отказ с начала 1990-х гг. от преподавания политической экономии стал проявлением этого идеологического поворота в сфере экономического образования. Место учебников по политической экономии в преподавании общей экономической теории заняли учебники, опирающиеся на неоклассическую теорию и считающиеся на Западе основным направлением — как говорится, мейнстримом современной экономической мысли. В связи с этим остается актуальным вопрос о том, на каком уровне осуществляется и какие функции выполняет преподаваемый — особенно в экономических вузах — основной (базовый, фундаментальный) предмет. По этому поводу высказываются разные, порой полярные суждения. Острые дискуссии касаются согласования разных традиций в преподавании политической экономии, концептуального содержания базовой учебной дисциплины, места и роли экономической теории в системе экономических наук. Все это часто уходит корнями в методологические разногласия, в том числе между классическим и неоклассическим направлением в экономической теории, предметом и методом политической экономии и экономикса. Преподавание указанных дисциплин на ступенях бакалавров и магистров имеет в настоящее время принципиальное значение. Путь развития самой экономической науки, а также выбор будущей модели ее преподавания в значительной степени взаимосвязаны. Но если в науке выбор является индивидуальным, то в преподавании он касается тысяч и тысяч людей, при том молодых, которым принадлежит будущее. Поэтому вариант предпочтения той или иной «модели» в преподавании имеет общественное значение и должен сопровождаться критическим подходом не к одному, а ко всем возможным в преподавании методологическим установкам, выяснением того, способны ли они разрешать проблемы экономического развития в нынешних реалиях постсоветских стран, т. е. отвечать вызовам времени. Это позволит учитывать достижения экономической науки в целом и способствовать развитию экономической теории в национальной плоскости.

Расхождение мнений между разными научными школами экономической теории начинается, по сути, с названия экономической

науки, претендующей на выполнение функции общей экономической теории, призванной дать развернутые знания о закономерностях и особенностях развития экономических систем в современных условиях и подготовить соответствующий этому первичный аппарат категорий. При этом общая экономическая теория необходима не только для формирования фундаментальной теоретической базы в области экономических знаний, но и для обоснования принятия хозяйственных решений. Но в нынешнем виде мейнстрим экономической теории не в состоянии полностью выполнить эти функции, т. е. решить проблемы, с которыми в настоящее время сталкивается мировое сообщество. Экономическая теория пытается найти ответы на проблемы современного периода (усиливающиеся постиндустриальные тенденции, все возрастающая интернационализация экономики, переходное состояние бывших социалистических стран) через поиски первичного концептуального учения или теоретической модели, способной объяснить не только ранее не встречавшиеся в общественной жизни процессы, но и логику развития многополярного мира. Поэтому актуализируется проблема кардинального изменения методологических принципов экономического анализа и более эффективного применения отвечающих требованиям времени методов путем обновления учебной дисциплины по экономической теории на плюралистической основе.

По мнению некоторых экономистов, в развитии экономической теории в минувшем столетии значительного скачка не было, поэтому на стыке XX—XXI вв. проблема изменения парадигмы остается нерешенной. Из-за отсутствия у экономической науки новой концепции в учебных курсах экономической теории пытаются выявить противоположные методологические направления. Распространяется мнение, что единой экономической теории нет, есть лишь отдельные экономические концепции. Такие суждения не приемлемы, хотя и нельзя отрицать связь каждого методологического направления с другими. Среди них наиболее основательно разработанными являются политическая экономия, экономикс и получившая в последнее время широкое распространение институциональная экономика. Возникает вопрос: можно ли на их основе создать единую экономическую теорию? Однозначно ответить на него трудно. Думается, это связано с тем, что слово «теория» в понятии «экономическая теория» сформировалось и эволюционировало исключительно на основе теоретических понятий и комментариев.

В одном из учебников высказывается суждение, что эта попытка, кроме эклектики, ничего не дает, так как экономическая теория имеет различные направления, различные объекты исследования, раз-

личные предметы, к тому же в ней применяются различные методологии. В учебниках и преподавании экономической теории по принципам экономикса полностью отказываются от классической трактовки предмета традиционной политической экономии, таких ее категорий, как цена, капитал, деньги, прибыль, заработная плата, процент, рента [6]. Все это неизбежно ведет к тому, что экономическая теория отрывается от своих многовековых корней. В результате, нарушается принцип преемственности в науке, отвергаются устоявшиеся и сохраняющие свою актуальность научно-теоретические положения. В то же время, обратившись к учебникам экономической теории последних лет, можно заметить и другую тенденцию. В некоторых из них предпринимаются попытки «консенсуса» между методологией и теорией классической политической экономии и экономиксом. Учебные пособия «Курс экономической теории» под редакцией А.В. Сидоровича, «Общая экономическая теория (Политэкономия)» под редакцией В.И. Видяпина и Г.П. Журавлевой хотя и отличаются преобладанием в них идей экономикса, могут рассматриваться как пример *сочетания* в одном курсе научных основ различных направлений экономической теории [4; 5]. Учебник «Экономическая теория», подготовленный кафедрами экономической теории Азербайджанского государственного экономического университета на азербайджанском языке под общей редакцией Т.С. Велиева, А.П. Бабаева и М.Х. Мейбуллаева, разработан с учетом *параллельного* существования основных направлений экономической теории [7].

Сегодня важное значение для совершенствования учебного курса имеет решение назревшей проблемы классификации, логического упорядочения системы экономических наук. Экономическая теория — та область этой системы, которая посвящена исследованию содержания и формы экономических отношений между людьми в процессе их экономической деятельности. Экономическая деятельность изучается различными науками, каждая из которых, с одной стороны, имеет свой более узкий предмет и под специфическим углом зрения подходит к данной деятельности в соответствии с ее особенностями, а с другой — отличается своими методами познания, целями и задачами. С этой точки зрения экономические науки по степени теоретического обобщения изучаемого предмета можно разделить на отличающиеся друг от друга ступени экономического исследования. Относящиеся к экономической теории фундаментальные экономические или общетеоретические проблемы составляют верхнюю ступень. В среднюю ступень входят предметы исследования специальных или функциональных экономических дисциплин (экономика труда, финансы и кредит, мар-

кетинг, менеджмент, прогнозирование, экономическая статистика, бухгалтерский учет и аудит, анализ хозяйственной деятельности и др.). Проблемы нижней ступени составляют предмет исследования отраслевых экономических наук (экономика промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства и др.). Кроме этого, можно выделить проблемы переходной ступени, являющейся предметом исследования близких друг другу отраслей или смешанных экономических наук (экономическая история, экономическая география и др.). Классификация образующих целую систему экономических наук завершается подразделением их на фундаментальные и прикладные. К фундаментальной относится экономическая теория, а к прикладным все остальные экономические науки.

Экономическая теория выступает в качестве исходной для всех экономических наук. Это прежде всего объясняется тем, что данная наука изучает общие закономерности системы экономических отношений, отражающие сущность экономических явлений. Гносеологическая (теоретическая) основа фундаментальной роли экономической теории в системе экономических наук связана именно с этим. Именно поэтому она носит мировоззренческий характер, т. е. формирует обобщенный взгляд на экономические процессы. Следовательно, экономическая теория уже в силу предмета своего исследования предоставляет методологический ресурс для других экономических наук. Конечно, конкретные и прикладные экономические науки имеют свой предмет и методы исследования, в противном случае они самостоятельной областью наук не могли бы быть. Но экономическая теория на базе позитивистской, структуралистской, диалектической и синтетической методологий «снабжает» все конкретные экономические науки хотя и различными по содержанию, но общими по применению в этих науках методами исследования. Установленные экономической теорией категории, законы, взаимосвязи между ними выступают в роли методологии исследования системы экономических наук. Развивающиеся на данной методологической базе экономические науки опираются на научную логику экономической теории.

Статус экономической теории как науки определяется тем что, она создает наиболее полное обобщенное представление об условиях и формах экономической деятельности людей. Тут выявляются, во-первых, причины их возникновения, во-вторых, законы развития и, в-третьих, условия их диалектического отрицания. По сравнению с конкретными экономическими науками специфические особенности предмета экономической теории обуславливаются именно этим. Она исследует законы, управляющие общественным производством, —

законы непосредственного производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг на разных этапах развития общества, а также изучает способы эффективного пользования ограниченными ресурсами (экономикс).

В современных условиях общим местом стало мнение о том, что экономические проблемы общетеоретического характера исследуются в рамках так называемой современной экономической теории, под которой подразумевается исключительно неоклассический подход, точнее, неоклассический синтез с различными вариациями (экономикс). По нашему мнению, под такой теорией следовало бы подразумевать еще не оформившееся, но крайне необходимое направление научной экономической мысли, способное отразить накопленные в течение многих лет научные знания, осуществить их переоценку и продвигнуться к новым результатам.

В настоящее же время «современной экономической теории», понимаемой как единая наука с единым предметом и единой методологией анализа и изложения и как система единообразно интерпретируемых во всех ее разделах категорий (экономических понятий), т. е. как действительно научный синтез развития всемирной экономической мысли и интегрального знания ее основных достижений, подтверждаемых реалиями и тенденциями современного мирового социально-экономического развития, еще не существует. Современная экономическая теория как реальный факт есть собирательное понятие, отражающее пока не «органическую» и даже не «интегральную» систему, а лишь систему как совокупность экономических теоретических направлений доктрин, различающихся непосредственно своими методологическими принципами. Основные структурные части такой современной экономической теории как совокупности различных основных направлений, могут быть представлены в следующем варианте:

а) социально-экономическая теория (политическая экономия); предметом ее исследования, изучения **являются** непосредственно социально-экономическая система, экономическая структура общества, их форма и модели;

б) теория рационального использования ограниченных ресурсов (микроэкономика и макроэкономика); **предмет** этой сферы включает в себя анализ экономических отношений на микроуровне (микроэкономика) и макроуровне (макроэкономика);

в) институциональная экономическая теория; здесь содержание экономической системы рассматривается на фоне взаимосвязи экономических и других субъектов, исследуется влияние такой взаимосвязи на развитие экономики [4, 54].

Другой официально признанный классификатором ВАК РФ вариант выделяет в современной экономической теории четыре области исследования, где политической экономии как науке о разных типах экономических отношений (экономических систем) выделено первое место в рамках «общей экономической теории».

Таким образом, в современных условиях формируется новая структура экономической теории, в которой политическая экономия как социально-экономическое учение играет особую роль и служит всестороннему анализу экономической жизни, наряду с неоклассическим (микро- и макроэкономическими теориями) направлением и формирующимся современным (здесь можно добавить — и прежним институционализмом Т. Веблена и его современных последователей) институциональным направлением.

Изучение мировой и национальной экономической структуры общества в виде целой системы, понимаемой в указанном смысле, возможно посредством объединения в одном учебном курсе по общей экономической теории социально-экономического анализа реальных экономических отношений с исследованием процесса использования ограниченных ресурсов с достаточной информацией и сравнительной характеристикой разных подходов, существующих в современной науке. В связи с этим никак нельзя согласиться с попытками отказать и политической экономии, и экономиксу в праве быть научными дисциплинами, преподаваемыми в высшей школе. Отказ от статуса научных и учебных дисциплин политической экономии и экономика, имеющих значительную теоретическую базу, исторические корни и концептуальные научные школы, можно оценить как проявление экономического нигилизма и невежества.

Современный кризис политической экономии в постсоциалистических странах принял конкретную форму кризиса марксизма. Это не случайно, потому что марксизм был в этих странах господствующей идеологией. Однако политическая экономия как фундаментальная научная дисциплина сформирована еще до Маркса и Энгельса. Они подняли на новую ступень науку, которая уже активно развивалась и преподавалась, в частности, в Англии, Франции и других странах, объединяла различные течения и направления. Можно отметить концепции меркантилистов, физиократов и классиков буржуазной политэкономии У. Петти, А. Смита и Д. Рикардо. Представители всех школ и течений в политэкономии признавали ее фундаментальный характер, исходили из того, что категории и законы, выявляемые этой наукой, не лежат на поверхности явлений. Внешние их формы сами по себе не позволяют понять глубоко скрытую сущность, для этого требуются

особая методология познания, особый инструментарий исследования природы экономических процессов и явлений. Сегодня способность политэкономии системно подходить к экономике как к национальному, общественному хозяйству, а также проблемы, вызванные информационной революцией и глобализацией, объективно создали почву для возрождения политической экономии и в преподавании, и в научных исследованиях.

Политическая экономия раскрывает суть экономических отношений между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления продуктов, объективные экономические законы. Эти коренные отношения общества и образуют предмет политэкономии, а в предмет других экономических дисциплин непосредственно таковые не входят. Высвечивая содержание производственных отношений, политическая экономия раскрывает базисную структуру общества и характер основных, устойчивых взаимодействий занятых в экономике групп людей, устанавливает наличие или отсутствие эксплуатации, характеризует ее механизмы и последствия, разъясняет действие законов, определяющих принципиальную направленность развития общественного производства и воспроизводства. Ни макроэкономика, ни микроэкономика как разделы экономика не ставят своей задачей специальное исследование производственных отношений, выявление внутренних, глубинных законов движения экономики, ограничиваясь фактически внешними, поверхностными формами их проявления, доступными для наблюдателя, но скрывающими сущность экономических процессов.

Для познания современных экономических реальностей XXI в. очевидна большая необходимость в политической экономии и как учебной дисциплины, и как научного направления. Если существуют производственные отношения между людьми в разных экономических системах (производственные отношения в широком смысле), то политическая экономия имеет право на существование, хотим мы того или нет.

Сегодня общество ждет от политэкономов, ученых-экономистов разъяснения природы, характера нашей экономики, обоснования целей и путей ее развития. Это абсолютно необходимо в ситуации, когда нарастает социальная напряженность, усиливается, прорываясь в различных конфликтах, недовольство установившимися экономическими отношениями. Углубляется социальное расслоение, запредельной становится дифференциация доходов собственников, управленцев и остального наемного персонала, причем условия труда последнего ухудшаются. От этих фактов не отмахнешься. Кто же, как не по-

литэкономы, призваны их объяснить, представить категориальные научные выводы другим экономическим наукам и помочь им найти решение соответствующих конкретных вопросов?

Актуальность сферы услуг с точки зрения политической экономии имеет большое значение. Это, в первую очередь, связано с возрастанием роли социальных отраслей сферы услуг и значимостью экономических видов деятельности по оказанию социальных услуг, совокупность которых образует социальную сферу в экономическом и социальном развитии цивилизованных стран. В числе наименее исследованных в последнее время проблем можно назвать проблемы качественно нового построения социальной сферы, духовного производства, являющихся интеллектуальным потенциалом общества. Опыт промышленно развитых стран свидетельствует о том, что никакой прогресс в обществе, а также в экономике невозможен за пределами развития человека и производства, распределения, обмена и потребления нематериальных благ и услуг.

На рубеже 1980—1990-х гг. доля сферы услуг в валовом внутреннем продукте в развитых странах мира составляла 63%, а в развивающихся странах — 49%. В настоящее время в развитых странах абсолютная и относительная численность занятых в сфере услуг превышает численность занятых в материальном производстве национального хозяйства. В США доля занятых в сфере услуг превысила 50%-ный рубеж в 1955 г., в Великобритании — в 1960 г., во Франции — в 1970 г., в Японии — в 1975 г., в ФРГ и Италии — в 1980 г., в России — в 1995 г. Превращение сферы услуг в доминирующий сектор национального хозяйства по производству валового внутреннего продукта и численности занятых получило название сервисной революции [2, 21].

Разграничение народного хозяйства на сферу материального производства и сферу услуг позволяет выделить своего рода первичный сектор экономики, который образует материальную основу всех видов деятельности, и вторичный, который не принимает непосредственного участия в производстве материальных благ, а функционирует на материальном базисе, создаваемом первичным сектором. Однако это вовсе не означает, что сфера услуг полностью находится на изживении материального производства и что здесь вообще ничего не создается. Сфера услуг вносит существенный вклад в увеличение экономического роста страны и роста благосостояния народа. Это находит свое выражение в создании нематериальных (непроизводственных) услуг, которые выступают в качестве особых потребительных стоимостей. Они с экономической точки зрения такие же продукты труда, как и материальные блага. Поэтому не следует отрицать реальность ре-

зультатов сферы услуг и в то же время допускать их отождествление с результатами материального производства. Выяснение роли и места любой отрасли и вида деятельности должно начинаться с того, куда и к какому сектору они относятся. В этой связи в международной статистической службе ООН выделяются три сектора национальной экономики. Первичный сектор включает сельское хозяйство и добывающую промышленность, вторичный — обрабатывающую промышленность, третичный — сферу услуг. Первичный и вторичный секторы охватывают отрасли и виды деятельности материального производства, а третичный — включает как услуги производственного, так и непроизводственного характера.

В современной науке все большее признание получает мнение, что выделение весьма разнородной сферы услуг в третичный сектор экономики весьма спорно. Так, пятисекторальная модель Д. Белла, хотя и имеет в своей основе трехсекторальную модель, однако дополнена еще двумя секторами («четвертичным» и «пятеричным»), делающими переход от индустриального к постиндустриальному обществу более многоэтапным. Последователи теории постиндустриального общества признают, что современная сфера услуг весьма неоднородна, кроме того, частично может быть отнесена к материальному производству. Они учитывают этот факт, выделяя различные секторы уже внутри самой третичной сферы. В первую очередь, это относится к таким отраслям, как транспорт, связь, коммунальное хозяйство, деятельность которых в значительной степени представляет собой продолжение процессов производства в сфере обращения и потребления. Эти отрасли сферы услуг относятся собственно к третичному сектору экономики. Очевидно, что и результаты деятельности этих отраслей, по крайней мере в основной их части, по объективным основаниям теоретически должны быть отнесены к результатам материального производства. К «четвертичному» сектору экономики относятся торговля, услуги банковского дела, финансов, страхования, а также операции с недвижимостью. Представляется, что торговлю более логично было бы отнести к третичному сектору, поскольку эта отрасль выполняет ряд функций производственного характера (хранение, упаковка, доставка и т. п.), связанных с представлением произведенных товаров-вещей конечному потребителю. Что же касается услуг финансового характера, то их отделение от третичного сектора выглядит вполне уместным. К «пятеричному» сектору экономики Д. Белл относит здравоохранение, образование, научно-исследовательскую деятельность, государственное управление, а также виды деятельности, связанные с обеспечением условий для отдыха людей [1, 158].

Все вышеизложенное пока относится к чисто теоретическим научным изысканиям, поскольку в официальной международной статистике такая классификация, основанная на пятисекторальной модели экономики, в настоящее время не применяется. Тем не менее следует признать, что пятисекторальная модель имеет ряд преимуществ, связанных с тем, что в ней отдельное внимание уделяется отраслям «вторичного» сектора, развитие которых крайне важно для формирования будущего высокотехнологического общества.

Развернувшаяся в последние десятилетия научно-техническая революция обусловила коренные изменения в развитии общественного производства. Доля традиционных отраслей (в том числе материального производства) в ВВП относительно сокращается, а получают развитие отрасли сферы услуг, среди которых выделяются образование, наука, культура, здравоохранение и разного рода финансовые и торговые услуги. Это обстоятельство, однако, в литературе трактуется неоднозначно. Некоторые авторы пытаются обосновать вывод о том, что сфера производства замещается сферой услуг, тем, что экономика в целом превращается в постэкономику, а само общество, соответственно, в постиндустриальное, постэкономическое. Бесспорно, под воздействием НТР, новых информационных технологий произошла реструктуризация экономики, которая не могла не отразиться на динамике занятости. Но это вовсе не означает, что материальное производство как таковое упраздняется вообще, вследствие чего наступает некая эпоха постэкономики и появляется постэкономическое общество. Такой вывод вряд ли можно признать обоснованным, поскольку он не соответствует реальной действительности.

Следует отказаться от парадигмы постиндустриального общества, это есть сознательный обман, поскольку никакого постиндустриального общества пока нет и скорее всего наступает новый этап наукоемкого индустриального общества. По нашему мнению, следует согласиться с В.Н. Черковцом, который отмечает, что нет оснований судить об уровне так называемого «постиндустриального» развития страны по таким «вторичным» показателям, как возрастание доли услуг в ВВП, доли ассигнований на социальную сферу из государственного бюджета и т. д. [3, 121—122]. Такие показатели могут отражать как высокий, так и низкий уровень развития страны.

Принципиально важнее «первичные» показатели, на которые должен выводиться анализ коренных сдвигов в отношении людей к природе, т. е. в материальном производстве, и в характере труда, занятого в нем. Именно в орудиях, средствах труда и технологиях — главный пункт качественных изменений в производительных силах. Глубокие

перевороты в этой сфере приобретают, видимо, форму революций как в производительных силах, так и в общественно-экономическом строе. Современная экономика, даже в США, продолжает оставаться преимущественно индустриальной. Именно индустриальный базис является фундаментальной основой современного развития отдельных инноваций, таких как новейшие информационные системы, биотехнологии и нанотехнологии.

В условиях современной научно-технической революции усиливается интеграция материального производства и социальной сферы. С одной стороны, внутри социальной сферы возрастает влияние элементов материального производства, расширяется применение машинных систем, которые требуют совместного труда ученых, инженеров, техников и рабочих. Одновременно внутри материального производства происходит усиление роли социальной сферы, что проявляется в повышении значения интеллектуального и культурного развития так называемого «человеческого капитала», влияния здравоохранения на поддержание и развитие всесторонних способностей личности. Однако возрастание функциональной роли духовного элемента, умственного труда, усиление роли науки, знаний, охраны здоровья в производстве не означают, что границы между материальным производством и социальной сферой и их результатами исчезают. Качественное отличие материального производства и его роль как основы всей жизни общества и всех других видов деятельности, включая и социальную сферу, сохраняются на всех этапах развития человеческого общества. Таким образом, социальная сфера выступает не как однопорядковая по сравнению с материальным производством, а как вторичная по отношению к нему по своему содержанию и функциональной роли в общественном воспроизводстве.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
2. Жильцов, Е.Н., Козаков В.Н. Экономика социальных отраслей сферы услуг: Учебное пособие. М., 2007.
3. Зяблюк Р.Т., Титова Н.И. Неоиндустриализация экономики России: необходимость и возможность (обзор материалов круглого стола по неоиндустриализации экономики России) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2016. № 2.
4. Курс экономической теории / Под ред. А.В. Сидоровича. М.: Изд-во Дело и Сервис, 2007.

5. Общая экономическая теория (Политэкономия) / Под ред. В.И. Видяпина, Г.П. Журавлевой. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2000.

6. Экономическая теория / Под ред. В.Д. Камаева. М.: Изд-во Владос, 1994.

7. Экономическая теория / Под общ. ред. Т.С. Велиева, А.П. Бабаева, М.Х. Мейбуллаева. Баку, 2001 (на азерб.яз.).

References

1. *Bell D.* Incoming post industrial society. Social forecasting practice. М., 1999.

2. *Jiltsov E.N., Kozackov V.N.* Economy of social fields in the sphere of services: Manual. М., 2007.

3. *Zyabluk R.T., Titova N.I.* Neoliberalization of the economy of Russia: necessity and possibility (review of the materials of the round table on neoliberalization of the economy of Russia) // Bulletin of Moscow University. Ser. 6. Economics. 2016. No. 2.

4. The Course of Economic Theory / A.V. Sidorovich (ed.). М.: Publishing House — Business and Service, 2007.

5. General Economic Theory (Political Economy) / V.I. Vidyapin, G.P. Juravleva (eds). М.: Publishing House of the Academy of Russian Economy, 2000.

6. The Economic Theory / V.D. Kamayeva (ed.). М.: Publishing House Vlados, 1994.

7. The Economic Theory / T.S. Veliyev, A.P. Babayev, M.Kh. Meybullayev (eds). Baku, 2001 (in Azerbaijan language).

Д.С. ГОЛОВИН

Противоречивое воздействие неэкономических факторов на модернизацию российской экономики

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния неэкономических факторов на экономическое развитие, а также на характер реализации модернизационных преобразований. Отмечается, что неэкономические факторы действительно воздействуют на процессы экономического развития, тем более в такой стране, как Россия, а потому должны учитываться при осуществлении потенциально успешной национально-ориентированной модели модернизации. Обращается

внимание на противоречивость неэкономических факторов и, как следствие, необходимость ее комплексного разрешения.

Ключевые слова: неэкономические факторы, модернизация, национальная экономическая система, особенности российской экономики.

Abstract. The article describes the impact of non-economic factors on economic development and modernization. The author claims that non-economic factors actually affect on the processes of economic development, especially in Russia. Therefore, they should be considered in the potentially successful nationally-oriented model of modernization. The author's attention is drawn to the inconsistency of non-economic factors and, as a consequence, the need for its comprehensive resolution.

Key words: non-economic factors, modernization, the national economic system, features of the Russian economy.

УДК 330.341

ББК 65.011

Говоря о направлениях наиболее адекватной для России экономической стратегии и политики, нельзя обойти вниманием один значимый, но до сих пор не разрешенный вопрос: существуют ли в национальной экономике специфические факторы и законы, которые в силу своей неповторимости затрудняют безоговорочное воплощение универсальных основ рыночной экономики? Отсюда вытекает другой не менее основательный вопрос: заслуживает ли Россия право на обретение собственной модели экономики и, если да, то на чем будет основываться ее уникальность?

Прояснение поставленных вопросов найдет свое отражение и в более глубоком понимании наполнения современной российской модернизации. Оно позволит лучше осознать ее национальную формулу, которая, как показывает история, далеко не всегда приводит к реальным прогрессивным сдвигам [3; 4]. Напомним, что основной задачей модернизации является формирование устойчивой модели развития национальной экономики, а также искоренение преград, тормозящих ее эффективное функционирование. Но зачастую для перехода на модернизационную траекторию развития предпринимаемых усилий оказывается недостаточно, происходит возникновение форм имитации преобразований, а порой и их открытого противодействия [17]. И здесь, как нам кажется, теория модернизации имеет существенные

упущения в исследовании предпосылок возникновения подобного регресса.

Неудачи в осуществлении полноценной модернизации чаще всего соотносят с ошибками и обстоятельствами, среди которых называют: неправильный выбор приоритетов, слабое финансирование, внутренние и внешние кризисы, конфронтации, игнорирование интересов ключевых субъектов изменений и т. п. Обозначенные условия, действительно, способны остановить или серьезно затормозить реализацию такого амбициозного проекта, каким является модернизация. И все же, говоря о модернизации как о всеобъемлющем и общенациональном процессе, нельзя обойти вниманием то воздействие, которое на нее оказывают различные неэкономические факторы, тем более что они являются весьма национально специфичными (особенно в отношении России).

Современная экономическая наука оставляет открытым вопрос о степени влияния неэкономических факторов на экономическое развитие, а также на характер реализации модернизационных преобразований. Однако сама неоднозначность проблематики наталкивает на предположение, что неэкономические факторы все-таки имеют определенное влияние, а следовательно, необходимо уточнить, в какой именно степени, а далее определить, каким образом их можно эффективно использовать, чтобы давно назревшие изменения могли быть реализованы.

Напомним, что философия истории представлена двумя основными точками зрения, позволяющими ответить на вопрос о том, каким образом осуществлялся прогресс в мире. Данные концепции (формационная и цивилизационная) являются противоположными. Согласно первой, развитие всех стран протекает по единому эволюционному пути, подобно линейному процессу, в котором каждая страна в своем развитии поэтапно переходит на стадию более прогрессивной формации, качественно отличающейся по характеристикам общественных отношений. Но в реальности ход общественного развития не всегда происходит прогрессивно, могут встречаться и реверсивные процессы, приводящие к масштабным возвратным изменениям, что говорит о неоднозначности теоретической трактовки общественного развития как процесса сугубо однообразного и линейного [7, 473]. В соответствии с цивилизационной концепцией каждая страна развивается последовательно, однако не следуя в обязательном порядке логике метаморфоз стандартизированных формаций и сохраняя при этом на каждом этапе свои специфические культурные особенности, являющиеся уникальными для данной страны.

Подобное концептуальное различие происходит и при выявлении роли неэкономических факторов в экономическом развитии. Сторонники первого подхода (а это, как правило, приверженцы экономика) акцентируют свое внимание на универсалистских линиях экономической теории, абстрагируясь от культурно-исторических особенностей, которые признаются малозначимыми по отношению к общим закономерностям. С такой позицией не согласны представители цивилизационного и национально-ориентированного подходов, для которых такие особенности являются одними из ключевых.

В рамках классической теории модернизации национальные особенности (за исключением природно-климатической и географической групп, являющихся неподвластными человеческому контролю) именуется «традицией», которая, как правило, принимается за отсталость [22, 94]. Поэтому постулируемые модернизационные рекомендации предполагают реконструкцию цивилизационных черт с целью их внешнего приближения к наиболее образцовой (в наиболее распространенном выражении — западной) модели современности. Более поздние теории модернизации такой необходимости не подразумевают. Признается естественность отклонений от траектории развития образца западных стран, что объясняется тем, что типов модернизации может существовать множество, а на результаты их проведения большее влияние оказывают экзогенные факторы и национальные особенности.

Переходя к исследованию неэкономических факторов, отметим, что они многочисленны, взаимосвязаны с экономическими факторами, но при этом трудно оценимы по прямому воздействию на совокупный рост. При этом их неэкономическое основание не означает, что они являются оторванными от экономики, напротив, их влияние значительно. Они воздействуют на экономику так же, как и стандартные факторы производства, и, более того, проникают внутрь самих факторов, находя в них дополнительное отражение [11, 21].

Важной особенностью многих неэкономических факторов России является их диалектическая противоречивость, иначе говоря, двойственность восприятия по отношению к модернизации, т. е., с одной стороны их можно рассматривать как нежелательные элементы и ограничения для универсалистской модели модернизации [18, 95]; с другой стороны, их можно рассматривать как конкурентные преимущества, на базе которых рекомендуется формировать наиболее гармоничную модель модернизации.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что, говоря о необходимости осуществления российской модернизации, ее «круп-

нейшей проблемой» отдельные исследователи считают именно «учет комплекса национальных особенностей» [19, 12]. К числу таких специфических особенностей относят пространственное положение, особенности культуры и социума, политики и т. д. И распространенным выводом, к которому приходят представители данного подхода, является тот факт, что Россия обладает рядом уникальных условий, которые ограничивают абсолютную приверженность универсальным практикам экономического устройства. Правда, влияние внутренней и внешней среды не стоит переоценивать: она должна восприниматься не как причина общественно-экономического развития, а только лишь как его условие.

Понимание особенностей неэкономических факторов позволит определить эффективную степень влияния государства на экономику, степень открытости экономики, значения объемов промышленного производства и др. В этой связи представляет интерес выявление «уникального в экономике» — того, что можно считать за «предельную форму особенного», которое «в другой системе, как правило, не приживается» [16, 103].

Порой отмечается, что России крупно повезло, относя к конкурентным преимуществам богатейшие природные ресурсы и огромную территорию, выгодно расположенную между двумя центрами современной мировой экономики — Европы и Азии. В тоже время справедливы утверждения о том, что значительная часть страны расположена в тяжелых климатических условиях, что обуславливает большую энергоемкость жизни и повышенные эксплуатационные затраты [8, 56]. Спецификой выражения масштаба российской территории является естественная приверженность экстенсивному типу развития, т.е. вовлечения в разработку все новых природных ресурсов взамен повышения эффективности уже разрабатываемых. Это отрицательно сказывается на стимулах к инновационному развитию. Колоссальная протяженность создает трудности для освоения ресурсов и создания инфраструктуры, управления отдаленными регионами и доступа к удаленным рынкам сбыта. Это влечет повышение транспортных, бюджетных и военных расходов относительно стран с более благоприятными условиями (см.: [6]). В силу данных обстоятельств Россия, очевидно, будет сталкиваться с затруднениями в достижении наиболее передового уровня конкурентоспособности, если в своем развитии продолжит полагаться исключительно на идеализируемую «руку рынка».

Примечательно, что радикальные сторонники цивилизационного подхода даже утверждают, что Россия обречена на вечную неконкурентоспособность по причине влияния неблагоприятного географиче-

ского расположения и тяжелых почвенно-климатических условий, «и никаким повышением общественной производительности труда устранить это влияние нельзя» [13, 46]. Но не будем столь пессимистичными в оценках, тем более что подобный географический фатализм можно оспорить [21].

Заметим, что, несмотря на указанные недостатки, природно-климатические факторы можно рассматривать в качестве стимулов к воплощению модернизационных процессов. Так, географическую протяженность можно рассматривать в качестве уникального пространственного потенциала, который может быть заложен в основу стратегии по модернизации национальной экономики (например, стратегия «транспортного коридора») [2, 232]. А суровые климатические условия могут создавать предпосылки для развития более современных технологий, компенсируя влияние неблагоприятной среды [20, 11].

Среди социокультурных факторов Россию выгодно отличают историко-культурные традиции, высокий научный и образовательный уровень. Среди особенностей российского характера обычно выделяют высокую духовность, оригинальность, особую склонность к коллективизму, дух неповторимого российского развития, особое отношение к государству [23, 50—51]. Другие называют, как проявление особой ментальности радикальный индивидуализм, шоттернизм, предрасположенность к решению уникальных задач [4, 55]. Интересно, что каждую из отмеченных характеристик можно рассматривать с противоположных сторон. И даже на базе таких характеристик, которые при первом рассмотрении кажутся несопоставимыми привычным практикам проведения модернизации, можно создать вполне успешные модернизационные стратегии (например, стратегия реализации «человеческого потенциала»).

В мировоззренческом плане модернизационные изменения приводят к расширению таких качеств, как прагматизм, технологизм, экономикоцентризм и т. д. В ценностном плане последствия переустройства выражаются в дилеммах абстракции, будущности, индивидуации, освобождения и секуляризации [5, 128—133]. Кстати, многие из перечисленных качеств расцениваются сторонниками славянофильства не как улучшение, а, напротив, как выражение духовного и культурного обнищания, потери русской самобытности. Впрочем, настоящая модернизация немислима без обретения ярко выраженной социальной направленности. И здесь Россия выделяется такими традиционными нормами этики, как повышенное внимание к проблемам нравственности, гуманности и социальной справедливости, которые должны отра-

зиться на модернизационной стратегии в ее нацеленности на решении социальных задач.

Геополитический фактор определяет характер политического режима, а также особенности проводимой государством внутренней и внешней политики. Для России более традиционным является тяготение к авторитарному стилю правления, к «государственничеству», и потому именно государству чаще всего отводится роль ключевого инициатора преобразований. И хотя оценки роли и методов государственной власти России являются довольно противоречивыми — впрочем, как и сама модель авторитарной модернизации [1, 24—27], — нельзя не признать того факта, что государство является гарантом не только функционирования рыночной системы, но и реализации национальных целей развития, которые могут не всегда оправдываться с экономической точки зрения, но являются жизненно необходимыми для долгосрочного и суверенного существования страны [10, 26]. В силу уникального масштаба российской территории, неравномерной плотности населения, а также поддержания мирового статуса страны, деятельность государства в России не должна ограничиваться поддержанием «правил игры» в экономике. Государство должно заботиться и о повышении конкурентоспособности национальной экономики, о развитии внутреннего рынка, освоении национального экономического пространства, обеспечении экономической безопасности и т. п. При этом модернизация должна сопровождаться и сдвигами в социально-политической сфере, имея в виду дальнейшее расширение прав и свобод граждан, улучшение качества административного аппарата, обеспечение большей прозрачности деятельности государственных органов, развитие институтов гражданского общества и т. п. И здесь можно учесть рациональную часть тех рекомендаций, которые исходят обычно со стороны представителей либерально-универсалистского подхода, при сохранении при этом критических замечаний по отношению к ряду их других рекомендаций.

Завершая анализ основных групп неэкономических факторов, отметим, что в современных условиях влияние географического фактора по сравнению с социокультурным и геополитическим не настолько очевидно, как это было до распространения научно-технологического прогресса. Развитие современных технологий позволяют ослабить влияние данного фактора, но, вероятнее всего, не до такой степени, чтобы его можно было бы игнорировать полностью.

Возвращаясь к исходным характеристикам вопроса о влиянии неэкономических факторов на экономическое развитие, отметим, что в чистом виде универсалистский и цивилизационный подходы пред-

ставляют собой определенного рода крайности, не наблюдаемые в реальных процессах, оттого справедливо подвергаются взаимной критике. Любая рыночная система подвержена влиянию как экономических, так и неэкономических факторов. Чистых моделей рыночной экономики, которые демонстрировали бы одинаковую эффективность в разных условиях, не существует [14, 14—15]. В действительности рыночные основы значительно различаются, и одной их причин, объясняющих данный феномен, является специфическое воздействие неэкономических факторов. Они устойчивы и долгосрочны, сохраняют свое влияние даже в период активного реформирования экономики. Поэтому сторонники цивилизационного подхода справедливо выступают за необходимость формирования самобытной национальной экономической модели, органично сочетающей общемировые процессы, универсальные принципы и своеобразие российских условий. Такую же логику разделяли в свое время и авторы исследования Всемирного банка «Переходный период: анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза», утверждая, что «успешная глобализация вовсе не требует адаптации к единственной, стандартной институциональной модели» [24, 123]: другое дело, что и указанная структура, и другие международные организации на практике поощряли движение российской экономики в определенном направлении, не особо считаясь с российским своеобразием.

В последнее время в мире усиливается востребованность национально-ориентированного подхода, который рассматривает экономическую систему в неразрывном единстве с ее специфическими национальными условиями. Дело в том, что текущие мировые реалии демонстрируют противоречивость глобальных и национальных параметров развития, вызревание новой альтернативы глобализации, идущей от национально-ориентированных сил, желающих поднять роль национальных интересов, растаптываемых глобализацией [12, 158]. Поэтому, учитывая все вышесказанное, невозможно не согласиться и с мнением А.А. Пороховского, утверждающего, что «российский патриотизм ... не приемлет насилия никакой модели развития страны без адаптации ее к условиям России. Российская модель была и может быть рыночной, но пригодной для решения проблем громадной страны» [15, 97]. И такой подход по отношению к модернизации выглядит вполне современным и адекватным.

Обращая внимание на многоаспектную противоречивость неэкономических факторов по отношению к модернизации российской экономики, отметим ее главное исходное противоречие — столкновение совершенно неоднородных типов общественного порядка, проти-

воборство старого и нового, протекающее непрерывно на трех уровнях [9, 237—238]:

- столкновение между традицией, сдерживающей прогрессивные изменения и перестающей отвечать требованиям действительности, и современности, открытой к новым переменам, формам деятельности и мышлению;

- столкновение между заимствованиями принципов социокультурного и политического устройства развитых стран и самобытностью, признаваемой за уникальное национально достояние, обеспечивающее духовное и культурное самоопределение общества, его самостоятельность;

- столкновение между реформированием, приводящим к осовремениванию общества, и стабильностью, призванной обеспечить устойчивость общества, его структур и отношений к воздействию возможных шоков, вызванных, как правило, неосторожным импортированием чужеродных институтов и ценностей.

Таким образом, модернизация представляет собой крайне противоречивый процесс. Однако данный факт не должен останавливать такое важное и жизненно необходимое направление для развития России. В свою очередь, потенциально успешная программа по модернизации российской экономики должна опираться на все многообразие национальных общественно-экономических и неэкономических факторов, которые, как показано в работе, несомненно, воздействуют на процессы экономического развития, влияют на решения государства и бизнеса, поведение людей и эффективность организаций. Результат модернизации может оказаться разным: от имитации модернизационных усилий, не сопровождаемых реальными действиями, до полноценной модернизации, и зависеть он будет во многом от учета комплекса национальных особенностей и разрешения заложенных в них противоречий. Общая логика использования неэкономических факторов состоит в том, чтобы максимизировать их положительный для модернизации эффект и минимизировать негативные последствия. Если взять более узко только социокультурный фактор в его ценностной форме, то задача в условиях модернизации должна заключаться в том, чтобы, в первую очередь, опираться на те ценности и традиции, которые содержат в себе сильное инновационное начало и обладают перспективой. Тогда традиция естественным образом соединится с модернизацией, придавая последней органичный характер и обрекая ее на успешный исход.

Литература

1. *Акиндинова Н., Ясин Е.* Новый этап развития экономики в постсоветской России // Вопросы экономики. 2015. № 5.
2. *Аузан А.А.* Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 196.
3. *Аузан А.А., Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А.* Культурные факторы модернизации: Доклад. М.; СПб., 2011.
4. *Аузан А.А., Никишина Е.Н.* Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4.
5. *Бергер П.* Понимание современности // Социологические исследования. 1990. № 7.
6. *Бузгалин А.В.* Введение. Что такое «новая экономика»? // Экономика знаний и инноваций: перспективы России / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ТЕИС, 2008.
7. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал: В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд-е 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД Москва, 2015.
8. *Горичева Л.* Естественно-природные условия развития национальных хозяйств России и Западной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 2.
9. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. Изд-е третье, доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2000.
10. *Кульков В.М.* Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // Экономическое возрождение России. 2014. № 3 (41).
11. *Кульков В.М.* Российская экономическая модель: Учеб. пособие. М.: ТЕИС, 2009.
12. *Кульков В.М.* Российское системное перестроение и колеи экономического развития // Философия хозяйства. 2017. № 1.
13. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. Тула: «Крымский мост-9Д», 1999.
14. *Пороховский А.А.* Российский рыночный вектор: Противоречия и перспективы // Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы / Под ред. К.А. Хубиева. Ч. 1. М.: МГУ, ТЕИС, 2003.

15. *Пороховский А.А.* Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи» // *Философия хозяйства*. 2017. № 1.
16. *Рязанов В.Т.* Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб., Изд-во СПбГУ, 2009.
17. *Суворов Д.В.* О сущности «псевдомодернизации» и «абортивной модернизации» // *Вестник Гуманитарного университета*. 2014. № 4.
18. *Федотова В.Г.* Модернизация: переосмысливая теорию и практику // *Социологический ежегодник*. М., 2010.
19. *Черковец В.Н.* Тенденции типы и виды модернизации современной российской экономики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика*. 2011. № 2.
20. *Чувакова С.Г.* Возможности и ограничения на пути модернизации национальной экономики России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2011. № 23.
21. *Шишков Ю.* Смертный приговор реформирующейся России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 12.
22. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
23. *Шульдин Б.П.* Российский менталитет в сценариях перемен // *Социологические исследования*. 1999. № 12.
24. World Bank. 2002. *Globalization, Growth, and Poverty: Building an Inclusive World Economy*. A World Bank policy research report. Washington: DC: World Bank and Oxford University Press.

References

1. *Akindinova N., Jasin E.* Novyj jetap razvitija jekonomiki v postsovetsoj Rossii // *Voprosy jekonomiki*. 2015. № 5.
2. *Auzan A.A.* Strategija dolgosrochnogo razvitija Rossii: novizna podhoda // *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. 2015. T. 196.
3. *Auzan A.A., Arhangel'skij, A.N., Lungin, P.S., Najshul', V.A.* Kul'turnye faktory modernizacii: Doklad. M.; SPb., 2011.
4. *Auzan A.A., Nikishina E.N.* Dolgosrochnaja jekonomicheskaja dinamika: rol' neformal'nyh institutov // *Zhurnal jekonomicheskoi teorii*. 2013. № 4.
5. *Berger P.* Ponimanie sovremenosti // *Sociologicheskie issledovanija*. 1990. № 7.

6. *Buzgalin A.V.* Vvedenie. CHto takoe «novaya ehkonomika»? // EHkonomika znanij i innovatsij: perspektivy Rossii / Pod red. A.V. Buzgalina. M.: TEIS, 2008.
7. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Global'nyj kapital: V 2-h t. T. 1. Metodologija: Po tu storonu pozitivizma, postmodernizma i jekonomicheskogo imperializma (Marks re-loaded). Izd-e 3-e, ispr. i sushh. dop. M.: LENAND Moskva, 2015.
8. *Goricheva L.* Estestvenno-prirodnye uslovija razvitija nacional'nyh hozjajstv Rossii i Zapadnoj Evropy // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2004. № 2.
9. *Erasov B.S.* Social'naja kul'turologija. Izd-e tret'e, dop. i pererab. M.: Aspekt Press, 2000.
10. *Kul'kov V.M.* Parametry issledovanija i formirovanija nacional'noj jekonomicheskoy sistemy v Rossii // Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2014. № 3 (41).
11. *Kul'kov V.M.* Rossijskaja jekonomicheskaja model': Ucheb. posobie. M.: TEIS, 2009.
12. *Kul'kov V.M.* Rossijskoe sistemnoe perestroenie i kolei jekonomicheskogo razvitija // Filosofija hozjajstva. 2017. № 1.
13. *Parshev A.P.* Pochemu Rossija ne Amerika. Tula: «Krymskij most-9D», 1999.
14. *Porohovskij A.A.* Rossijskij rynochnyj vektor: Protivorechija i perspektivy // Formirovanie rossijskoj modeli rynochnoj jekonomiki: protivorechija i perspektivy / Pod red. K.A. Hubieva. Ch. 1. M.: MGU, TEIS, 2003.
15. *Porohovskij A.A.* Sistemnoe perestroenie rossijskoj jekonomiki: vozmozhnosti «rynochnoj kolei» // Filosofija hozjajstva. 2017. № 1.
16. *Rjazanov V.T.* Hozjajstvennyj stroj Rossii: na puti k drugoj jekonomike. SPb., Izd-vo SPbGU, 2009.
17. *Suvorov D.V.* O sushhnosti «psevdomodernizacii» i «abortivnoj modernizacii» // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2014. № 4.
18. *Fedotova V.G.* Modernizacija: pereosmyslivaja teoriju i praktiku // Sociologicheskij ezhegodnik. M., 2010.
19. *Cherkovec V.N.* Tendencii tipy i vidy modernizacii sovremennoj rossijskoj jekonomiki // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 6. Jekonomika. 2011. № 2.
20. *Chuvakova S.G.* Vozmozhnosti i ogranichenija na puti modernizacii nacional'noj jekonomiki Rossii // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2011. № 23.
21. *Shishkov Ju.* Smertnyj prigovor reformirujushhejsja Rossii // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2001. № 12.

22. *Shtompka P.* Sociologija social'nyh izmenenij / Per. s angl. pod red. V.A.Jadova. M.: Aspekt Press, 1996.

23. *Shulyndin B.P.* Rossijskij mentalitet v scenarijah peremen // Sociologicheskie issledovanija. 1999. № 12.

С.В. КАДОМЦЕВА, О.И. КУЗНЕЦОВА

Стимулирование развития малых инновационных предприятий в России

Аннотация. В статье раскрываются содержание термина «малое инновационное предприятие», его место в инновационном развитии в условиях глобальной трансформации от индустриального к постиндустриальному обществу. Выявляются параметры технопарков и их роль в формировании единого инновационного пространства России. Анализируются финансовые и нефинансовые механизмы стимулирования развития малых инновационных предприятий.

Ключевые слова: малые инновационные предприятия, технопарки, стимулирование формирования инновационной системы.

Abstract. The article reveals the content of the term «small innovative enterprise», its place in innovative development in conditions of global transformation from an industrial to a postindustrial society. The parameters of technoparks and their role in the formation of an innovation space in Russia are revealed. Financial and non-financial mechanisms to stimulate the development of small innovative enterprises are analyzed.

Key words: small innovative enterprises, technoparks, stimulation of the formation of an innovation system.

УДК 334.7
ББК 65.292

В условиях возрастания важности внедрения новых знаний и технологий *малые инновационные предприятия* (МИР), обладая организационной и технологической гибкостью, оказывают положительное воздействие на национальную экономику. Благодаря творческой свободе, отсутствию бюрократических барьеров, заинтересованности в нахождении потребителей своей инновационной продукции, малые

инновационные предприятия обладают высокой способностью к нововведениям.

Представители основных экономических школ в рамках теорий фирмы по-разному оценивают цели фирмы и сравнительные преимущества крупных и малых предприятий. Неоклассическая теория фирмы, которая определяет, что главной задачей фирмы является производство продукции с минимальными издержками, основой целью — максимизация прибыли, а предприниматель, чтобы оставаться конкурентным в рамках отрасли, не нуждается в новых знаниях, не может быть использована для описания особенностей малых инновационных предприятий. Теоретическую аргументацию для обоснования и использования преимуществ малых инновационных предприятий дают: предпринимательская теория фирмы, определяющая функцию фирмы как творческую; ресурсная теория фирмы, для которой целью фирмы является получение конкурентных преимуществ; эволюционная теория, считающая целью фирмы устойчивое развитие экономики страны и выделяющая экономические, социальные и институциональные функции фирмы; сетевая теория фирмы, доказывающая преимущества развития в рамках сети малых предприятий.

Результативной для изучения современного инновационного малого предприятия является институциональная теория фирмы, объясняющая не столько предпосылки максимизации прибыли предприятия, сколько условия его возникновения и развития. С учетом производственных и транзакционных издержек определяется оптимальный размер фирмы. Для инновационных предприятий, деятельность которых характеризуется большим риском, точка эффективности определяет меньший размер предприятия, позволяющий избавиться от излишних управленческих затрат.

Всемирный банк при анализе критериев, которые применяются в разных странах для отнесения организации к малым предприятиям, рассматривает более 40 показателей, но в качестве основных выделяет: число занятых, ежегодный оборот и валюту баланса предприятия. Для России в законе № 209-ФЗ даны следующие критерии отнесения предприятий к малым:

- средняя численность работников за предшествующий календарный год не более 100 человек (микропредприятие — до 15 человек);

- выручка (без НДС), или балансовая стоимость активов за предшествующий календарный год, должна быть менее 800 млн р.

Положение о том, что доля участия государства и юридических лиц в капитале малого предприятия не должна превышать 49%, в Рос-

сии было отменено для предприятий, внедряющих результаты интеллектуальной деятельности, а также для предприятий, учредителями которых являются автономные и образовательные учреждения.

Проведение сопоставления роли малых предприятий в экономическом развитии в России и Европейском союзе затруднено, так как в ЕС к малым предприятиям относятся организации с числом занятых до 50 человек, а к средним — от 50 до 250 человек. Российская и Европейская классификация совпадают, если вместе рассматривать малые и средние предприятия. Для совершенствования финансового механизма стимулирования развития малых инвестиционных предприятий в России полезно использовать опыт стран ОЭСР в этой области. Меры по совершенствованию управления инновационным развитием в ряде развитых стран были приняты после ослабления к началу 1980-х гг. инвестиционной активности и сокращения темпов экономического роста. Причиной этого явления стало сокращение источников финансирования, с одной стороны, и необходимость модернизации промышленности с помощью обновления производственного потенциала — с другой. Страны ОЭСР выбирают разные методы поддержки инновационного развития. Если в Швеции, Голландии и Мексике государство применяет только прямые методы поддержки инновационного развития, в США и Италии на прямую поддержку приходится до 80% средств, то в Японии и Канаде наиболее широко применяются косвенные меры в виде фискальных стимулов.

Наиболее распространенным методом косвенного стимулирования инновационных предприятий является предоставление налоговых скидок по расходам на НИОКР с помощью объемного или приростного метода. Инвестиционный налоговый кредит чаще всего предоставляется для внедрения нового оборудования и технологий. Льготы, связанные с амортизацией основных средств, для инновационных предприятий осуществляются в форме ускоренной амортизации оборудования, амортизационных премий. При объединении учебных заведений и производственных предприятий в территориальные кластеры, предприятия, входящие в кластер, получают дополнительные льготы. Оценку эффективности финансовых и нефинансовых инструментов стимулирования МИП можно провести в рамках технопарка, позволяющего осуществлять сразу ряд механизмов поддержки: финансовые (налоги, субсидии, особые кредитные условия для финансирования инвестиций) и нефинансовые (кадровые, информационные, консультативные, льготная аренда помещения и оборудования).

В соответствии с национальными стандартами РФ технопарк — это управляемый управляющей компанией комплекс объектов комму-

нальной, транспортной и технологической инфраструктуры, обеспечивающий полный цикл услуг по размещению и развитию инновационных компаний, являющихся резидентами технопарка. В сфере высоких технологий в России создано 12 технопарков, площадью более 450 тыс. м², с числом занятых 20 тыс. Это технопарки в городах Тольятти, Пенза, Москва, Саранск, Нижний Новгород, Казань, Набережные Челны, Екатеринбург, Тюмень, Новосибирск и Кемерово. Функционирование технопарков реализуется в рамках государственной программы, созданной в 2007 г. По Комплексной программе с 2007 по 2014 г. на создание технопарков в сфере высоких технологий было выделено 30,45 млрд р., из них: средства федерального бюджета — 42,4%, а средства бюджетов субъектов РФ — 57,6%. Результатами функционирования технопарков в сфере высоких технологий стали: проведение большого числа НИОКР, увеличение числа полученных патентов, выпуск инновационных товаров, работ и услуг.

Технопарки оказывают положительное влияние на деятельность его резидентов. На примере Научного парка МГУ можно дать оценку эффективности воздействия финансовых и нефинансовых инструментов поддержки на показатели деятельности малых инновационных предприятий. Научный парк МГУ является одним из старейших технопарков в России — протокол о его создании датируется 15-м октября 1990 г/, а активное строительство зданий с офисными, лабораторными и производственными помещениями началось в 1992 г. Его учредителями стали МГУ имени М.В. Ломоносова и Министерство образования и науки РФ в лице инновационного фонда при Государственном комитете по науке и технике (ГКНТ СССР). Технопарк МГУ активно развивался и в 2008 г. стал членом Международной ассоциации научных парков (IASP — International Association of Science Park). Научный парк МГУ поддерживает проекты и компании в сфере инноваций и высоких технологий. Деятельность технопарка направлена не только на поддержку компаний, создающимися подразделениями университета, или стартапов ученых, аспирантов, студентов и выпускников МГУ, но и на создание благоприятной среды для всех малых инновационных компаний и стартапов, заинтересованных в сотрудничестве и взаимодействии с университетом.

На данный момент Научный парк МГУ — это более, чем 11,5 тыс. м² специализированных и офисных помещений, более 70 микро-, малых и средних предприятий-резидентов с общим объемом оборота, превышающим 5 млрд р. в год, а также более 2,5 тыс. работников [3]. Резиденты Научного парка МГУ имеют возможности пользоваться развитой инфраструктурой технопарка, что позволяет им занять веду-

щее место среди МИП страны. Пять компаний-резидентов технопарка МГУ вошли в ТОП-50 рейтинга быстрорастущих российских инновационных компаний «ТехУспех» [5]. Компания Bank Soft Systems (BSS), основанная в технопарке в 1994 г. выпускниками МГУ, заняла в 2014 г. 35-е место в числе крупнейших IT-компаний, согласно рейтингу РА «Эксперт» [4], и 11-е место в числе самых динамично развивающихся компаний в России, согласно рейтингу CNews Analytics [2]. Также хорошим примером успешного развития инновационного предприятия в технопарке является компания ОАО «РТКОММ.РУ», основанная в технопарке в 2000 г., которая занимает 32-е место в рейтинге компаний в сфере IT «Связь и Интернет», согласно данным Global MSK [1].

Кроме предоставления резидентам арендных помещений технопарка, Научный парк МГУ предоставляет дополнительно в аренду ряд лабораторных и административных помещений, а также при необходимости возможность пользоваться обширной инфраструктурой МГУ, в том числе различного рода лабораторным оборудованием, а также возможностями Центра коллективного пользования научно-исследовательским оборудованием университета.

Технопарк МГУ предоставляет своим резидентам ряд услуг, которые можно классифицировать по востребованности среди компаний, находящихся на разных уровнях развития.

1. Компании на уровне *«Идея»* — стадия «Pre-seed» — на этой стадии существует только начальная идея проекта, как правило, даже отсутствует бизнес-план. На этой стадии Технопарк оказывает бесплатные консультационные услуги по определению общей стратегии коммерциализации проекта, защиты интеллектуальной собственности, подбора источников финансирования, формирования команды.

2. *Посевные компании* — следующая стадия «Seed». На этой стадии оказывается содействие в (а) проработке и детализация видения среднесрочного и долгосрочного развития компании с вовлечением существующей инновационной инфраструктуры; (б) усилении проектной команды (поиск молодых менеджеров через специализированные образовательные программы Научного парка МГУ «Формула Успеха», «Формула Био», «Формула IT», привлечение студентов, аспирантов, молодых ученых Московского университета к развитию проектов); (в) привлечении финансирования из государственных (программы Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Фонды Российской венчурной компании, гранты Фонда «Сколково», программы Департамента науки промышленной политики и предпринимательства г. Москвы и др.) и частных источников.

3. *Стартаны* — стадия начала появления самого продукта и монетизации проекта. На этой стадии Парк МГУ оказывает поддержку в создании финансовых моделей, подготовке бизнес-планов, разработке инвестиционных меморандумов, презентаций, проведении маркетинговых исследований, оценке рисков, технологической и производственной, юридической экспертизе, защите интеллектуальной собственности, а также привлечении инвестиций (в том числе от «РОСНАНО», частных и частно-государственных венчурных фондов).

4. *Якорные компании* — функционирующие «зрелые» компании, которые занимают свою долю на рынке высокотехнологичной продукции. Для таких компаний Парк МГУ предлагает следующую поддержку: привлечение дополнительного финансирования, поиск потенциальных партнеров и возможностей взаимодействия с государственным сектором, поиск исполнителей НИОКР среди факультетов МГУ, поиск персонала из числа студентов, аспирантов, практикантов, выпускников МГУ, а также других лучших вузов Москвы [6].

Также Научный парк МГУ в лице функционирующего в его рамках Центра молодежного инновационного творчества предоставляет инновационным компаниям услуги прототипирования, изготовления деталей и создания образцов продукции из различных материалов.

Резидентами Технопарка МГУ являются не только компании, занятые в сфере высоких технологий. На основе анализа сфер деятельности резидентов технопарка МГУ была составлена следующая классификация.

1. *Группа I.* Разработка программ, баз данных, иных программных продуктов, информационно-коммуникационные технологии, обеспечение и сопровождение деятельности в сети Интернет. (К предприятиям, занятым в этой сфере, было отнесено 12 компаний.)

2. *Группа II.* Разработка и конструирование оборудования и технологий (включая био-медицинские и химические), производство и реализация высокотехнологичной продукции (включая оборудование и приборы) и услуг (включая проектирование). (К предприятиям, занятым в этой сфере, было отнесено 48 компаний.)

3. *Группа III.* Аналитика, консалтинг (в том числе в сфере публичных интересов), инвестиции и управление активами. (К предприятиям, занятым в этой сфере, было отнесено 15 компаний.)

В технопарке основную массу занимают микро- (менее 15 работников и менее 120 млн р. выручки) и малые предприятия (менее 100 работников и менее 800 млн р. выручки), также среди резидентов есть два средних предприятия. Большая часть компаний-резидентов — это микропредприятия (69%). Они вносят основной вклад в выпуск

высокотехнологичной продукции (71%) и в число поданных заявок на патенты (59%). Субъекты малых предприятий, несмотря на то, что они составляют 20% от общего числа резидентов, играют важную роль в деятельности Научного парка МГУ. Они занимают основную долю в таких показателях, как оборот (62%), финансирование НИОКР (68%), число поданных заявок на получение патентов (67%), полученных международных патентов (67%), и общей суммы проектов (94%). Последнее говорит о том, что именно малые предприятия имеют совместные проекты с государственным сектором или крупными компаниями. Кроме того, именно малые предприятия занимают самое большое количество практикантов, аспирантов и выпускников МГУ.

Если рассматривать виды финансовой поддержки, то наибольшее число резидентов имели прямые субсидии Правительства Москвы. Второе место занимают федеральные субсидии, выданные по государственным программам поддержки МИП, третье место занимают субсидии Государственного фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

Налоговые льготы были предоставлены четырем резидентам Научного парка как участникам проекта «Сколково». Организации, получившие статус участников проекта, в течение 10 лет имеют право на освобождение от некоторых налогов (налог на прибыль = 0, НДС = 0).

Если рассматривать усредненные показатели за 2014 г., то средние показатели предприятий, получивших финансовую поддержку в 2013 г., лучше, чем аналогичные показатели у предприятий, их не имеющих. Средние значения ниже по показателям налоговый отчислений, так как половина получивших поддержку предприятий имеют налоговые льготы. Отметим, что такая разница в среднем обороте резидентов может быть связана со значительными различиями в структурных характеристиках компаний. Например, среди предприятий, не получивших финансовую поддержку, функционирует крупная средняя компания, чей оборот в общей доле составляет более трети (33,5%).

Анализ показал, что по всем показателям доля резидентов, получивших финансовую поддержку, показывающих положительную динамику, больше, чем у предприятий, которые такой поддержки не получали. По объему оборота 90% компаний, которым была предоставлена финансовая поддержка, продемонстрировали рост. В то же время среди остальных компаний только 57,9% компаний имели рост по показателю оборота. Малые предприятия, которые получают финансовую поддержку (различные виды субсидий и налоговых льгот), в дальнейшем функционируют более эффективно, демонстрируя в сред-

нем более высокие показатели деятельности и более высокую динамику роста этих показателей, нежели предприятия, которым финансовая помощь не оказывалась. Даже функционируя в рамках технопарка, где все резиденты могут пользоваться всеми видами инфраструктурной поддержки, именно компании, к которым были применены финансовые механизмы поддержки, развиваются наиболее успешно.

С целью определения степени влияния резидентства в технопарке на деятельность и показатели малых инновационных предприятий было проведено анкетирование среди руководителей компаний-резидентов, в результате которого были получены следующие данные.

Основная масса предприятий в Научном парке МГУ существует более 6 лет (6—10 лет — 44% принимающих участие в опросе резидентов; более 10 лет — 36%). В основном предприятия-резиденты функционировали и до того, как вступили в технопарк МГУ. Только 16% из опрашиваемых начали функционировать в рамках технопарка. После вступления в технопарк МГУ финансовые и нефинансовые показатели резидентов в основном растут. Когда мы спрашивали о финансовых показателях, то 48% опрашиваемых ответили, что получение статуса резидента Научного парка МГУ позитивно повлияло на показатели их компаний, 32% ответили, что резидентство никак не повлияло, а 20% опрашиваемых затруднились ответить.

Опрос о нефинансовых показателях деятельности (таких как число поданных заявок на патенты и полученных патентов, объем высокотехнологичной продукции, финансирование НИОКР и т. д.) показал, что резидентство имело еще более важное положительное влияние, нежели чем финансовые показатели. Из опрашиваемых резидентов 68% ответили, что вступление в технопарк повлияло на их нефинансовые показатели позитивно, 20% — что не повлияло вовсе, и только 12% затруднились ответить.

Услуги, к которым наиболее часто прибегают резиденты, — это юридическое, финансовое консультирование (68%); помощь в создании финансовых моделей, бизнес-планов, маркетинговых исследований, оценке рисков и т. д. (56%); помощь в привлечении финансирования, инвестирования (52%). Далее идут такие услуги, как поиск потенциальных партнеров, организация взаимодействия B2G (с государственным сектором); близость специалистов в смежных отраслях (для обмена идеями) и прочие услуги. Отметим, что только 8% сказали о выгоде арендных ставок (рис. 1).

Вне зависимости от того, какими услугами пользуются компании, они также могут иметь потребности в другом виде услуг, т. е. не обязательно самые частые по использованию услуги — самые не-

обходимые для развития малых предприятий. На вопрос о том, что компании-резиденты хотели бы улучшить в работе научного парка, основная масса выступила за предоставление налоговых льгот (напомним, что в рамках Научного парка МГУ налоговые льготы на сегодня не предусмотрены) — 76%, второе место по количеству голосов — снижение арендных ставок (52%), третье — улучшение объектов инфраструктуры (32%) (рис.1).

Рис. 1. Пожелания резидентов для развития научного парка МГУ

Целью опроса резидентов Научного парка МГУ являлось определение наиболее эффективных механизмов стимулирования малого инновационного бизнеса. Для этого был задан вопрос резидентам о том, какой вид стимулирования был наиболее востребован и необходим их компании для развития. Финансовые механизмы стимулирования малого инновационного предпринимательства признали наиболее эффективными 96% опрошенных. Важными считают инфраструктурные виды поддержки, которые включают юридические, бухгалтерские и прочие консультационные услуги 60% опрошенных. Улучшение научно-технических видов поддержки, которые включают возможность использования специальных помещений, лабораторий, специализированного высокотехнологичного оборудования, важны для 36% опрошенных.

На основе проведенного опроса резидентов научного парка можно сделать выводы. Влияние технопарка на деятельность малых инновационных предприятий должно быть усилено, так как положи-

тельный прирост наблюдался только по 8-ми из 14-ти показателей. В то же время результаты опроса говорят о том, что вступление в Научный парк МГУ в целом положительно повлияло на финансовые и нефинансовые показатели их деятельности. Можно предположить, что отчасти падение некоторых показателей деятельности МИП связано с изменениями на рынке и кризисной ситуацией.

Финансовые механизмы стимулирования оказывают положительное влияние на деятельность малых инновационных предприятий. Если рассматривать динамику показателей деятельности резидентов, то компании, получившие финансовую поддержку, показали спад только по трем показателям, один из которых — налоговые отчисления, второй и третий — численность сотрудников, численность практикантов.

Положительный эффект на показатели деятельности МИП оказывает совместное применение финансовых и нефинансовых механизмов поддержки. Компании-резиденты Научного парка МГУ, которые получали оба вида поддержки (финансовую из всех источников и нефинансовую, заключающуюся в инфраструктурной поддержке), показывают лучшую динамику и занимают ведущее место среди МИП России.

Литература

1. Каталог Московских организаций: Московский бизнес портал / Московский бизнес портал «ГлобалМСК.ру» — новости бизнеса, пресс-релизы. Рейтинги компаний и людей, 2004—2016 // <http://globalmsk.ru/catalog/cat/13?offset=20>.
2. Крупнейшие ИТ-компании России 2014: Издание о высоких технологиях // Холдинг РБК, 1995—2016 // http://www.cnews.ru/reviews/2014/review_table/af8f66def0be297573c7300de31ae151631ffd91.
3. Научный парк МГУ // ЗАО «Научный парк МГУ», 2010—2016 // <http://www.sciencepark.ru/ru/about>.
4. Рейтинги крупнейших групп и компаний в области информационных и коммуникационных технологий по итогам 2014 года: Рейтинговое агентство Эксперт РА // Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»), 1997—2016 // <http://raexpert.ru/rankingtable/it/2014/main/>.
5. ТОП-80 рейтинга «ТехУспех» — 2014: национальный рейтинг российских высокотехнологичных быстрорастущих компаний «ТехУспех» // ОАО «РВК», 2013—2016 // <http://www.ratingtechup.ru/rate>.

6. Услуги: Научный парк МГУ / ЗАО «Научный парк МГУ», 2010—2016 // <http://www.sciencepark.ru/ru/services>.

References

1. Katalog Moskovskikh organizatsij: Moskovskij biznes portal / Moskovskij biznes portal «GlobalMSK.ru» — novosti biznesa, press-relizy. Rejtingi kompanij i lyudej, 2004—2016 // <http://globalmsk.ru/catalog/cat/13?offset=20>.
2. Krupnejshie IT-kompanii Rossii 2014: Izdanie o vysokikh tekhnologiyakh // K Holding RBK, 1995—2016 // http://www.cnews.ru/reviews/2014/review_table/af8f66def0be297573c7300de31ae151631ffd91.
3. Nauchnyj park MGU // ЗАО «Nauchnyj park MGU», 2010—2016 // <http://www.sciencepark.ru/ru/about>.
4. Rejtingi krupnejshikh grupp i kompanij v oblasti informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologij po itogam 2014 goda: Rejtingovoe agentstvo EHKspert RA // Rejtingovoe agentstvo RAEX («EHKspert RA»), 1997—2016 // <http://raexpert.ru/rankingtable/it/2014/main/>.
5. TOP-80 rejtinga «TekhUspek» — 2014: natsional'nyj rejting rossijskikh vysokotekhnologichnykh bystrorastushhikh kompanij «TekhUspek» // ОАО «RVK», 2013—2016 // <http://www.ratingtechup.ru/rate>.
6. Услуги: Nauchnyj park MGU / ЗАО «Nauchnyj park MGU», 2010—2016 // <http://www.sciencepark.ru/ru/services>.

Л.Р. УЛЯЕВ

Необходимость комбинированного подхода к моделированию кризисных явлений на финансовом рынке

Аннотация. Рассматриваются некоторые возможные механизмы возникновения кризисных явлений на финансовых рынках. Представляется, что они являются лишь частью единого процесса, возникающего в результате небольших ценовых колебаний и приводящего в результате взаимодействий между участниками финансовых отношений и положительной обратной связи к непредсказуемым падениям цен на активы. Предлагается использование агентно-

ориентированного подхода совместно с методами системной динамики к моделированию такого процесса.

Ключевые слова: агентно-ориентированный подход, методы системной динамики.

Abstract. The article considers some possible mechanisms of downturns in financial markets. It seems that they are only part of a single process that arises as a result of small price fluctuations and results in interactions between participants in financial relations and positive feedback to unpredictable fall in asset prices. It is suggested to use the agent-oriented approach together with the methods of system dynamics to simulate such a process.

Key words: agent-oriented approach, methods of system dynamics.

УДК: 336.77: 330.42

ББК 65

С каждым годом возрастает сложность мировой финансовой системы, увеличивается количество участников финансово-экономических отношений и связей между ними. Сложные взаимодействия между агентами в такой системе могут приводить к непредсказуемым падениям цен на активы. Примерами подобных взаимодействий на финансовых рынках могут служить различные виды кредитов, производные финансовые инструменты или усложненные взаимоотношения между участниками торгов и неопределенность при принятии решений. Интересной кажется следующая точка зрения на возможные причины финансового кризиса 2007—2009 гг.: развитие рынка деривативов совместно с процессом секьюритизации способствовали массовому и активному использованию заемных средств, или эквивалентно увеличению финансовых рычагов и образованию избыточной ликвидности на финансовых рынках, что привело к значительному отклонению стоимости актива от его фундаментального значения [1].

Системная динамика и финансовый рычаг

В последнее десятилетие появились убедительные доказательства того, что чрезмерное увеличение финансовых рычагов и последующее снижение доли заемных средств лежали в основе повторяющихся эпизодов финансовой нестабильности с конца XIX в. [11]. Подобные процессы широко рассматриваются в качестве одной из главных причин последнего мирового финансового кризиса [3; 4; 6]. Следует отметить, что важным выводом из этой литературы является то,

что кредитное плечо и ликвидность были тесно связаны между собой и усилили напряжение в финансовой системе. Вероятно, использование чрезмерных заимствований крупными участниками торгов на финансовом рынке может порождать положительную обратную связь на изменения в стоимости активов. Данная структурная особенность создает нелинейную, или хаотическую, динамику, которая имеет важные последствия для функционирования всей финансовой системы. Небольшие изменения в такой системе могут приводить к существенной корректировке параметров используемых моделей. Например, в погоне за сверхприбылью финансовые компании много рискуют для получения все большей доходности, которая может расти, пока вся финансовая система не станет высоко-рискованной. В этом критическом состоянии будет достаточно даже небольшого увеличения риска, чтобы вызвать ее непредсказуемый крах.

Хотя финансовый рычаг известен давно, тем не менее лишь в начале этого века были установлены различия в его использовании разными группами участников рынка, которые способствовали увеличению размаха и тяжести финансовых потерь в ходе кризиса [3]. Результаты подтвердились в ходе имитаций поведения инвесторов на перколяционных моделях рынка. Было показано, что крупные инвестиционные банки корректируют свой рычаг, расширяя балансы во время экономического подъема и сокращая их во время спадов деловой активности, тем самым способствуя механизму увеличения циклов подъема-спада спроса на активы.

В другом исследовании был предложен более тонкий подход к данному явлению, при этом использовалась некоторая аналогия между финансовой системой и обеспеченными займами [12]. Они продемонстрировали влияние высокого уровня финансового рычага на возникновение различных статистических закономерностей, которые обычно наблюдаются в рыночных флуктуациях. Стоит отметить, что механизм такого процесса объясняется эндогенными причинами, а не природой самой информации, т. е. нормальное распределение цен на активы в модели изменяется на другое при увеличении агентами размера кредитного плеча. Предыдущие эндогенные объяснения «ненормальностей» на финансовом рынке предполагали наличие своеобразного шумового трейдера, который усугублял ценовые колебания активов [2], а здесь механизм возникновения кризисных явлений включал только инвесторов, стабилизирующих ситуацию на рынке в отсутствие рычагов. Интересно, что каждый кредитор при стремлении контролировать риск в неблагоприятных условиях путем корректировки кредитных рычагов может усиливать риск на общем системном уровне. Возмож-

но, для решения такой проблемы требуется поиск коллективного решения, скоординированного через государственное регулирование.

Представляется, что описанные выше механизмы возникновения «ненормальностей» на финансовом рынке являются лишь частью единого процесса, оказывающего влияние на стабильность всей системы. В его работу, например, могут входить и другие инструменты управления рисками. Стоп-лосс ордера и некоторые виды производных финансовых инструментов, вероятно, также порождают покупку или продажу актива в направлении движения его цены. Возможно, что это явление происходит и в других системах, где осуществляется локальное снижение уровня риска без учета общих коллективных действий всех агентов.

Агентно-ориентированный подход

Существует множество объяснений нестабильности финансовой системы, основанных на учете человеческого поведения и социальных взаимодействий. Одним из классических примеров в области финансов является модель банковской паники: если вкладчики будут думать, что остальные владельцы депозитов планируют их снять, то они сами пойдут в банк за своими денежными средствами. Последний крупный мировой финансово-экономический кризис был пронизан примерами подобного поведения, от банкротства «Lehman Brothers» до кризиса в еврозоне. Во всех случаях, последовательность ожиданий и различных предпочтений создавало панику, приводящую к неблагоприятным последствиям для финансовой системы.

Одна из первых агентно-ориентированных моделей финансового рынка была построена с целью объяснения рыночного обвала 1987 г., когда индекс Доу-Джонса упал на 22,6% [8]. Данное явление невозможно было объяснить появлением информации, оказавшей сильное влияние на возможность этого события, поэтому основная гипотеза исследования заключалась в том, что использование участниками торговых отношений хеджирующих стратегий сыграло ключевую роль в падении индекса. Авторы в своем анализе попытались разобраться взаимосвязь между волатильностью рыночных активов и теми агентами, которые применяют различные стратегии страхования, поэтому в их работе детально описываются процессы, происходящие на микроуровне, чего нельзя сказать о современных моделях, которые больше концентрируются на описании поведения участников финансово-экономических отношений.

Следующие модели, в которых делались попытки имитации поведения финансового рынка, были предложены с аналогичной целью

изучения механизмов формирования финансовых «пузырей» на рынке и следующих за ними крахов [7; 9]. Они содержали большое количество различных участников торгов, где для каждого агента определялся его текущие денежные средства, состав инвестиционного портфеля, формировались ожидания и склонность к риску на каждом шаге симуляций. В дальнейшем появились модели, которые позволили в некоторой степени описать кризисные явления на финансовом рынке, например, основанные на результатах исследований в области физики [5]. Одновременно с появлением такого типа моделей «эконофизики» стали создаваться новые инструменты для анализа результатов финансового моделирования. Фокус исследований сместился с изучения взаимодействий между отдельными участниками торгов на анализ передачи информации между группами трейдеров. Представляется, что последние такие модели вполне способны объяснить некоторые из наблюдаемых статистических свойств финансовых данных (например, так называемые «толстые хвосты» и кластеризацию волатильности).

Основной проблемой упомянутых выше подходов к моделированию кризисных явлений на финансовом рынке является то, что динамика, подобная рыночной, наблюдается только в том случае, когда устанавливается определенное количество агентов, которое зачастую не соответствует действительному числу участников торгов на рынке. Например, чрезмерное число агентов может привести к увеличению спроса, что влияет на ценовые колебания активов, причем не отрицательно, как ожидается, а положительно, т. е. они уменьшаются или совсем исчезают [10]. Естественно предположить, что такая зависимость не является приемлемой.

Таким образом, финансово-экономическая система может либо сама организовываться в критическое состояние, либо с помощью некоторого поведенческого фактора, т. е. критичность может быть рукотворной. К примеру, известно, что некоторые вмешательства человека были особенностью последнего финансового кризиса в США. В предкризисные годы коэффициенты достаточности капитала устанавливались регуляторами на основе оценки рискованности активов финансовых компаний, что стимулировало их инвестировать в активы, недооцененные с точки зрения риска. Критическое состояние с высокой степенью риска было организовано самим финансовым сектором из-за несовершенного регулирования из лучших побуждений.

Заключение

После мирового финансово-экономического кризиса 2007—2009 гг. стал наблюдаться особый интерес к моделированию экономи-

ческих и финансовых систем как сложных, адаптивных сетей. Но такое представление об устройстве экономики вызывает необходимость поиска новых подходов к моделированию механизмов и процессов, происходящих в ней. Как уже было отмечено, поведение финансовых рынков может формироваться не только из взаимодействий между участниками торговых отношений, но и в результате внутренних эффектов, возникающих из-за небольших ценовых колебаний и действия обратных связей. Поэтому, представляется, что комбинированное использование агентно-ориентированного подхода и методов системной динамики необходимо, так как позволит точнее представлять, к каким последствиям могут приводить случайные и непредсказуемые события на финансовом рынке.

В рамках такого комбинированного подхода вызывает интерес исследование вопроса о влиянии некоторых инструментов управления индивидуальными рисками на ценовую динамику активов. В предкризисные годы в США появилось много различных производных финансовых инструментов и считалось, что риски в экономике падают, так как агенты могли лучше хеджировать индивидуальные риски, но уменьшение рисков на локальном уровне привело к увеличению общего системного риска. Вероятно, когда агенты могут лучше страховать риски, особенно между собой, то у них появляется некоторая уверенность, и они увеличивают свои финансовые рычаги для получения большей прибыли. К примеру, секьюритизация ипотечных кредитов на ипотечные ценные бумаги позволила кредиторам переложить свои риски на других агентов, которые также могли разделять риски на основе контрактов, например, кредитно-дефолтных свопов, путем интеграции коммерческих и инвестиционных банков, а также за счет более сложных посреднических цепочек. Таким образом, некоторые инновации могут сделать финансовую систему менее стабильной. В то время как процесс секьюритизации считался весьма полезным, снижая затраты на своеобразные шоки и сокращая спреды процентных ставок, он непреднамеренно привел к увеличению системного риска.

Литература

1. *Смирнов А.Д.* Долг, финансовый рычаг и кризис // Вестник Российской академии естественных наук. 2012. № 4. С. 31—37.
2. *Abraham R., Friedman D.* Bubbles and crashes: Gradient dynamics in financial markets // Journal of Economic Dynamics and Control. 2008. No 33(4). P. 922—937.

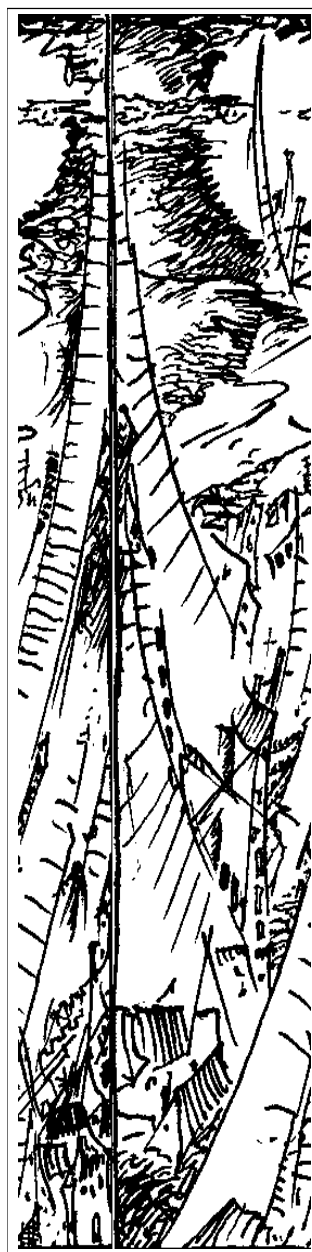
3. *Adrian T., Shin H.* Liquidity and Leverage // *Journal of Financial Intermediation* 2010. Vol. 19. P. 418—437.
4. *Brunnermeier M., Pedersen L.* Market liquidity and funding liquidity // *Review of Financial Studies*. 2009. No 22(6). P. 2201—2238.
5. *Cont R., Bouchaud J.P.* Herd behavior and aggregate fluctuations in financial markets // *Macroeconomic Dynamics*. 2000. Vol. 4. P. 17—196.
6. *Geanakoplos J.* The Leverage Cycle // *NBER Macroeconomic Annual*. 2010. No. 24. P. 1—65.
7. *Huang Z.F., Solomon S.* Finite market size as a source of extreme wealth inequality and market instability // *Physica A*. 2001. Vol. 294. P. 503—513.
8. *Kim G. W., Markowitz H.M.* Investment rules, margin and market volatility // *Journal of Portfolio Management*. 1989. No. 16. P. 45—52.
9. *Levy M., Levy H., Solomon S.* A microscopic model of the stock market: cycles, booms, and crashes // *Economics Letters*. 1994. No. 45. P. 103—111.
10. *Lux T., Marchesi M.* Scaling and criticality in a stochastic multi-agent model of a financial market // *Nature*. 1999. Vol. 397. P. 498—500.
11. *Schularick M., Taylor A.M.* Credit Booms Gone Bust: Monetary Policy, Leverage Cycles, and Financial Crises, 1870—2008 // *American Economic Review*. 2012. No. 102 (2). P. 1029—1061.
12. *Thurner S., Farmer D., Geanakoplos J.* Leverage Causes Fat Tails and Clustered Volatility // *Quantitative Finance* 2012. Vol. 12. No. 5. 695—707.

References

1. *Smirnov A.D.* Dolg, finansovyj ryuchag i krizis // *Vestnik Rossijskoj akademii estestvennykh nauk*. 2012. № 4. S. 31—37.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Что значит сегодня мыслить по-новому?

Аннотация. В статье анализируется вопрос о том, что такое мышление. Автор приходит к выводу о том, что сегодня думать — значит быстро думать, а быстро думать — значит полагаться на интуицию чувств и ума. Клиповое мышление — это не результат работы журналистов или тех, кто продвигает свои продукты и хочет проникнуть в наше сознание без нашего на то разрешения. Клиповое мышление — это попытка упаковать смысл в потоке информации. Новое мышление требует реформации языка. Реформировать язык — значит попытаться в языке соединить несоединимое: воображаемое и реальное. Это значит перестать реальное отождествлять с языком.

Ключевые слова: мышление, язык, сознание, человек, субъективность, клиповое сознание, постчеловек, воображаемое, цифровая реальность, интеллект.

Abstract. In article the question that such thinking is analyzed. The author comes to a conclusion what today to think — means quickly to think, and quickly to think — means to rely on intuition of feelings and mind. The clip thinking is not result of work of journalists or those who advances the products and wants to get into our consciousness without ours on that permissions. The clip thinking is an attempt to pack sense in a flow of information. The new thinking demands reformation of language. To reform language - means to try to connect the unjoinable in language: imagined and real. It means to cease real to identify with language.

Key words: thinking, language, consciousness, the person, subjectivity, the clip consciousness, the post-person, imagined, digital reality, intelligence.

УДК 111

ББК 65в

1. Вообще-то люди всегда думали медленно, не торопясь. Человек по природе своей тугодум. Созерцание стало способом его присутствия в мире. Что значит созерцать? Это значит вглядываться в самого себя. Человек живет смыслами, т. е. согласованными с самим

собой галлюцинациями. В его мире почти ничего не происходит. В нем нет места событиям, ибо событие — это грубое нарушение согласованности с собой. Событие нарушает устоявшийся быт.

Человек живет, как Нанук с севера, в тихой повседневности быта, или, что то же самое, в непрерывно длящемся настоящем, у которого нет ни прошлого, ни будущего. Для Нанука, как для ребенка, нет времени. В непрерывно длящемся настоящем мыслить — значит созерцать себя в вечности.

2. Современный мир радикально изменился. В нем есть время. Но из времени исчезло настоящее. Его заменили сообщения о настоящем. На место бытия встало вопрошание о бытии. Встал язык, учреждающий двумерное время. Событие может лишиться состава событийности, если сообщение о нем не состоялось. Теперь прошлое не является содержанием последующего, а будущее не является истиной предыдущего. Люди остались теми же самыми. Они грезят, и эта свободная от субъекта субъективность определяет отношение людей к вещам. Но привычная для нас реальность стала исчезать. Что значит «реальность стала исчезать»? Это значит, что события объявили войну смыслам. Скорость смены одного события другим так увеличилась, что она не оставляет времени для осмысления, для составления понятийного отчета о происходящем. Зачем человеку в такой ситуации ум? Не для того, чтобы что-то анализировать. Быть умным — не значит быть умным задним числом, не значит оправдывать все свои нелепые поступки и пытаться придать смысл своему действию. От этого смысла бессмысленное не рассеивается. Быть умным задним числом — значит быть врагом осмысляющего мышления. Ум человеку нужен для того, чтобы решиться на действие, последствия которого нам неизвестны. Воля — не значит мыслить. Воля нуждается в решимости. Теперь всем нам приходится жить в мире неизвлеченных смыслов. Всем нам не хватает решимости. Информационный поток смыл наши прежние мыслительные привычки. В событии самым важным оказался не его смысл, не его сущность, а способ подачи информации о нем.

3. Еще недавно М. Хайдеггер полагал, что думать — значит давать чему-то смысл. Что теперь значит думать? Думать — значит быстро думать. В этом состоит суть клипового мышления. Кто быстро думает? Не компьютер. Быстро думать — не значит считать или вычислять. Это не значит осмысляющее мышление заменять вычисляющим. Быстро думать — значит открывать дверь метафоре. Кто ее не успел открыть, тот перестал думать. Наша жизнь — не логика, а метафора, не информация, а самоценное поведение. Что значит самоценное поведение? Это значит, что мы иногда, как дети, вступаем в разговор

не для того, чтобы что-то сообщить, а для того, чтобы вступить в контакт с человеком, вступаем в разговор ради разговора, ради общения. Так возникают пустые разговоры, которые, в свою очередь, будут существовать, пока существует самоценное поведение.

4. Что мешает человеку быстро думать? Быстро думать человеку мешает увальень-язык. Язык — это наше бессознательное. Когда говорят о бессознательном, то обычно имеют в виду сознание, которое было и ушло. Но это неверно. Бессознательное связано не с сознанием, а с языком, который предлагает нам бесконечное множество готовых к употреблению значений. Язык заставляет нас не думать. Он предлагает нам говорить, отказавшись от наших эмоций и грез. Он предлагает заменить их интеллектом. То есть предлагает нам стать разумными, но не мыслящими существами.

5. Сегодня разум становится врагом мышления. Но интеллект — не сознание, а символ — не знак. Символ отсылает к сознанию, а знак — к языку. Полагать, что интеллект — это сознание, а символ — это знак, значит полагать, что человек — это не человек и даже не животное, а какое-то разумное, но не живое и не мыслящее существо. В современном мире много разумных созданий, но мало мыслящих.

6. Кто сегодня быстро думает? Дети. Почему? Потому что они сокращают синтаксические и морфологические конструкции языка. Они сокращают использование линейного языка. Кто думает медленно? Ученые и преподаватели. Почему? Потому что они все еще хотят пройти всю цепочку причин и следствий. Но она бесконечна, и поэтому ее пройти нельзя. Наши знания принципиально неполны. И мы не можем ждать, когда они станут полными. Не можем уклоняться от действий.

7. Преподаватели — это наше социальное бессознательное. От них ждут смысла, а они дают информацию. Но информацию они дают медленно. Чтобы быстро найти информацию в «Войне и мире» Толстого, требуется быстрое чтение. Но быстрое чтение — это не клиповое мышление. Это способ работы со знаками и одновременно способ блокирования работы сознания. Из линейной языковой ловушки можно выйти, полагая, что для всего есть причины, и одновременно полагая, что все случайно.

8. Что нужно делать с языком? Его нужно убрать или реформировать. Что значит «убрать язык»? Это значит перестать думать, что язык — дом бытия. Язык соглядатай за грезами, ловушка для субъективности. Если бытие тождественно вопрошанию языка о бытии, то бытие — это не дом, а, скорее, проходной двор. Убрать язык — значит дать место бытию, которое тождественно мысли о бытии.

9. Но бытие, тождественное мысли о бытии, — это наши зыбкие галлюцинации, наши грезы, а вовсе не язык. В XX в. Хайдеггер попытался на место грез поставить язык и назвать его бытием. И промахнулся, ибо язык привязал бытие ко времени, к тому, чего нет и что существует лишь в момент говорения о себе самом. О чем бы язык не говорил, он всегда будет говорить о себе.

10. Язык определяет границу реального. Бытие, тождественное мысли о бытии, определяет границу воображаемого. Воображаемое всегда противостоит реальному. Язык пытается воображаемое вернуть реальности. В реальности действуют. В воображаемом мыслят. Воображаемое является областью действия наших базисных интуиций. Интуиция — это и есть не что иное, как мысль, лишенная связи с языком. Сегодня быстро мыслить — значит интуитивно чувствовать.

11. Интуитивно чувствовать — значит научиться соединять воображаемое не с языком, а с реальностью. Кто соединяет воображаемое и реальное? Аутос (греч. auto), т. е. человек-художник, тот, кто создает самого себя. Например, самого себя создает художник позднего палеолита. Или Малевич, который, создавая самого себя, соединил воображаемое и реальное в «Черном квадрате» и едва не сошел с ума.

12. Что значит соединить воображаемое и реальное? Это значит заставить существовать то, что существует лишь в данный момент как галлюцинация, в следующий момент времени — как образ, не прибегая к услугам языка и ничего не изображая.

13. Соединить воображаемое и реальное значит взорвать галлюцинации, освободить их энергию. Аутос и есть тот, кто их взрывает. Тот, кто самим собой начинает новый ряд явлений. Поэтому аутос всегда одинок. Взрывая свое одиночество, он дает возможность множественному существованию других. А это значит не социум предваряет существование человека, а существование асоциального человека определяет существование социума. Аутос и есть тот, кто создает социум, будучи асоциальным по своему существу.

14. Искусство — это не культура. Это не множество предметов искусства. Предметы — всего лишь застывшая лава галлюцинаторных извержений. Культура — это норма. Искусство — ненормированное действие человека, определенное взрывами его галлюцинаций. С угасание энергий этих взрывов заканчивается и история человека.

15. Кто реформирует язык? Писатель. Что значит реформировать язык? Это значит попытаться в языке соединить несоединимое: воображаемое и реальное. Это значит перестать реальное отождествлять с языком. Последний гений такого соединения — Платонов. Со-

единение воображаемого с языком, минуя реальное, попытались достичь Хлебников, Крученых и обэриуты.

16. Кто не стал думать по-новому? Ученый. Почему он не стал думать по-новому? Потому что в нем перестали взрываться галлюцинации. Он стал аналитиком, живым компьютером, поставив язык на место сознания, а знак — на место символа. В творчестве не нужен ум и не нужен язык. В творчестве визуализируется бытие, тождественное мысли о бытии. Искусство, равно как наука и религия, это безнадежная попытка человека вернуться к доязыковой реальности, к миру воображаемого.

17. Мысль — это всегда не согласованное с другим путешествие в воображаемое. Еще недавно Гуссерль нас уверял, что мыслить — значит полагать несуществующим. Сегодня мысль находит свой дом не в понятии, а в метафоре, в клипе. Что это значит? Это значит, что в условиях принципиальной неопределенности объективность и факты менее значимы, чем концепты или эмоции и личная убежденность каждого. В мире всегда есть такая сторона, которая существует, если мы хотим, чтобы она была. Метафора — дом бытия мысли по-новому. Мыслить — это значит отказаться от необходимости говорить на языке другого.

18. Что значит говорить на своем языке? Это значит изобрести мир. Если сознание — это привилегия немногих, то аутоэ — это тот, кто обременен необходимостью быть носителем сознания. Тот, кто основывает свою речь на своих базисных интуициях.

19. Клиповое мышление — не результат работы журналистов или тех, кто продвигает свои продукты и хочет проникнуть в наше сознание без нашего на то разрешения. Клиповое мышление — попытка упаковать смысл в потоке измененных фрагментированной информацией событий, или, как сказал бы Бодрийяр, это антропологическая реакция на цифровую революцию.

20. Человек изначально является двухголовым. Одна голова видит то, что есть, а вторая — то, чего нет, и обе спорят друг с другом. Двойственность — фундаментальный способ бытия человека. Тот, кто согласен с тем, что он делает, кто находится в позитивном, но одностороннем согласии с собой, ненормален. Он утратил одну голову, искоренил свою двойственность и подготовил почву для одномерного постчеловека. Нормален тот, кто не согласен с собой. Сущность человека — в религии, а постчеловека — в технике.

21. Для того чтобы человек перестал мыслить, его нужно лишить тишины одиночества. Грезы-мысли у человека рождаются толь-

ко наедине с самим собой. Тот, кто не согласен с тем, что он думает, необратимо лишен способности думать.

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

Феномен ностальгирующего сознания

Аннотация. В статье рассматривается феномен ностальгии в антропологическом и социальном контекстах. Автор указывает на то, что ностальгия сегодня является не только субъективным переживанием, но и способом управления человеком. Анализируются феномен чужой ностальгии, ставшей для человека своей, а также феномен «ностальгии по будущему» и влияние ностальгии на социальную идентичность.

Ключевые слова: ностальгия, прошлое, идентичность.

Abstract. The article examines the phenomenon of nostalgia in the anthropological and social contexts. The author points out that nostalgia today is not only a subjective experience of a person, but also a way of managing a person. The article considers a phenomenon of another person's nostalgia, which has become one's own for a person, and the phenomenon of «nostalgia for the future». The author analyzed the influence of nostalgia on social identity.

Key words: nostalgia, past, identity.

УДК 111
ББК 65в

Гражданин Кейн

Фильм Орсона Уэллса «Гражданин Кейн» начинается смертью одного из самых богатых людей Америки — медиамагната Чарльза Кейна. Перед смертью в своем дворце Кейн произнес странную фразу: «Бутон розы». Журналист получает задание выяснить, что значили эти предсмертные слова самого влиятельного человека Америки. Начинается исследование жизни гражданина Кейна.

Кейн родился в бедной семье. После того, как на их земле нашли золото, мать отправляет ребенка получать хорошее образование — Кейн расстается с семьей. Когда Чарльз вырос, состояние перешло

к нему, и он стал редактором небольшой газеты, которая через десятилетия превратилась в медиаимперию. Со временем Кейн стал одним из самых влиятельных людей Америки. Миллионы людей его любили, еще больше — ненавидели. Он женился на племяннице президента и баллотировался в губернаторы. Он был человеком, от которого зависели история мира и судьба нации. Одни называли его фашистом, другие — коммунистом, он себя считал настоящим американцем. Кейн развелся с племянницей президента и женился на бесталанной певице, для которой построил театр. Она петь не умела и, поняв это, возненавидела сцену, но Кейн хотел, чтобы она пела в специально построенном для нее театре, несмотря на насмешливые отзывы зрителей, потому что она на сцене — это его победа и его желание; и он тот, кто управляет мнением людей. Поэтому она продолжала выходить на сцену.

Когда-то в молодости он создал газету для того, чтобы помогать бедным — это было время идеалов. Спустя годы на место идеалов встала просто борьба за мнение народа. Теперь люди думали то, что он им говорил. Его мир — это мир власти, богатства, забытых идеалов, борьбы против чьего-то еще мнения — жестокий мир капитала. Кажется, он получал все, что хотел: Кейн жил в огромном замке, полном античных статуй и картин великих художников прошлого и настоящего.

Но где искать то, к чему относились его предсмертные слова? Что было настолько важным для гражданина Кейна, что он сохранил это до самого последнего момента? Его первая жена? Или вторая? Мнение людей? Деньги? Древние статуи, заполнявшие его дворец? Картины? Друзья? Его работа, его власть? Как среди хлама его жизни найти то единственное, что заслужило его последние слова? Журналист так и не узнал, что значили последние слова Кейна.

В последних кадрах фильма показаны залы, заполненные античными статуями, коврами, картинами, вазами и сувенирами со всего мира. Рабочие прибираются — они сжигают мусор, который не представляет ценности: сломанная мебель, доски, коробки — весь хлам отправляется в печь. В печи горят и детские санки Кейна, на которых написано: «Бутон розы».

Как в хаосе человеческой жизни найти то, что действительно было важно для него? Другой не может обнаружить то, что является для нас самым важным, потому что наша ностальгия надежно скрывает это часто и от нас самих. Лишь иногда ностальгия покалывает — мы оглядываемся назад на свою жизнь и вдруг понимаем, где находятся

точки, которые вызывают у нас сильную эмоцию. И эта эмоция является одним из самых сильных переживаний в нашей жизни.

Ностальгия — это не прошлое, но его реконструкция сознанием, которое меняет реальность. Если ностальгия — не только прошлое, то и зависит она не только от того, что было, но и от того, что в данный момент есть. Что вызывает ностальгию? Например, вещь. Но тогда кто вызывает ностальгию? Тот, кто показывает эту вещь. Властью обладает тот, кто решает, какие вещи предъявлять ностальгирующему сознанию, и при этом верно угадывает с выбором. Ностальгическое переживание — очень сильная эмоция, которая оказывает значительное влияние на поведение человека, деформирует его и часто определяет. В этом случае ностальгия — не только интимное пространство человека, но и способ управления им. К таким способам управления можно отнести «ностальгический маркетинг», который использует чувство ностальгии для того, чтобы продавать нам товар, и «ностальгический социальный конструктивизм», который использует наше ностальгическое переживание в социально-политических целях.

Какие формы принимает ностальгическое переживание? Что является результатом ностальгического взбрыкивания сознания? Как управлять ностальгией и что произойдет, если делать это слишком настойчиво?

Чужая ностальгия

В фильме Вуди Аллена «Полночь в Париже» молодой голливудский сценарист приезжает со своей невестой и ее родителями в Париж. Ему надоело писать сценарии для фильмов и сериалов и получать за это хорошие деньги. У него есть мечта — он хочет написать книгу. И уже придумал сюжет — книга будет про магазин «Ностальгия», в котором продаются старые вещи. Он американец, но любит Париж и хочет остаться здесь, чтобы ходить по тем кафе, в которых делали наброски для своих книг Хемингуэй и Фицджеральд. Он любит гулять под дождем по парижским улочкам и не любит псевдоинтеллектуалов. А его невеста и ее родители любят дорогие вещи и не любят гулять под дождем. Он тоскует по тому времени, когда в Париже создавалась настоящая литература, писали полотна Пикассо и Матисс — он грезит по «эпохе бури и натиска» в литературе и искусстве. А ему с намеком рассказывают о теории золотого века как психологической девиации. Хотя, возможно, это и не девиация вовсе, а просто возвышенный исторический опыт. Если ты мечтаешь написать великий роман и гулять под дождем по Парижу, а твоя будущая жена вместо дождя выбирает модный бутик, то «субъективный исторический опыт вполне может

спровоцировать чувство утраты и ностальгии по прошлому, более желанному, нежели настоящее, и тогда частица возвышенного исторического опыта распространится на субъективный опыт» [1, 369].

Его ностальгия по давно прошедшему оказалась сильнее реальности. Заканчивается фильм тем, что голливудский сценарист расстается с невестой и остается в Париже.

Важно то, что этот молодой американский сценарист ностальгировал по чужому прошлому, которое непосредственно к нему никакого отношения не имеет. Он грезил по тому времени, в котором не существовал. Оказывается, человека может уколоть чужая ностальгия — чужая ностальгия может стать твоей.

Нобелевский лауреат Эрик Кандель с тоской вспоминает свое детство в Вене. Он был ребенком, когда его семье пришлось уехать в Америку после того, как в Австрии пришли к власти нацисты. Но тоскует он не просто по безмятежному детству, его тоска гораздо сложнее — он тоскует по тому, чего в его жизни никогда не существовало.

Вена первой половины XX в. — центр мировой интеллектуальной и культурной жизни. Этот город был пропитан свободой и жаждой нового — здесь создавались искусство, наука и философия. В университетах, кафе и парках велись дискуссии, которые затем превращались в философские концепты, литературные произведения и научные теории, которые меняли сознание людей и историю. Это время Витгенштейна, Поппера, Венского кружка, Фрейда и Хайека.

Именно эту Вену вспоминает Эрик Кандель — он тоскует по тому месту, которое не успел почувствовать. Чтобы утолить свою тоску по «эпохе бури и натиска», Кандель читал книги, которые писались по следам, оставленным разговорами в венских кафе и парках. И это чтение пробуждало в нем тоску по интеллектуальной жизни, о которой он слышал, но к которой так и не приобщился [4, 75]. Чужая «эпоха бури и натиска» вызывает у Канделя ностальгию. Поэтому он вспоминает слова из фильма «Вена» Орсона Уэллса: «Человек, который по-настоящему любит Вену, живет чужими воспоминаниями. С горько-сладкой болью ностальгии он вспоминает вещи, свидетелем которых никогда не был». Чужая ностальгия стала своей для него.

Земляничная поляна

В фильме Бергмана «Земляничная поляна» старому профессору снится сон, в котором он идет по безлюдному городу. Сначала он видит часы без стрелок, а потом самого себя в гробу. Ему становится страшно. Профессор просыпается, торопится к окну, отдергивает што-

ры — солнечный свет озаряет его. Профессор увидел сон и понял, что его время уходит. А раз он это понял, то жизнь его меняется.

Этот профессор — страшный педант и затворник. Он устал от пустых разговоров с людьми, поэтому к концу жизни остался один. Завтра ему вручат почетное звание в другом городе. Но сегодня он увидел странный сон, поэтому вместо того, чтобы педантично и по плану собираться в дорогу, он ругается с экономкой и меняет правила игры — это «бунт педанта» — он доберется до места самостоятельно. Старик начинает бунтовать против настоящего.

Он едет в машине со своей невесткой и по пути то попадает в свое прошлое, когда воспоминания охватывают его, то возвращается обратно в реальность к невестке и случайным попутчикам. Сам Бергман говорил об этом фильме: «Я делал его, как бы заново переживая свою жизнь, подводя ей итог» [2, 209]. И Старик действительно заново переживает свою жизнь и вспоминает молодость — лето, солнце, ссоры и разочарования, ему улыбается его первая любовь, он видит своих родителей. Ностальгия вырвала его из реальности всего на один день и изменила настоящее — он помирился с сыном, подружился с невесткой, ему больше не снится страшный сон.

Не обязательно быть стариком, чтобы испытать это чувство. Так всего лишь вкус печенья заставил Пруста вернуться в далекое прошлое своего детства и написать «В поисках утраченного времени». Ностальгическое переживание укалывает и нас, когда мы, например, иной раз подходим к книжному шкафу, достаем старую пыльную книгу, перерачиваем страницы и смотрим на записи, которые когда-то давно мы сделали на полях. Эти вопросительные и восклицательные знаки, подчеркнутые предложения и записи на форзацах похожи на развалины древней цивилизации — величественные руины прошлого. Здесь сознание возвращается в свою «эпоху бури и натиска», когда искало ответы на какие-то свои вопросы и, возможно, даже находило их. Этот старый мир «действует на тебя как жизненный стимул» — ностальгическое взбрыкивание сознания напоминает ему о былых заслугах.

Однако у старика ностальгическое переживание острее, потому что «эпоха бури и натиска», куда ностальгирующее сознание желает вернуться, уже в прошлом. А молодость наивно думает, что его «эпоха бури и натиска» еще впереди.

Старики тоскуют по идентичности, т. е. по времени, когда было ясно кто ты и с кем ты, — противостояние тоже может быть частью ностальгирующего сознания. Слотердаик пишет о послевоенной тоске солдат: «Они, испытывая ностальгию по войне, выразили это понимание в таком представлении: солдаты отличаются героизмом, прямоотой,

твердостью, храбростью, стойкостью, способностью с достоинством повиноваться, нести службу, выносить тяготы и лишения — одним словом, они мужественны». Ностальгия стариков — это тоска по порядку, ясности и мужественности: «Ностальгия по войне была, кроме всего прочего, реставрацией мужественности, но в еще большей степени реставрацией уходящего в прошлое социально-психологического типа — ”однозначного характера”» [6, 619]. Поражение государства и коллективная поруганная честь заставляют ностальгирующее сознание возвращаться туда, где никакого поражения еще не случилось. Ностальгия требует справедливости. Однозначность характера, идентичность и справедливость — вот на что направлена ностальгия старика.

Ностальгия по будущему

Старик сидит в кресле, положив руку на потрепанную книгу, — он в поисках порядка и идентичности предается ностальгии по ушедшей эпохе бури и натиска. Старик грезит о справедливости. А в это время его внук идет по улице в компании молодых людей и требует свободы и... справедливости. Их глаза горят — в них идеалы, т. е. грезы о справедливом будущем. В чем разница между стариком и его внуком? Отличаются ли воспоминания о «золотом веке» от мечты о нем? Кажется, что и там, и там ностальгия: в первом случае по прошлому, а во втором — по будущему. Ностальгия всегда направлена на недостижимый в настоящем идеал, и не имеет принципиального значения, в каком из двух направлений времени этот идеал находится.

Ностальгия по будущему блещит в глазах молодых людей, идеалистов и романтиков, которые рвутся в светлое будущее, в космос, к звездам; ностальгия по прошлому читается в наших глазах, когда мы перелистываем страницы давно забытой книги и воскрешаем в своей памяти давние битвы сознания. Ностальгия — это «идеальное вчера», которое похоже по своей природе на «идеальное завтра». Вчерашняя ностальгия по будущему завтра станет ностальгией по прошлому. Наши сегодняшние идеалы когда-нибудь напомнят нам о себе в чувстве ностальгии по «эпохе бури и натиска» нашего сознания. По большому счету, идеалы и ностальгия — это одно и то же. «Каждый имеет право на идеал» — это значит и то, что «каждый имеет право на ностальгию».

Ностальгия — революция в сознании, бунт против реальности. И старик, и его внук требуют справедливости и свободы. Однако это разные справедливости и разная свобода. Для одного справедливость и свобода — пересмотр давних поражений, возвращение в когда-то великое прошлое, для другого — залог будущих достижений. Они хотят

свободы и справедливости, поэтому бунтуют против реальности. «Однако приходит время, — пишет Камю, — когда справедливость требует временного отказа от свободы. И тогда революция завершается большим или малым террором. Всякий бунт — это ностальгия по невинности и призыв к бытию. Но в один прекрасный день ностальгия вооружается и принимает на себя тотальную вину, то есть убийство и насилие» [3, 199].

Но если нужно отказаться, пусть и временно, от свободы для всех, то кто из этих двух заплатит собой за ностальгию другого: старик или его внук? На кого из этих двух будет направлено насилие? Чьи идеалы выбрать, когда сталкиваются две ностальгии? Чью ностальгию придется придать забвению? Если ностальгия по прошлому становится манией всего общества, то ответ очевиден — внук заплатит за ностальгию старика. Но, может быть, чужая ностальгия станет своей для внука? Возможно, призыв к справедливости ностальгирующего по прошлому сознания найдет отклик в сознании молодого поколения? В конце концов, ностальгия — одна из форм коллективной памяти, которая объединяет общество с помощью идеалистических образов прошлого.

Ловушка несправедливости и война поколений

В сегодняшней России ностальгическое переживание становится чем-то вроде государственной идеологии. В этом есть известный парадокс: ностальгия по прошлому становится идеалом, направленным в будущее. Для этого есть некоторые основания. Во-первых, непростая внешнеполитическая ситуация заставляет государство реализовывать мобилизационный сценарий, который предполагает, в том числе, и милитаризацию дискурса. Распространение в обществе идей возвращения утраченного величия, придание армии статуса элитарного института, мифологизация прошлых достижений и другие элементы социального конструктивизма, которые основаны на идее «золотого века», позволяют государству более уверенно выстраивать диалог с другими странами. Во-вторых, ностальгическое переживание является важным элементом коллективной идентичности и связи между поколениями. В идеализации прошлого есть и значительная экономическая составляющая: чем выше потребность людей в восстановлении статуса государства, тем проще перераспределять ресурсы в пользу оборонной промышленности, которая приносит реальный доход и является источником современных технологий. Ностальгирующая Россия сегодня выгодна государству.

Использование государством ностальгических переживаний облегчается наличием запроса на восстановление справедливости (прежде всего, относительно статуса государства в международных отношениях) и наличием неформальных институтов, возникших в прошлой системе и до сих пор сохранившихся в нынешней.

Однако ностальгическая форма исторического сознания является опасным результатом социального конструирования. Во-первых, при откате системы к прошлому ее варианту Россия рискует снова попасть в ситуацию противоречия формальных и неформальных институтов. Если новое поколение уже усвоило неформальные правила, противоречащие доминирующим в обществе и унаследованным из прошлого неформальным моделям поведения, то при откате системы назад возникнет противоречие, которое актуализируется, когда это поколение займет главные позиции в обществе. А это рано или поздно случится — и снова придется ставить вопрос об идентичности и выборе пути. Это уже повод поговорить о попадании в неприятную колею развития.

Во-вторых, определяющее значение истории в жизни государства, т. е. прошлого, само по себе опасно для развития, потому что «при некотором избытке истории жизнь разрушается и вырождается, а вслед за ней вырождается под конец и сама история». Ницше описывал эту проблему следующим образом: «...когда история служит мигнувшей жизни так, что подрывает дальнейшую жизнь, и в особенности высшие ее формы, когда историческое чувство народа не сохраняет, а бальзамирует жизнь, — тогда дерево умирает, и притом, вразрез с естественным порядком вещей, умирает постепенно, начиная от вершины и кончая корнями, которые обыкновенно также в конце концов погибают» [5, 110]. То есть для развития общества важна не только историческая память, но и способность оставлять прошлое. Существует граница влияния прошлого на настоящее, «за пределами которой прошедшее подлежит забвению, если мы не желаем, чтобы оно стало могильщиком настоящего». Даже если ностальгия старшего поколения может стать своей для поколения нового, то это не является с необходимостью позитивным результатом развития общества, потому что ценности, ориентированные на прошлое, уступают в эволюционной борьбе ценностям, ориентированным на будущее. Если старшее поколение ностальгирует по порядку, а стране нужно снижать уровень неприятия неопределенности, то налицо конфликт ценностей.

В-третьих, идя по пути идеализации прошлого, Россия рискует попасть в «ловушку несправедливости». Одним из главных эмоциональных стимулов отката в прошлое является потребность в справед-

ливости. Эта потребность старшего поколения понятна с точки зрения тех деформаций, которые происходили в российском обществе последние десятилетия. Однако оплачивать эту справедливость будет нынешнее поколение. Не покажется ли ему это когда-нибудь несправедливым? Одной из главных задач, стоящих перед современной Россией, является недопущение войны поколений, которая в условиях интенсивной реконструкции прошлых ценностей и моделей поведения становится все более реальной. Поэтому сегодня крайне актуальной становится идея компромисса. Компромисс — это когда обе стороны понимают друг друга и идут на взаимные уступки. В этом случае общая идентичность поколений сохранится.

Резюме

Ностальгия является одной из самых сильных эмоций. И этой эмоцией можно управлять — чужая ностальгия может стать твоей. Во многом будет верным утверждение: «Кто управляет ностальгией человека, тот управляет человеком». Однако ориентация на прошлое не только не всегда полезна, но часто мешает развитию. Особенно это актуально для современной России.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007.
2. Бергман И. Бергман о Бергмане. Ингмар Бергман в театре и кино. М.: Радуга, 1985.
3. Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.
4. Кандель Э. В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике. М.: Астрель; CORPUS, 2012.
5. Ницше Ф. Несвоевременные размышления. СПб.: Азбука, 2014.
6. Слотердаjk П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009.

References

1. Ankersmit F.R. Vozvysennyj istoricheskij opyt. M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2007.
2. Bergman I. Bergman o Bergmane. Ingmar Bergman v teatre i kino. M.: Raduga, 1985.

3. *Kamju A. Buntujushhij chelovek // Kamju A. Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskusstvo. M.; Politizdat, 1990.*
4. *Kandel' Je. V poiskah pamjati: Vozniknovenie novej nauki o chelovecheskoj psihike. M.: Astrel': CORPUS, 2012.*
5. *Nicshе F. Nesvoevremennye razmyshlenija. SPb.: Azbuka, 2014.*
6. *Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma. Ekaterinburg: U-Faktorija, M.: AST, 2009.*

Г.А. ЛОГИНОВ

Эффективность как определяющая ценность постмодерна

Аннотация. Исследуется феномен эффективности как ключевого принципа и определяющей ценности в обществе постмодерна. Рассматриваются различные аспекты доминирования эффективности: от последних тенденций в индустрии обработки данных до политики и религии. Показывается несколько основных опасностей неограниченной погони за эффективностью. Наиболее фундаментальной тенденцией в процессе «эффективизации» является экспансия человеческой деятельности за пределы человеческого жизненного мира. Это угрожает не только человеческой идентичности, но и самой сущности разума и мышления.

Ключевые слова: эффективность, постмодерн, модерн, наука о данных, машинное обучение, эффективный рынок, совершенная конкуренция, жизненный мир (Lebenswelt), трансгуманизм, «загрузка сознания», гуманизм.

Abstract. The phenomenon of efficiency as the key principle and the determining value in the postmodern society is investigated in the article. Different aspects of the dominance of efficiency are considered: from recent tendencies in the data science industry to politics and religion. The several major dangers of the unlimited pursuit of efficiency are shown. The most fundamental tendency in the process of «effectivization» is the expansion of human activity beyond the human lifeworld. It threatens not only the human identity but also the very essence of mind and thinking.

Key words: efficiency, postmodernity, modernity, data science, machine learning, efficient market, perfect competition, lifeworld (Lebenswelt), transhumanism, mind uploading, humanism.

УДК 008.2
ББК 87.0

В «состоянии постмодерна» широко распространено катастрофическое сознание, то и дело объявляется о предстоящем конце света, переносится его очередная дата. Это своеобразный признак абсурдизации мирового развития, ощущения несоразмерности человека с его собственными деяниями. Одним из скрытых факторов здесь, по видимому, является «детерминация будущим», прежде всего, попытки создания искусственного интеллекта, принципиально превосходящего человеческий, разработки которого идут с нарастающей интенсивностью. Возникновение самой идеи «сильного ИИ» является маркером тотальной дезориентации современной научной рациональности в плане ее соотношения с человеком. Авангардно-футуристические идеи о возможностях компьютерного разума дополняются низкопробной научно-популярной пропагандой столь же «магической» эффективности машинного обучения и некоторых других технологий обработки данных и статистического прогнозирования.

В действительности эти новые «революционные» технологии, объединенные несколько странным термином *data science*, основаны на довольно известном беспорядочном, однообразном, тотальном и «плотном» применении (за счет возросших вычислительных мощностей) принципов классической математической статистики (т. е., в основном, так называемый *p-hacking*). При этом уменьшается роль предварительного теоретизирования и формулирования гипотез, а также вообще человеческого осмысления статистических моделей. Высокую эффективность полностью автоматизированных прогнозов в некоторых областях социальной инженерии скорее можно объяснить возросшей предсказуемостью и «роботообразностью» самих людей, особенно западного и азиатского среднего класса, основных клиентов и покупателей продукции крупнейших корпораций. В результате «пропаганда» *data science* не только обеспечивает накачку интеллектуальных ресурсов в индустрию, но и подпитывает страхи (частично обоснованные) тотального информационного контроля и прогнозирования поведения людей.

По мере усиления надежд и страхов, связанных с искусственным интеллектом, угроза умаления, а потом и уничтожения нависает не только над физическими сущностями, но и над смыслами человеческого бытия. «Предварительным» следствием подобного мироощущения является идеология новационизма, с культивированием чувства эфемерности всего, что существует, и даже, казалось бы, только что

полученных каких-либо достижений. При постоянных инновациях ничто никогда не бывает современным, т. е. еще не устаревшим. Так происходит во всех сферах деятельности. В образовании, при непрерывности которого никто никогда ничему не может научиться. Превращение большей части человечества в прекариат без стабильной востребованной профессии — идеал либерального новационистского глобализма. Многочисленный «средний класс» уверенных в себе профессионалов, имеющий суммарно значительные доходы и массово потребляющий инновационные продукты, начинает становиться ненужным. В экономике, когда для получения прибыли от различных полезных новшеств хотя бы в течение короткого срока приходится прикладывать огромные маркетинговые усилия, важнейшие инновации перестают быть нацеленными на массового потребителя. Значительная часть рабочих мест в развитых странах — форма (потенциальной) скрытой безработицы. В менее развитых — форма «возмутительной неэффективности», или эксплуатации, подлежащей скорейшему устранению. В мировом масштабе явление самоценности новационизма просто как бы прикрывает тот факт, что большая часть работы (всего человечества? за всю историю?) уже сделана.

В сфере наиболее «высоких» идей постмодернизма выражением ощущения ускользания какого-либо наличия является «философия Становления» Ж. Делеза. В то время как концептизм и «философия Становления» Делеза представляли собой новационно-виртуалистическую атаку на бытие и его воспринимаемые смыслы («логику смыслов»), грамматология Ж. Деррида, другого столпа постмодернизма, обозначила потенциальную возможность разрушения всего гуманитарного, а возможно, и человеческого в целом сознания. После программно-«термической» обработки высокими технологиями от осознаваемого бытия остается лишь «Золы угасшй прах» (название последней книги Деррида). Феноменологическую реальность оказалось возможным переработать в чисто информационную форму, пригодную для прямого употребления компьютерами, «золу (количества)», т. е. данные. С чисто технической точки зрения эта возможность вообще-то не нова и как будто уже не нуждается в философских дополнениях. Однако грамматология не является просто «идеологией оцифровки». Она гуманитарно обосновывает процессы и цели этой деятельности, утверждая интенциональность неких человеко-компьютерных субъектов обработки данных, действующих в соответствии с философией «it from bit».

Итак, данные бывают получены как методом естественных количественных измерений, так и путем обработки «естественного язы-

ка» (очередной настораживающий термин!). В data science в основном используются скриптовые (сценарные) языки программирования, т. е. языки без развитой «онтологии» в чисто техническом смысле. Результаты моделирования и прогнозирования используются часто автоматически, для «принятия решений» («data-driven decisions»), т. е., по сути, для написания новых скриптов для компьютеров и сценариев для людей, выполняющих бизнес-функции. Такое применение «науки о данных» представляет собой в чистом виде процесс саморазвивающейся эффективности без конкретного субстрата. В физической реальности может происходить все, что угодно, соответствующего бизнеса может вообще не быть, но деятельность будет оптимизироваться, и решения на основе неких данных будут автоматически приниматься. Французский философ Ф. Жюльен сформулировал пессимистическое кредо эффективности: «Пусть эффективность развивается своим путем, и да исчезнет тот, кто ее производит» [1]. Действительно, уже сейчас, по меткому выражению А.Н. Фатенкова, «горизонт аутентичной, западной эффективности отличается малым, протокольным наличием виртуального наблюдателя виртуальных эффектов» [3, 35].

С чисто экономической точки зрения редко принимается во внимание, что в условиях конкуренции эффективность является соревновательной и взаимно уничтожающейся. Вместо целей увеличения (физической) продуктивности и в конечном итоге роста суммарной потребительской полезности (с учетом свободного времени и других нематериальных факторов) ресурсы направляются на взаимно аннигилирующее «всесождение». После него остаются только горы количественной, бессубстратной «золы», старательно просеиваемой data scientist'ами. Возможно, пора бы уже оставить в покое или вообще развеять по ветру количественный прах многих малоосмысленных, неэтичных и просто провальных бизнес-проектов. О них мало говорится, но на самом деле их очень много.

Как известно, модерн в общем философско-историческом смысле был эпохой прибыли, ради которой преступались все нормы. «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» (Т.Дж. Даннинг) [5]. Теперешний «поздний постмодерн» можно считать эпохой самодовлеющей эффективности, которая часто оборачива-

ется и против прибыли, которой она призвана служить. Самый массовый пример: автоматизация и виртуозно эффективные и быстро написанные программы, сокращающие количество оплачиваемых рабочих часов и соответственно доход их создателей.

Эффективность — это своего рода новая «несвятая троица», которая предстает в трех лицах: *efficiency*, *effectiveness*, *efficacy*. *Effectiveness* — способность произвести эффект, претендующая на сходство с созидательной способностью Творца — Бога-Отца. *Efficacy* — способность достижения желаемого результата, претендующая на сходство с манифестацией совершенного человеческого бытия Бога-Сына. *Efficiency* — способность к оптимизации деятельности, претендующая на сходство с гармонизирующим и дарующим жизнь действием Святого Духа. При этом удовольствие как полезность в широком смысле, не говоря уже о радости, невозможно учесть в критериях эффективности или оптимизации.

Вероятный результат противоположного результата стремления к эффективности со стороны ущерба и страданий и в перспективе технического прогресса продемонстрировал малоизвестный теперь немецкий философ Э. Гартман, уже около 150 лет назад писавший в «Философии бессознательного» о возможности коллективного саморазрушения человечества с помощью достижений технического прогресса. Эффективность без соотнесения с благом становится опасной для человечества. Именно об этом, о том, как с ней «справляться», должна, прежде всего, думать и рассуждать философия, а не гордиться пересказом новостей о последних достижениях техники.

Опасная внеэтичность, а также несопоставимость абсолютизации эффективности, или абсолютной оптимизации (как выражения постмодернизма в деятельности), с человеческими модусами бытия объясняется целями, стоящими за прибылью и эффективностью как основными принципами модерна и постмодерна соответственно. Стремление к прибыли часто подразумевает стремление к сверхпотреблению, статусному потреблению, финансовой безопасности, т. е. в конечном итоге к чисто человеческим, гедонистическим целям. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что богатейшие люди модерна часто переходили от гедонизма к другим приоритетным ценностям, не связанным напрямую с материальным богатством, что демонстрирует некоторую аксиологическую ущербность модернистского капитализма, его несовпадение с потребностями полноценной человеческой жизни. Тем не менее основной характеристикой ситуации, в которой находились финансово-экономические элиты модерна, являлась свобода выбора, обеспечиваемая деньгами.

Свободу выбора ценностей и жизненных приоритетов также можно рассматривать как ценность, при этом вполне соответствующую мейнстримным тенденциям в философии и мировоззрениях позднего модерна. Прибыль ради гедонизма и жизненной свободы была принципом, соизмеримым с онтологическими основами человечности, хотя и создающим фундаментальные этические проблемы капитализма. Как показал Н. Бердяев, свобода как основная ценность, достигаемая в том числе и деньгами, была не чужда духовным и даже божественным измерениям человеческого бытия, Русский философ и сам был примером свободного выбора дела жизни, не ограниченного финансовыми проблемами или требованиями к уровню формального профессионализма. Таким образом, прибыль и *освобождение* можно считать главными принципами незавершенной, ускользающей и мейнстримной сущности модерна. В историческом смысле стремлению к прибыли соответствовал государственно-монополистический капитализм (империализм), а стремлению к освобождению — революционные движения. Несмотря на антагонизм этих явлений, невозможно отрицать, что обе эти стороны исторического процесса модерна внесли своеобразный, «по-разному», вклад в достижение человеческих, гуманистических идеалов.

В постмодерне самоценная эффективность, восстающая против прибыли, не имеет органичной связи с человеческими устремлениями. Эффективность, подобная бездонной бочке, не предоставляет даже бессодержательной свободы. Свобода не эффективна, эффективность не свободна. Эффективность скорее является инструментом реализации порабощающих тенденций, производимых ненаблюдаемыми структурами, подобными «макробам» в повести К. Льюиса «Мерзевшая мощь», посвященной богоборческому и античеловеческому аспекту прогрессизма. Таким образом, эффективность в чистом виде бесцельна для человека. Однако некий субъект, для которого эффективность является абсолютной целью, вполне возможен, по крайней мере, виртуально, как ненаблюдаемый, внеэмпирический детерминант неких действий. В зависимости от мировоззренческой парадигмы это может быть «языческое божество эффективности», некий эгрегор, «макроб», «эгоистичный мем» в стиле Докинза, аттрактор, или даже библейский дьявол. Что бы это ни было, очевидно, что интересы людей и этой предполагаемой сущности драматически не совпадают.

Можно также дополнительно рассмотреть этическое содержание замены прибыли на эффективность, оставаясь в рамках христианской (или хотя бы постхристианской) парадигмы. Безудержное аморальное стремление к наживе традиционно рассматривалось как осу-

ществование злой воли и признак неверия. Однако, учитывая, что в погоне за деньгами часто скрывается поверхностный гедонизм, в конечном итоге просто желание беззаботно радоваться жизни, можно считать «меньшим злом» по сравнению с (вынужденным?) падением в дурную бесконечность (бездну) самозамкнутой эффективности. Дополнительную этическую проблему создает тот факт, что всеобщее, тотальное стремление всех участников рынка к эффективности может даже препятствовать максимизации прибыли, т. е. в конечном итоге максимизации суммы благ и полезностей. Абсолютно эффективный, в чисто экономическом смысле, рынок подразумевает совершенную конкуренцию, при которой, согласно микроэкономическому закону, все участники рынка получают нулевую прибыль. В случае наемных работников такая ситуация означает работу на минимально приемлемых условиях, диктуемых рыночной ситуацией и не корректируемых в лучшую сторону какими-либо вне рыночными, гуманистическими соображениями, характерными для социальных государств. В результате сочетание стремления к эффективности и совершенной рыночной конкуренции приводит к движению в противоположную сторону от гуманистических и христианских идеалов. Производственная, а тем более маркетинговая эффективность может иметь положительное этическое значение только при социально-ориентированной государственной политике ограничения конкуренции либо при государственно-плановой экономике социализма.

Итак, стремление к эффективности, приближающее структуру рынка к совершенно-конкурентной, неизбежно приводит к уменьшению суммарной прибыли конкурирующих фирм. Последствием этого является сокращение инвестиций, в том числе в технический прогресс. Однако этот процесс, являющийся выражением постмодернистской дезориентации в бизнесе, очевидно должен угасать по мере истощения инвестиций в действия по увеличению эффективности. Вероятно, процессам самоценного развития эффективности на отдельно взятых рынках необходима внешняя финансово-инвестиционная подпитка, основанная на чьих-то макроэкономических целях. Данное предположение подтверждают беспрецедентные финансовые результаты компании «Uber», транснационального агрегатора услуг такси. Продемонстрировав за все время деятельности чистый убыток в несколько миллиардов долларов, компания стала, вероятно, самой убыточной в истории. Несмотря на общеизвестный и уверенно предполагаемый избыток долларовой денежной массы, поведение крупных инвесторов и новых акционеров «Uber» и сохраняющуюся высочайшую капитализацию компании можно объяснить только какими-либо малоизвестными широкой

публике соображениями и интересами, явно не совпадающими с экономическими целями общества.

Бесцельный рост эффективности — это постоянное навязчивое высвобождение финансовых и материальных ресурсов для какого-либо *иного* применения, часто еще не найденного и не осознаваемого людьми, принимающими управленческие и инвестиционные решения. Текущие цели конкретной полезной продуктивной деятельности заменяются некими *иными* целями (целями *Иного?*), когда ресурсы непрерывно перетягиваются из сферы актуальной деятельности и наличных, определенных целей в сферу «перспективных» инноваций. Происходит систематическое пренебрежение поддерживающей, стабилизирующей, сохраняющей и воспроизводящей деятельностью в пользу сомнительных перспектив. Во многих странах это проявляется даже на уровне государственной, в частности, бюджетной, политики и макроэкономических инвестиционных тенденций. В частности, развитие и даже поддержание уровня (общедоступной) медицины и образования приносятся в жертву малообоснованным надеждам когда-нибудь «выиграть» технологически-инновационное, военное или идеологическо-пропагандистское противостояние. Надо заметить, что это общемировая тенденция и Россия, к счастью, не является лидером в этой гонке в никуда, по крайней мере, по количеству перераспределенных ресурсов. В ценностно-эстетическом аспекте стремление к эффективности и новационизм можно считать выражением глобальной постмодернистской скуки, когда «мир стал не нужен самому себе». В аспекте жизненных ценностей стремление к эффективности является объединяющей парадигмой для тотальной подмены целей средствами в самых разных сферах.

В современной религии, особенно в (пост)христианстве, вера в Бога часто подменяется «верой в веру», как справедливо замечает американский философ Д. Деннет, один из известнейших критиков религии и пропагандистов атеизма в философии. Фактически предметами веры становятся «всеблагодать» и «всемогущество» самого религиозного чувства. Аналогичным образом очень распространено «поклонение религии», особенно в буддизме, некоторых течениях ислама, а также в России как «поклонение православию», т. е. абсолютизация духовно-метафизического значения некоей традиции и роли иерархии, предназначенной для ее поддержания. Поклонение христианству и вера в религию обеспечивают иллюзию «эффективной», магически действенной духовности, которая по сути оказывается одной из циничнейших форм социальной инженерии и манипуляции. В личном плане вера в веру и религию создает зеркальную рефлексивную путаницу и

вносит искажения в субъектно-объектное феноменологическое восприятие, множа параноидальные иллюзии различных рекурсивных эффектов в «духовной жизни».

В современной политике также можно найти несколько примеров подмены идей инструментами их осуществления. С одной стороны, вспоминается ироническая формулировка «демократия — это власть демократов». С другой стороны, угрожающе распространяется (далеко не только и не столько в России) усиление власти вместо «усиления народа», или даже гармоничного усиления государства, что представляется логичной и осмысленной целью для любой власти. В то же время западный либерализм коллапсировал до невиданной «свободы» неизбежно выбрать «единственно верные» псевдолиберальные ценности, тогда как высокий смысл истинного либерализма скорее видится в его диалектическом самопреодолении и ограничении. Судя по последним событиям (особенно по выборам в США и последующей политике Д. Трампа), в некотором смысле подобная метаморфоза либерализма действительно происходит, однако в не совсем разумных направлениях и достаточно извращенной форме. Стремление к эффективности любой ценой, хищному «процветанию» и «величию» вполне способно преобразовать либерализм в новые жесточайшие формы тоталитаризма, подчиненные немислимым целям, находящимся за пределами пространства человеческих ценностей.

Неограниченное высвобождение времени в результате стремления к эффективности, особенно в сочетании с желаемым трансгуманистами неограниченным продлением жизни (или «жизни» в форме оцифрованного «сознания»), может в пределе привести к времени, не заполненному действиями, активным восприятием или даже существованием какого-либо (человеческого) субъекта. «Пустое время» — пустая форма (человеческого) небытия во времени. В противоположность гипотетическому пространству без времени как «райской» вечности без смерти, разрушения и прочего диалектического самоуничтожения, пустое время без существования может показаться формой «адской» вечности, по крайней мере, с экзистенциальной точки зрения. Некоторым подобием этого весьма неуютного состояния, вероятно, являются мучительные эндогенные ощущения во время экспериментов по сенсорной депривации. Однако в случае бестелесного инобытия постчеловеческой личности неизбежны моменты полного отсутствия какой-либо эмпирической информации, хотя бы по причине неустранимой дискретности цифровой передачи и обработки данных. В этом случае достаточно высокая скорость обработки информации приведет

к периодам абсолютной бестелесной скуки, феноменологического небытия.

Удивительно и чудовищно то, что большинство трансгуманистов рассматривают гипотетическую «загрузку сознания» (т. е. мышление на искусственном носителе) не как экстремальную, но временную возможность человеческой субъектности, но как мечту об окончательном избавлении от биологического тела. Фанатики технического трансгресса больше стремятся к прекращению (своей) биологической жизни, чем к расширению возможностей человеческого противостояния смерти и враждебным обстоятельствам. Человек оказывается способен извлекать небытие из небытия (из ничто) и придавать ему реальность. Бытие как становление сменяется становлением небытия. Неправота Парменида («небытия нет») становится все очевиднее. Настало время задуматься над вопросами, блестяще сформулированными Н.Б. Шулевым: «Если человек — живое существо, то почему оно смертное? Если человек — ничто, то почему он выводит из ничто его пленников? Если человек — продукт бытия, то почему его влечет ничто? Если человек есть человек, то почему он отрицает себя, не желая оставаться человеком?» [4, 44].

Подобно тому, как «онтология возможна только как феноменология» (М. Хайдеггер), бытие, вероятно, возможно только как существование (человеческого) субъекта в эмпирически воспринимаемом мире. Бесконечная эффективность (в наиболее широком смысле) несет угрозу разрушения органической связи между существованием и действием, основанной на изначальной гармоничной соотнесенности природы человека и естественных объектов, воспринимаемых и преобразуемых им. «Высказанная М. Хайдеггером в начале XX века мысль, что история метафизики есть история забвения бытия, долгое время представлялась гениально-личной догадкой, для многих сомнительной, и не была актуальной. До тех пор, пока веками привычная реальность макромира не стала на наших глазах, стремительно меняясь по своим характеристикам, умягчаться. Тожественная жизненному миру, который человек видел, слышал, осязал, она превращается в среду, где он действует, но жить не может. По размерам, скоростям, температурам. Появились наноэлементы, микро- и мега-миры, от которых он дистанцируется, экранируется, защищается, направляя туда вместо себя искусственные приспособления и машины» (В. Кутырёв) [2].

Несмотря на необходимость такой защиты и даже глобальные техногенные экзистенциальные риски, выгода (инерция модерна!) от «внежизненной» деятельности очень велика. Возвращение человечества в уютные рамки гуссерлевского *Lebenswelt* представляется нереа-

листичным. В этой ситуации оказывается жизненно важным сохранение гуманистических общих принципов целеполагания в техническом развитии, хотя бы для избегания абсурдного положения «high tech — low life». Определяющие цели прогресса должны быть снова приведены к человеческой мерке: конкретное благо для конкретных людей (с учетом финансово-экономических обстоятельств) вместо абстрактной эффективности и высокотехнологичности.

Литература

1. *Жюльен Ф.* Трактат об эффективности / Под ред. Н.Н. Трубникова. М.; СПб.: Московский философский фонд, 1999
2. *Кутырёв В.А.* Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. *Фатенков А.Н.* Миражи эффективности (к проблеме критериев социально-культурного развития) // *Философия хозяйства*. 2015. № 4. С. 3—36.
4. *Шулевский Н.Б.* Человек и мир Иного // *Философия хозяйства*. 2016. № 4. С. 42—60.
5. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/89790>.

References

1. *Jullien F.* Traktat ob jeffektivnosti / Pod red. N.N. Trubnikova. M.; SPb., 1999.
2. *Kutyrev V.A.* Kul'tura i tehnologija: bor'ba mirov. M., 2001.
3. *Fatenkov A.N.* Mirazhi jeffektivnosti (k probleme kriteriev social'no-kul'turnogo razvitija) // *Filosofija hozjajstva*. 2015. № 4. S. 30—36.
4. *Shulevskij N. B.* Chelovek i mir Inogo // *Filosofija hozjajstva*. 2016. № 4. S. 42—60.

А.Н. НЕЧУХРИН, С.В. СИНЯКОВ

Как пишется история: размышления над методологическими построениями Р.Ю. Виппера

Аннотация. Рассматривается методологическая конструкция выдающегося российского историка и философа истории Р.Ю. Виппера, исследуется процесс исторического познания, выясняются механизмы и принципы реальной работы ученого с исторически-

ми материалами. На основе критического анализа современных результатов исторического познания показана актуальность научного наследия ученого для современной науки.

Ключевые слова: социокультурная обусловленность общественной науки, природа исторического познания, исторический релятивизм, система «умственных разрезов», фундаментальные исторические теории, общие понятия, категории и факты.

Abstract. The article deals with the methodological scheme introduced by R. Vipper, a well-known Russian historian and historical philosopher. The process of historical cognition, mechanisms and principles of work with historical sources are distinguished in the given article. Topicality of R. Vipper's work is revealed by providing critical analysis of modern results of historical knowledge.

Key words: social and cultural determination of social science, the nature of historical cognition, historical relativism, the system of “mental divisions”, fundamental historical theories, common notions, categories and facts.

УДК 33
ББК 63, 65

Выдающийся отечественный историк, профессор Московского университета, действительный член АН СССР с 1943 г. Роберт Юрьевич Виппер (1859 — 1954) происходил из московской семьи обрусевших немцев. После окончания в 1880 г. Московского университета Р.Ю. Виппер успешно занимался изучением древней, средневековой и российской истории, эпохи Ивана Грозного, а также теоретическими и методологическими проблемами исторической науки. С 1894 по 1897 г. Р.Ю. Виппер преподает в Новороссийском университете в Одессе, а в 1897 г. вновь возвращается в Московский университет, где проработал до 1922 г. В 1923 г., воспользовавшись родственными связями, переезжает в Латвию, где с 1924 по 1941 г. работает в Латвийском университете в Риге. Перед самым началом Великой Отечественной войны в 1941 г. возвращается в Московский государственный университет, где продолжает преподавать.

Для иллюстрации его вклада в отечественную мысль достаточно напомнить, что опубликованная впервые в 1922 г. его книга «Иван Грозный» имела большой успех и была дважды переиздана в 1942 и в 1944 гг. В ней он единственный из известных историков, кто пытался оправдать и защитить политику проблемного царя. Р.Ю. Виппер впер-

вые в отечественной историографии прямо высказывает мнение о нем как о гениальном организаторе и создателе Российской империи. Он подчеркивал, что благодаря именно его политике Московское царство стало Россией.

Не будет преувеличением заявить, что его методологические воззрения на природу исторического познания, исследование взаимосвязи исторической науки и общественной жизни являются вершинами отечественной исторической мысли первой половины XX в.

В творчестве Р.Ю. Виппера актуальная проблема социальной обусловленности исторического познания получила наиболее полное разрешение в русской историографии первой половины XX столетия. Методологические построения Виппера вытекали из знания реальных проблем исторического исследования. За свою длинную жизнь он написал свыше 300 работ по всеобщей истории от античности до современности. Взгляды Виппера на проблему соотношения науки и общества, вопрос о зависимости исторической науки от современности оказались достаточно характерными для последующего развития исторической и философско-социологической мысли.

Р.Ю. Виппер — один из первых отечественных историков, который сформулировал, осмыслил и исследовал сложные гносеологические проблемы исторического исследования, вопросы тесного взаимодействия истории с культурой и жизнью общества. В значительной степени российский историк предвосхитил популярную в социальной гносеологии теорию «идеальных типов» М. Вебера, концепции «перспектив» Мангейма и «разных уровней» П. Гардинера. Философско-методологические идеи Р.Ю. Виппера оказали заметное влияние на теоретические представления известных историков Л.П. Карсавина, В.М. Хвостова, Д.М. Петрушевского.

Целью статьи являются раскрытие представлений Р.Ю. Виппера о структуре исторической науки как системы «мысленных разрезов» исторического прошлого, актуализация его теоретико-методологических принципов исследования.

Изучение влияния современных факторов на написание истории стало актуальным для российской исторической и философско-социологической мысли еще во второй половине XIX столетия. Начало этой проблематике было положено работами Н.И. Кареева, Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова. Впервые сколько-нибудь широко вопрос был поставлен в работах П.Л. Лаврова «Исторические письма 1868—1869 гг.» и «По поводу критики на “Исторические письма”» [11, 5 — 295, 297 — 328], Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?» [12, т. 3. 275 — 904], «Записки профана» [12, т. 4, 381 — 464] и «Письма о

правде и неправде» в трудах Н.И. Кареева [7; 8]. Известные ученые выступили с решительным утверждением принципа социально-культурной обусловленности общественной науки со всеми вытекающими отсюда выводами, подчеркивали воздействие, оказываемое жизнью и культурой современного общества, на написание истории. «За вычетом некоторых блистательных исключений, — писал Н.К. Михайловский, — в общем нравственные и политические науки необходимо отражают в себе практическую жизнь с ее шероховатостями» [12, 157].

Констатируя связь науки с общественной жизнью, российские историки и социологи полагали, что социальная обусловленность познания не является в целом препятствием для достижения истины в социальном исследовании. Н.И. Кареев даже утверждал, что ученый способен подняться выше всевозможных социальных пристрастий и крайне негативно оценивал партийно-оценочный поход в науке [7, 383—384]. Позитивистски настроенные исследователи упрощали и нередко идеализировали сложную и противоречивую картину взаимосвязи ученого и общества, не делали соответствующих методологических выводов из факта возможного деструктивного внешнего влияния на познавательную деятельность ученого.

Р.Ю. Виппер подверг резкой критике гносеологический оптимизм позитивистской методологии науки, обвинив ее в недостаточном внимании к самому мыслящему субъекту и сконцентрировал свои усилия на раскрытии активной созидательной роли исследователя в процессе написания истории. В условиях кризиса историзма XIX в., распространения в науке релятивистских идей виPPERовская теоретико-методологическая концепция привела историков к пониманию исторической науки как «автобиографии общества». Глубокий анализ проблемы социокультурного воздействия на работу историка с позиций исторического релятивизма сделал возможным присоединение Р.Ю. Виппера к известному выводу, что история переписывается каждым поколением и для каждой интеллектуальной группы.

Разрабатывая тему связи истории и современности, ученый представил историографию в логическом плане системой «умственных разрезов». Развивая данную концепцию, он поставил перед наукой ряд существенных вопросов, таких как объективность общих понятий в истории, исторический факт, соотношение общего и индивидуального в исторических исследованиях. Историческое описание, с точки зрения Виппера, есть собственно не отражение определенного феномена прошлого, а мысленный разрез действительности под заданным углом зрения, плод творческой активности исследователя. «Мы сами делаем

разрез действительности, руководствуясь известными, наперед намеченными, признаками, установив себе критерий и единицу меры для подбора явлений, — пишет Р.Ю. Виппер, — От нас зависит сузить или расширить количество признаков, которые мы будем принимать во внимание при описании. От нас зависит составить ту или иную комбинацию» [3, 310 — 211].

Мысленные разрезы производятся, согласно Випперу, путем перемещения историка-наблюдателя на различные точки зрения по отношению к изучаемому материалу и независимо от него [3, 203 — 204]. Разные точки зрения дают различное толкование одному и тому же историческому явлению. При изучении определенного исторического феномена, полагает Виппер, исследователь не только искусственно стягивает его элементы в одну плоскость, но и производит обратную работу: разлагает феномен на составные части, дает им имена, делает ряд «моментальных снимков». Каждый снимок получает самостоятельное существование, тогда как в действительности перед ним был целый процесс [3, 203 — 204]. «Разрезы, таким образом, оказываются в конце концов «мысленными опытами над материалом», рамками для восприятия впечатлений, «объективированными моментами нашей психики», глубоко субъективными по природе и содержанию [3, 42].

Р.Ю. Виппер проводит мысль о принципиальном разрыве между реальным объектом познания и его историческим изображением, утверждая несостоятельность описание того или иного исторического феномена в качестве аналога реального факта. Историческое описание для него есть сведение многих разнородных черт в одну плоскость, в то время как реальный феномен разлагается на неучитываемую массу разрозненных элементов во времени и пространстве. Виппер не отождествляет историческое знание с исторической реальностью, и с этим трудно не согласиться. Однако он идет еще дальше — отрицает вообще какое-либо сходство между ними. Историческое описание для него — не более чем фикция, пусть полезная для изучения прошлого, но не как не претендующая на отражение реального хода вещей, не дающая право предполагать, «что система родится и умирает такую, она нам представляется» [4, 352].

Рассмотрим основные элементы его концепции истории как системы «умственных разрезов». По мнению Р.Ю. Виппера, можно говорить о трех видах разрезов исторического материала: на уровне 1) теорий, 2) фактов, 3) общих понятий. В качестве наиболее общих разрезов выступают фундаментальные социально-исторические теории, являющиеся результатом достигнутого уровня исторической

науки в целом на определенной ступени общественного развития. Эти разрезы находятся в тесной зависимости от выработанных обществом политических, культурных, материальных и других социальных ценностей; они являются важнейшими пунктирами, по которым строятся исторические теории. Общие исторические концепции, указывает ученый, как крупные идеальные построения материала, характеризуются наибольшей длительностью. «Поколения, которые над ними работают, — пишет он, — до тех пор не находят себе успокоения, пока не проверят такого построения, то есть не разместят всего запаса известных данных по наметившемуся идеальному чертежу» [5, 261]. К таким разрезам можно отнести теорию исторического прогресса, отвергнутую Виппером, а также предложенную им взамен сравнительно-историческую эволюционную теорию, в которой «заклучен новый разрез явлений, другая постановка социальных и исторических вопросов» [6, 207].

В фундаментальных исторических теориях связь истории и современности проявляется наиболее очевидно. Смена исторических теорий есть, прежде всего, результат изменений в общественной жизни. «Новые идеи в истолковании истории, — подчеркивает Виппер, — в сущности новые разрезы явлений, новые углы зрения, образуемые силой вновь возникающих общественных впечатлений» [5, 148]. Частные исторические построения более приближены к исторической действительности, но одновременно они ощутимо зависят от индивидуального качества исследователя, степени его приближения к изучаемому материалу. Концепция «умственных разрезов» истории, заявленная Виппером, остается актуальной и подтверждается работами в области социальной философии и историографии XX в. Прежде всего, это выразилось в содержании нескольких теоретических попыток типологизировать и систематизировать глобальный социальный процесс при помощи формационного, технологического, социокультурного «разрезов» действительности. Все эти подходы к истории не совпадают друг с другом, хотя и пересекаются между собой. Если первый ориентирует на анализ развития формаций как процесса естественноисторического, объективного и закономерного, то второй ограничивается технико-технологическими критериями развития общества, третий подход за системообразующий фактор и формирующее начало принимает культуру и цивилизацию.

Для марксистского «разреза» развитие общества — объективный и закономерный процесс, для технократических концепций истории критерием и основным фактором развития являлись изменения в технике и технологиях, для культурологического «разреза» истории

главным является человеческое измерение, связанное в первую очередь с культурой и действием социальных механизмов. Последние организуют общество в единое целое и обеспечивают определенный способ существования человечества. Если системообразующим началом формации являются экономические отношения, то формирующим началом цивилизации выступает культура. Концепции локальных культур и цивилизаций возникли позже — в первой четверти XX в., в тот период, когда перед человечеством еще не встали со всей остротой глобальные проблемы и угрозы или, говоря словами А. Тойнби, глобальные вызовы истории, ответ на которые может быть найден не в рамках той или иной локальной культуры, а в масштабах всей планеты, усилиями всего человечества. Таким образом, своей концепцией «умственных разрезов» истории Виппер предвосхитил дальнейшие теоретические и методологические изыскания знаменитых учених: О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, У. Ростоу, Д. Гэлбрейта, Д. Белла. Как уже отмечалось, другим видом «умственных разрезов» у Виппера являются исторические факты.

Позитивистски ориентированное направление в методологии истории абстрагировалось от всего субъективного в историческом факте. Поэтому Р.Ю. Виппер был вполне прав, когда писал, что «предшествующая эпоха в научной мысли слишком настаивала на “объективном” характере фактов, подлежащих нашему изучению...» [5, 60 — 61].

Наивно-реалистическая концепция научного факта была характерна прежде всего для классического позитивизма, и она вызвала протест у ряда представителей русской исторической науки. В.О. Ключевский в курсе 1894 г. «Источниковедение» указывал, что «историк не становится перед историческим фактом прямо, как только возьмет в руки памятник старины или взглянет на него. Исторический факт проявляется в результате анализа и интерпретации источника» [10, 479].

Такие специалисты в области методологии истории, как Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский, в своих работах вскрыли онтологическую специфику исторического факта. Однако в целом проблема факта в теоретическом плане в русской историографии начала XX в. до Виппера сформулирована не была. Его заслуга состоит в постановке проблемы факта в исторической науке как эвристической конструкции. В противоположность позитивистским упрощенным представлениям о факте он подчеркивает интерпретационную природу факта науки, его зависимость от той концептуальной системы, в которую включен факт. Настаивая на эластичном характере исторических фак-

тов, Виппер пишет, что они «перестраиваются», меняют цвет и форму, исчезают и вырастают в зависимости от перспективы нашей, от угла зрения [5, 29]. Не может быть и речи, утверждает историк, о прямом отражении действительности в фактах науки: «Группы, которые мы называем фактами, не составляют чего-либо нам данного, что пассивно нами усваивается или просто открывается. Сознание известного факта прошлого есть результат, прежде всего нашей способности, нашей привычки воспринимать впечатления в известной группировке, в известном сцеплении, связи» [5, 31]. Было бы упрощением представлять дело так, что ученый полностью отрицает объективный характер исторических фактов, выдумывает факты по своему произволу. Напротив, каждый факт, по Р.Ю. Випперу, связан с конкретными элементами действительности. Историк извлекает определенные элементы прошлой действительности и связан ими; свобода его проявляется лишь в конструировании этих элементов в соответствии с выбранным углом зрения. Признавая право каждого исследователя на свою интерпретацию фактов, методолог указывает, что «факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого» [3, 32].

Отбор фактов, их построение, согласно Випперу, производится на базе априорного решения историка и зависят от его предварительной теоретической установки. Вне интерпретации факт — ничто; его просто не существует. Здесь ученый ставит важную проблему соотношения эмпирического и теоретического уровней в историческом познании и единства и взаимосвязи. Всякое описание, по Випперу, всякое перечисление фактов стоит на службе определенной организующей теории; в свою очередь, всякая теория — формула конкретных рядов — так или иначе связана с эмпирией [3, 30 — 47]. Поэтому исторические факты, будучи одной из разновидностей наших «умственных разрезов», являются необходимой для познания субъективной по своей природе эвристической конструкцией. Этот разрез находится в соответствующем подчинении более общему разрезу действительности, разрезу на уровне теории. Под влиянием исторической или социальной теории как общей установки, появляющейся не столько в итоге работы, сколько в преддверии познания, «происходит даже не подбор, а создание фактов в уме нашем, их формулировка по чертежу, по архитектурным линиям известной системы» [3, 33].

Таким образом, Р.Ю. Виппер показывает, что фактическое знание может существовать лишь в связи с определенной теоретической концепцией в истории, что одни и те же факты могут иметь совершенно разную интерпретацию, разные смыслы в зависимости от применяемого категориального аппарата, от мировоззренческой позиции по-

знающего субъекта. Он, безусловно, прав, когда утверждает, что историческое исследование никогда не начинается с голой констатации фактов, с простого накопления эмпирического материала, а предполагает известную теоретическую позицию и систему ценностей исследователя. Вместе с тем необходимо указать и на другой момент в трактовке исторических фактов, игнорируемый Виппером. Речь идет об инвариантной стороне структуры факта действительности, которая не позволяет историку производить излишнюю субъективизацию и релятивизацию эмпирического базиса исследования.

Проблема исторического факта является одной из важнейших методологических проблем исторического познания. С точки зрения наивно-реалистического видения факта он является реальным фрагментом, событием прошлого; с точки зрения методологического подхода факт — результат исторического исследования. Концепцией исторического факта Виппера включает онтологическую и гносеологическую (эвристическую) интерпретацию факта. И в «двойной» природе исторического факта заключена, на наш взгляд, одна из главных методологических проблем исторического познания; сложная взаимосвязь фактов действительности и фактов науки осложняет исследование, обуславливает существенное препятствие на пути познания исторического прошлого. Положение о том, что социальный факт создается, «конструируется» ученым на основе определенных общественных источников — исторических свидетельств, получило широкое распространение в современной методологии социального познания и антропологии [1; 13].

Если согласиться с тем, что историк работает не с самими явлениями, событиями и процессами, а с критически проанализированными, переработанными и оцененными историческими документами, то надо признать, что он имеет дело с предварительно обобщенными и интерпретированными фактами. А поскольку трактовка и оценка — это более поздние стадии исторического исследования, то факты следует рассматривать как конструктивные элементы или продукты познания. Подчеркивая творческую активность историка и целенаправленный характер исторического познания, а также возможности формирования различных знаний на основе изучения одних и тех же источников в зависимости от целевых установок ученого, можно признать как имеющую право на жизнь субъективистскую версию исторического конструктивизма.

Факты не извлекаются историком из исторических источников в готовом виде, а представляют собой результат интеллектуальной активности, определенной исследовательской процедуры. Факты полу-

чают различное осмысление, различную интерпретацию и значимость в зависимости от концептуальной схемы конструирования исторических знаний. Так, известный в истории Второй мировой войны эпизод атаки японской авиации 7 декабря 1941 г. на американскую военную базу в Перл Харборе и потопление находившегося там флота можно считать историческим фактом, отражающим объективное событие прошлого. Однако он функционирует как элемент двух пересекающихся концептуальных структур, что, однако, не ведет к устранению его истинности. С одной стороны, «плохие японцы», не объявив войну, вероломно напали на США, с другой стороны, если включить этот факт в исторический контекст откроются, подчеркивает О. Бузина, «две неувязочки». Уже за несколько месяцев до атаки на Перл Харбор президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт ввел нефтяное эмбарго против Японии. Но, как известно, Япония — островное государство, не имеющее своих источников горючего. Она ввозила нефть из США, которые тогда были крупнейшими добытчиками «черного золота» в мире. Таким образом, лишив японцев горючего и тем самым оставив их корабли и самолеты без топлива, Ф. Рузвельт поставил перед японцами альтернативу: или сдаться без войны, или попытаться захватить энергетические ресурсы Юго-Восточной Азии, напав на колонии Великобритании и Америки. «В качестве приманки, — отмечает Бузина, — в Перл Харборе были оставлены только “устаревшие” (!) корабли-линкоры, построенные в основном во время Первой мировой войны. Американский авианесущий флот — основа современных морских сил — по странному стечению обстоятельств, находился не в базе, а в открытом море. Зато американское общественное мнение получило впечатляющую картинку разгрома целой эскадры новых “Мэнов” — дряхлых судов, разбомбленных японцами» [2, 171 — 172]. «Мэном» назывался самый устаревший и неудачный крейсер американского военно-морского флота, затонувший в конце XIX в. от взрыва при невыясненных обстоятельствах (1898). Это событие стало поводом для начала американо-испанской войны за Кубу. В историческом факте содержится исторического описания, включающее в себя элемент интерпретации, дающее возможность отделить достоверное описание от недостоверного, действительно значимое для истории от малозначимого.

И, наконец, третий вид «мысленных разрезов» в истории, согласно Випперу, — общие исторические понятия. Этот вид разрезов рассматривается им на примере основных категорий исторической науки. Несмотря на признание цельности, единства жизни, полагает историк, мы можем наблюдать ее и описывать лишь в отдельных про-

явлениях, пользуясь различными видами разрезов и вскрытий [3, 208]. Наиболее удобными разрезами исторического процесса являются категории «экономика», «политика», «культура», «право», «социальный строй».

Материалистическая и идеалистическая концепции, с точки зрения Р.Ю. Виппера, совершают непоправимую ошибку, «обращая наши “разрезы”, в сущности, в твердые единицы жизни...» [3, 209]. При близком рассмотрении исторических категорий оказывается, что это неправомерно уже потому, что эти понятия весьма нестойкие и колеблющиеся и что невозможно точно определить их границы. Отсюда, делает вывод Виппер, очевидно, что мы не имеем перед собой данного в реальности разделения явлений по категориям «экономика», «политика», «культура» и др., мы сами делаем разрез действительности по намеченным нами заранее признакам. «Оттого наши категории, — пишет он, — в одно и то же время и неопределенны, не имеют ясных очертаний, и широки, и всеобъемлющи» [3, 211]. Исторические категории, таким образом, являются лишь субъективными «умственными разрезами» действительности. «Предшествующий анализ, — пишет Виппер, — привел нас к тому заключению, что категории экономической, политической, социальной, религиозной и другой жизни образуют важные и удобные для нас группы, описания, ряды снимков, подобранных по одинаковым признакам; но эти наши разрезы и композиции не могут быть сопоставлены в качестве моментов, ступеней и фаз движения социальной жизни; нельзя категории в их целом отождествлять с группами явлений первоначальных и явлений производных» [3, 231].

Критика Р.Ю. Виппером категориального аппарата исторической науки вызывает известные возражения. Исследование того, как возникают концептуальные схемы, выяснение их функций составляет важную задачу теории исторического познания. Одним из первых вопросов о способах построения таких схем и об их роли в становлении, развитии и функционировании строгих научных теорий исследовал В.С. Степин [15]. В историческом познании процесс конструирования теоретических схем и развитых теорий предполагает концептуализацию, правильное понимание которой требует исследование исторических абстракций. Некоторые абстракции вводятся первоначально только из теоретических соображений и могут еще не иметь соответствующих эмпирических подтверждений. Другие абстракции создаются уже на основе эмпирических исследований чаще всего в связи с открытием и использованием новых источников. Процесс концептуализации в историческом познании имеет ряд специфических черт, отра-

жающих особенности изучаемого фрагмента прошлого. Именно на эти особенности исторической концептуализации и обратил внимание Р.Ю. Виппер. Вместе с тем представляется не вполне доказанным его вывод о том, что исторические понятия суть лишь абстракции, не связанные с исторической реальностью, лишь инструменты ее упорядочивания.

Справедливо отмечая, что понятия огрубляют действительность, что они есть продукт человеческой мысли, историк игнорирует их объективное содержание. Процесс образования понятий в историческом познании действительно сложен, его результатом является известное отвлечение от исторической действительности. Но этот процесс не означает произвольных операций над историческим прошлым, напротив, он становится возможным благодаря тесной связи прошлого и настоящего. Не передавая всего богатства явлений прошлого и настоящего, историческое понятие базируется на повторении определенных моментов социальных явлений. Оно есть результат обобщения определенных черт и отношений, присущих прошлой действительности, хотя последняя и не выступает в понятии в «чистом виде».

Историческое понятие не только инструмент познания прошлого, но и результат длительного процесса освоения ученым исторической реальности. Випперовская трактовка основных исторических категорий в качестве инструментов познания или идеальных конструкций, субъективных по своей природе и сущности, нашла выражение в методологических представлениях русских историков рассматриваемого периода. Л.П. Карсавин, например, отказывался, ссылаясь на Виппера, рассматривать причинное взаимодействие фактов исторического процесса, считая их всего лишь абстракциями [9, 18—19]. В.М. Хвостов был против рассмотрения исторических фактов как особых сущностей, квалифицируя их как продукт нашей мысли, расчленяющей материал опыта, в котором все слито [17, 47 — 48, 144 — 145]. По мнению Д.М. Петрушевского, общие понятия в истории имеют цель не отображения действительности, а конструирования ее для решения определенных познавательных задач [14, 14].

Понимание Виппером исторической науки как системы «умственных разрезов» вполне вписывалось в направление методологических поисков русской либеральной историографии начала XX в. Он создал оригинальную и самостоятельную методологическую концепцию, раскрыл ту существенную роль, которую играют внешние факторы в историческом познании. Ему удалось показать место ценностной, мировоззренческой позиции исследователя в формировании теорий, общих понятий и фактов в исследовании, зависимость подходов к

прошлому и видения истории от культурной среды, в которой формируется историк. В то же время, подчеркивая творческую активность субъекта в процессе реконструкции исторической действительности, Виппер настолько гипертрофировал значение познавательных установок исследователя, что поставил под сомнение само объективное содержание результатов исследовательской деятельности, подчинив ее всецело индивидуальной точке зрения. Историк действительно может в любом аспекте рассматривать объект своего исследования в зависимости от своей научной и мировоззренческой позиций, интересов своей социальной группы. Например, в исследованиях, посвященных жизни и деятельности Наполеона легко заметить, что, несмотря на инвариантность основных исторических фактов, не только их подбор, но и освещение фигуры Бонапарта, его историческая оценка, определение места генерала и позже императора во французской истории различаются у разных авторов. Причиной этого являются не только симпатии или антипатии исследователей, но их методика и техника исследования, а также исходные концептуальные схемы [16, 414 — 421].

Для части историков основные ориентиры задаются моральными и психологическими понятиями и схемами поведения героев; для других ученых параметры изучения формируются соответствующими исследовательскими программами — социально-культурными категориями, понятиями революции, прогресса, цивилизации и всемирной истории. Определив исследовательские задачи, историк не может произвольно устанавливать внутренние связи, объективно присущие данному объекту. Субъективные цели историка, с которыми он подходит к объекту изучения, не обязательно ведут к субъективизму; напротив, благодаря такой целенаправленности ученый способен более глубоко и полно постигнуть внутренне присущие объекту связи и свойства.

В свете рассмотренного понимания Р.Ю. Виппером влияния современности на историческое познание и его трактовки исторической науки как системы «умственных разрезов» возникает вопрос, остроту которого чувствовал и сам ученый: возможно ли принципиально достижение объективной истины в истории? Приближаемся ли мы путем таких поворотов, наклонов и отклонений к истине? Историк отвечает, да, «если под истиной не разуметь нечто неподвижное. Если истина составляет возможно точное приспособление доступных данных к возможно развитому, умственному зрению при возможно разнообразной постановке вопросов, тогда мы идем постоянно к истине и постоянно ее достигаем... в меру чуткости и вдумчивости того общества, которое творит и вырабатывает для себя науку» [5, 144 — 145]. Ученый справедливо указывает на процессуальный характер ис-

торической истины, постепенное движение к ней, выясняет социальные предпосылки и субъективные условия постижения явлений прошлого. В историческом познании историк имеет дело с относительной истиной, поскольку историческая наука, в силу ряда особенностей субъектно-объектных отношений, не может в полной мере использовать критерий практики, а работа историка осуществляется в рамках определенной теоретической системы, обеспечивающей концептуальные средства изучения прошлого. Однако, несмотря на субъективистское и релятивистское решение ряда теоретических вопросов исторического познания, методологическая концепция Виппера представляет собой качественно новый уровень в развитии отечественной исторической науки первой половины XX в. Проблемы, поставленные в методологии истории Р.Ю. Виппера, актуальны сегодня и широко обсуждаются в современной научной литературе.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бузина О. Утешение историей. К.: Арий, 2014. 384 с.
3. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. Ч. 1. Характер исторического познания. // Современный мир. 1910. № 1.
4. Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1908. Т. IV. 406 с.
5. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. статей публичных выступлений. 1900 — 1902. М., 1912. 321 с.
6. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX веков в связи с общественным движением на Западе. М., 1900. 207 с.
7. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории: В 2 т. М., 1883.
8. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб.; Варшава, 1895. 300 с.
9. Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). Пг., 1920. 78 с.
10. Ключевский В.О. Комментарии к курсу лекций по источниковедению // Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. Т. VI. М.: Изд-во соц.-экон. литературы, 1959.
11. Лавров П.Л. Философия и социология // Лавров П.Л. Избр. произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. 703 с.

12. *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. СПб., 1906—1909.
13. *Петренко В.Ф.* Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6.
14. *Петрушевский Д.М.* Очерки по истории средневекового общества и государства. М., 1917. 324 с.
15. *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009.
16. *Тарле Е.В.* О наполеоновской историографии // Тарле Е.В. Наполеон. Мн.: «Беларусь», 1992. 430 с.
17. *Хвостов В.М.* Теория исторического процесса: Очерки философии и методологии истории. М., 1914. 315 с.

References

1. *Berger P., Lukman T.* Social designing of reality. The treatise on knowledge sociology. М.: Medium, 1995. 323 p.
2. *Elder O.* Consolation history. То.: Arias, 2014. 384 p.
3. *Vipper R.Yu.* Sketches of the theory of historical knowledge. P.1 Nature of historical knowledge.//Modern world. 1910. No. 1.
4. *Vipper R.Yu.* Sketches of history of the Roman Empire. М., 1908. Т. IV. 406 p.
5. *Vipper R.Yu.* Two intellectuals and other sketches: Sat. articles of public statements. 1900 — 1902. М, 1912. 321 p.
6. *Vipper R.Yu.* Public doctrines and historical theories of XVIII and the XIX centuries in connection with social movement in the West. М, 1900. 207 pages.
7. *Kareev N.I.* Main questions of philosophy of history: In 2 t. М., 1883.
8. *Kareev N.I.* Historico-philosophical and sociological etudes. SPb.; Warsaw, 1895. 300 p.
9. *Karsavin L.P.* Introduction to history (theory of history). Pg., 1920. 78 p.
10. *Klyuchevsky V.O.* Comments to a course of lectures on source study // Klyuchevsky V.O. Soch.: In 8 t. Т. VI. М.: Publishing house soc. ec. literatures, 1959.
11. *Lavrov P.L.* Filosofiya's laurels and sociology // P.L. Lavrov. Izbr. works: In 2 t. Т. 2. М.: Thought, 1965. 703 p.
12. *Mikhaylovsky N.K.* Complete works. SPb., 1906 — 1909.

13. *Petrenko V.F.* Constructivism as a new paradigm in sciences about the person // *Philosophy Questions*. 2011. No. 6.
14. *Petrushevsky D.M.* Sketches on history of medieval society and state. M., 1917. 324 p.
15. *Stepin V.S.* Classics, not classics, postneklassika: criteria of distinction//*Postneklassika: philosophy, science, culture*. SPb.: Mir, 2009.
16. *Tarle E.V.* About a Napoleonic historiography // *Tarle E.V. Napoleon*. Mn.: Belarus, 1992. 430 p.
17. *Tails V.M.* Theory of historical process: Sketches of philosophy and methodology of history. M., 1914. 315 p.

К.В. СЕНЮТКИН

Новаторский консерватизм как альтернатива глобализации в выборе путей развития российского социума

Аннотация. Раскрывается содержание такого понятия, как новаторский (органический) консерватизм; рассматриваются соотношение традиции и новации и их роль в современном мире, в определении российской самоидентификации и своеобразия национального, государственного и общественно-политического устройства России. Отмечается, что синтез этих двух противоположных начал позволит сохранить целостность жизненного уклада и в то же время обеспечит органическое развитие российского социума. Анализируется процесс переоценки ценностей на современном этапе и пути выхода из системного кризиса.

Ключевые слова: традиция, новация, глобализм, органический (новаторский) консерватизм, либерализм, ценности.

Abstract. Today, in connection with the cardinal changes happening in the social and economic, cultural and political, economical and legal spheres caused by globalization processes there is urgent a question of a ratio of tradition and an innovation in definition of the Russian self-identification, an originality of the national, state and social and political system of Russia. In these conditions, in our opinion, synthesis of these two opposite principles will allow to keep integrity of a way of life and in too time will provide organic development of the Russian society. Article opens the maintenance of such concept as innovative (organic) conservatism; a

ratio of tradition and an innovation and their role in the modern world. The author analyzes process of reevaluation of values at the present stage and a way of an exit from system crisis.

Key words: tradition, innovation, globalism, organic (innovative) conservatism, liberalism, values.

УДК 1 (091)

ББК 60

В современных условиях все нарастающих противоречий между цивилизациями, Востоком и Западом специфика российского феномена, его культурно-историческое и общественно-политическое измерение стали объектом внимания многих ученых, политиков и публицистов. Актуализации данной тематики способствовали серьезные изменения, произошедшие в последние десятилетия не только в российской экономике, но и в политике, культуре, общественном сознании многих людей. Черты зарождающейся новой цивилизации западного образца, культивирующей всеобщее потребительство и гедонистический образ жизни, торжество массовой культуры, нравственный нигилизм и, как следствие, происходящий кризис «национального духа» стали отчетливо выявляться в XX столетии: «...Россия становится географическим пространством, бессодержательным, как бы пустым, которое может быть заполнено любой государственной формой. Одни — интернационалисты, которым ничего не говорят русские национальные традиции; другие — вчерашние патриоты, которые отрекаются от самого существенного завета этой традиции — от противостояния исламу, от противления Чингисхану, — чтобы создать совершенно новую, вымышленную страну своих грез. В обоих случаях Россия мыслится национальной пустыней, многообещающей областью для основания государственных утопий» [8, 173—184].

Сегодня эти тенденции обрели печальные масштабы планетарного значения, выявив трансформацию ведущих ориентиров саморазвития западного и традиционных обществ, оформившись в концепцию глобализма, черты которой — нивелирование этноценностей и традиций, космополитическая тактика всесмешения человечества на основе меркантильных интересов. В то же время отметим, и это объективные причины, экономические и политические интересы подталкивают народы к интеграции: создаются мощные транснациональные корпорации и политические союзы, унифицируются стандарты в области науки и техники.

В этих условиях «представители различных культур поставлены перед выбором: примкнуть к этим мощным глобальным проектам и раствориться в них, или же самим быть самостоятельными субъектами в формировании мироустройства. Может ли Русский мир обеспечить для себя роль значимого игрока на мировой арене — сегодня и в будущем? Уверен, что может» [1], констатировал Предстоятель Русской православной церкви Патриарх Кирилл.

Сегодня в научной и общественной среде появилось четкое осознание необходимости определения национальной идеи, российской самоидентификации, своеобразия национального, государственного и общественно-политического устройства России; и в этой связи новаторский (органический) консерватизм, «укорененный в глубинные пласты национальных культур», связывающий «в единое органическое целое прошлое, настоящее и будущее» [7, 69—78], выступает реальной оппозицией завоевываемому ойкумену бездуховному глобализму. Здесь важно подчеркнуть, что социум с позиций консерватизма следует рассматривать не как искусственно созданный механизм, с бесконечными моделями и схемами его развития, а как единый целостный организм, эволюционирующий в опоре на многовековой национальной опыт, базисные духовные ценности и традиции.

Необходимо подчеркнуть, что во времена кардинальных перемен становится серьезной проблемой для всех типов обществ конфликт между старыми устоявшимися формами жизни и модернизационными процессами, между традицией и новацией. Перекос в ту или иную сторону чреват разрушением целостности социума. Так, дискредитация традиции и абсолютизация новаций ведут к отрыву от коренных общественных устоев и, как следствие, — к разрушению жизненного уклада, материальной и духовной культуры. И наоборот, абсолютизация традиции и отрицание новаций влекут за собой общественную стагнацию (застой), а следовательно, в конечном итоге, и деградацию нации [7, 69—78].

На наш взгляд, необходим синтез этих двух противоположных представлений и взаимоисключающих начал, который как раз и призван обеспечить новаторский (органический) консерватизм, сочетающий в себе традицию и современность и отвечающий духу времени [11, 4]. Отметим, что ярким примером подобного консерватизма явилось славянофильство. Концепции его сторонников, помимо опоры на национальную духовную традицию, вырастают из творческого переосмысления взаимодействия западной и русской культур. В частности, их отличают скепсис по отношению к западной культуре, отрицание

последней как абсолютной ценности, неприятие бездумного копирования западного исторического опыта. И спектр суждений, стоит отметить, здесь весьма широк. На одном полюсе — охранительный консерватизм старообрядцев, провозгласивший идеи консервации и национального изоляционизма. В продолжение этих идей стоит отметить призывы «позднего» славянофила К. Леонтьева «подморозить» развитие России для противодействия западной экспансии. На другом полюсе — органический консерватизм славянофилов, предполагающий, по мысли А. Хомякова, «постоянное усовершенствование, всегда опирающееся на очищающую старину. Совершенная остановка невозможна, а разрыв гибелен» [10, 21]. И действительно, славянофилы выступили приверженцами органического развития общества, Церкви на основе взаимодействия с западной культурой, в опоре на сущностные самобытные начала. На наш взгляд, данную позицию следует рассматривать как духовное завещание, не утратившее свое актуальное значение и сегодня, в эпоху глобализации.

Кредо отечественного органического консерватизма удачно выразил А.В. Фролов: «Успех может быть достигнут не только... за счет давно апробированных идей, сколько за счет новых, нестандартных подходов и решений, лежащих, однако, в области российского традиционализма, российской морали и нравственности... Эта теория должна способствовать прогрессу и одновременно отслеживать надежность и истинность пути, выверенность проводимых преобразований и реформ» [9, 12].

Как система мировоззренческих взглядов консерватизм представляет собой «отказ от неоправданных и революционных ломок, упор на эволюционные пути развития в противовес революционным, на постепенный реформизм» [9, 8]. И здесь следует отметить, что консерватизм тем самым противостоит радикализму, где царит разрушительное, никем не сдерживающее реформаторство. Постулирующий преемственность в развитии, опору на национальные духовные ценности и традицию, консерватизм также противостоит и нигилизму, который видит смысл в отрицании всех ценностей и идеалов либо в их бесконечной переоценке.

Если сравнивать консерватизм с либерализмом, то последний определяется системой взглядов, в соответствии с которыми позитивное социальное развитие достижимо лишь на фундаменте частной собственности путем обеспечения гражданской свободы человека во всех сферах деятельности. Таким образом, базисные ценности либерализма

— вера в прогресс, внешняя (юридическая, экономическая) свобода индивида, частная собственность.

Либерализм и консерватизм предлагают принципиальные концепции развития. Первый опирается на идею прогресса, второй трактует развитие как «циклический процесс с обязательным спадом впереди». В связи с этим «консервативная реакция — это реакция на этот спад, а не на возможный рост, который надо затормозить и не дать пользоваться благами цивилизации». А.М. Руткевич в связи с этим отмечает, что «консерватор не тот, кто противостоит прогрессу, а тот, кто опирается на иную идею развития» [12, 168]. В этом плане достаточно показательным мировоззрением отечественных консервативных мыслителей, таких как Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, отрицавших идею прогресса как постепенного линейного восхождения от древней истории к Новому времени. Позитивное развитие, по Данилевскому, не в том, чтобы всем «идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях» [2, 87]. Установка либерализма предусматривает веру в саморазвитие мира к высшим и лучшим формам и образцам, консерваторы же — апологеты стабильности, защитники ядра и стержня существующего миропорядка. По меткому замечанию В.Л. Цымбурского, «нарушая баланс этого мира, вмешиваясь в его строй, мы рискуем свергнуть его в хаос и распад» [6, 168].

Обобщая вышеизложенное, можно сформулировать общие принципы новаторского консерватизма:

- опора на национальный духовный опыт и традицию;
- отношение к обществу как организму, а не механизму;
- опора на фундаментальные базисные ценности нации;
- акцент на устойчивость бытия, где устойчивость трактуется в качестве основного критерия в жизни социума (противостоит либерализму, где акцент сделан на изменчивость бытия);
- ориентация на народные, соборные начала: народ — «единственный и постоянный действующий субъект истории» (по выражению А.С. Хомякова); либерализм же в развитии общества опирается на личностное (индивидуально-эгоистическое) начало, ему свойственна апология великих людей; отсюда, мы видим, возникают разные подходы к государству; государство с позиций консерватизма — это сила, организующая народ, в отличие от либеральных установок, где государство трактуется в качестве силы, призванной защищать личность и обеспечивать ее юридическую свободу.

Рассматривая особенности отечественного консерватизма и отмечая его духовный акцент, следует также отметить еще одну его существенную черту — русоцентричность: «Русский консерватизм русоцентричен... стремится к сохранению и умножению русского культурного наследия... Вместе с тем он уважителен и дружелюбен ко всем народам, отвечающим дружелюбием» [3, 37]. Иными словами, ядром мировоззрения отечественных консервативных мыслителей является опора на русскую культуру, русскую почву [5].

Путь органического консерватизма как альтернатива бездуховному экономизму, хилиастическому прогрессизму видится сегодня в качестве потенции, весьма далекой от реализации. Проблема в пресловутой антиномичности России. Ярко выраженную антиномию современного российского бытия можно обозначить как «духовность/экономизм»: «парадокс России в том, что здесь стоит всеобщий плач по культуре и духовности, распространены упования на них, при одновременном желании достичь тех же результатов, что в странах передового экономизма. Малосовместимость этих целей не замечается» [4, 62]. Прав В.А. Кутырёв, что, «не отдавая отчета в противоречии между духовностью и экономизмом, трудно избежать тупиковой перспективы западного пути. Нечего тогда говорить и об особой, “спасительной”... миссии России в современном мире» [4, 62].

Итак, альтернатива очевидна: либо Россия будет развиваться в опоре на базисные ценности, традиции, сохраняя религиозную духовность, настроенность на трансцендентные смыслы бытия; либо победит идея глобализма: аморфного рыночно-юридического общества, в котором духовность сводится исключительно к информированности, что будет означать утрату национального самосознания, необратимое разрушение национального менталитета, тождественное гибели нации.

Сегодня российское общество, приняв путь новаторского (органического) консерватизма, базирующегося на ценностных фундаментальных традициях и в то же время утверждающего необходимость плавного введения модернизационных процессов и новаций, послужит преодолению болезненного конфликта между старым и новым, отрыву от коренных общественных устоев и, как следствие — сохранению жизненного уклада, материальной и духовной культуры.

Литература

1. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира от 03 ноября 2009 г. //

<http://www.patriarchia.ru/db/print/928446.html> (дата обращения: 15.09.2016 г.).

2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
3. *Зорин В.Ю.* Российский консерватизм: корни, пути и направления развития идеи // С верой в Россию. Российский консерватизм: история, теория, современность М.: ВОПД «Наш дом — Россия», 1999.
4. *Кутырёв В.А.* Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия // Вопросы философии. 2001. № 8.
5. *Набатов Г.В.* О почвенности современного консерватизма // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. История, политология, международные отношения. Вып. 1. Н. Новгород, 2003.
6. О семинаре по проблемам консерватизма в Российском фонде культуры // Вопросы философии. 2001. № 8.
7. *Париков О.В.* Путь Росси: Органический консерватизм как альтернатива глобализму // Человек в истории русской философии (К 60-летию Льва Евгеньевича Шапошникова). Сборник научных трудов / Под ред. А.А. Федорова. Н. Новгород: НГПУ, 2009.
8. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Т. 1. СПб.: Изд-во «София», 1991.
9. *Фролов А.В.* О факторах, определяющих роль консерватизма в нынешней России // С верой в Россию. Российский консерватизм: история, теория, современность. М.: ВОПД «Наш дом — Россия», 1999.
10. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1900 — 1904.
11. *Шапошников Л.Е.* Философия и догматическое богословие в России. СПб.: СПбГУ, 1998.

References

1. Vystuplenie Svyatejshego Patriarkha Kirilla na torzhestvennom otkrytii III Assamblei Russkogo mira ot 03 noyabrya 2009 g. // <http://www.patriarchia.ru/db/print/928446.html> (data obrashheniya: 15.09.2016 g.).
2. *Danilevskij N.YA.* Rossiya i Evropa. M., 1991.
3. *Zorin V.YU.* Rossijskij konservatizm: korni, puti i napravleniya razvitiya idei // S veroj v Rossiju. Rossijskij konservatizm: istoriya, teoriya, sovremennost'. M.: VOPD «Nash dom — Rossiya», 1999.
4. *Kutyrev V.A.* Dukhovnost', ehkonomizm i «posle»: drama vzaimodejstviya // Voprosy filosofii. 2001. № 8.

5. *Nabatov G.V.* O pochvennosti sovremennogo konservatizma // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Istoriya, politologiya, mezhdunarodnye otnosheniya. Vyp. 1. N. Novgorod, 2003.
6. O seminare po problemam konservatizma v Rossijskom fonde kul'tury // Voprosy filosofii. 2001. № 8.
7. *Parilov O.V.* Put' Rossi: Organicheskiy konservatizm kak al'ternativa globalizmu // CHelovek v istorii russkoj filosofii (K 60-letiyu L'va Evgen'evicha SHaposhnikova). Sbornik nauchnykh trudov / Pod red. A.A. Fedorova. N. Novgorod: NGPU, 2009.
8. *Fedotov G.P.* Sud'ba i grekhi Rossii. T. 1. SPb.: Izd-vo «Sofiya», 1991.
9. *Frolov A.V.* O faktorakh, opredelyayushhikh rol' konservatizma v nyneshnej Rossii // S veroj v Rossiyu. Rossijskiy konservatizm: istoriya, teoriya, sovremennost'. M.: VOPD «Nash dom — Rossiya», 1999.
10. *KHomyakov A.S.* Poln. sobr. soch.: V 8 t. T. 8. M., 1900 — 1904.
11. *SHaposhnikov L.E.* Filosofiya i dogmaticheskoe bogoslovie v Rossii. SPb.: SPbGU, 1998.

Е.В. ЛЕДЕНЕВА

От Гегеля к неклассической философии

Аннотация. Автор исследует (с весьма широких исторических перспектив) элементы того, что можно назвать «неклассикой» у философа Гегеля. Рассматривает переворот от «вещи» к «человеку» (или же от «природы» к «культуре»), как он существует в рамках гегелевской мысли, а также за ее пределами. Вряд ли правильным было бы считать, что неклассическая философия (скажем, с Шопенгауэра) начинается как некий декаданс после расцвета немецкой классики. Скорее нужно говорить о различных возрастах, которые проживает философское вопрошание в истории западной мысли. В таком случае, истоки последующей эпохи нужно искать в возрасте предыдущем.

Ключевые слова: природа, культура, вещь, субстанция, субъект, человек, дух, действительность, деятельность, свобода, история.

Abstract. The author explores (embracing a very broad historical context) elements of what can be called «non-classics» in Hegel's philosophy. She considers a revolution from «object» to «human» (and also from

«nature» to «culture»), in the quality in which it exists within Hegelian thought (and beyond). It is hardly correct to say that non-classical philosophy (for example, from Schopenhauer) is a kind of decadence that took place after the great German classics. Rather, we need to talk about the different ages through which philosophical inquiry passes in the history of Western thought. In this case, the sources of the subsequent epoch must be sought in the era of the previous one.

Key words: nature, culture, object, substance, person, human, spirit, actuality, activity, freedom, history.

УДК 1(091)

ББК 87

Философский проект Гегеля ставит перед собой в качестве цели принципиальное преодоление дуалистической модели, которой философская мысль следовала на протяжении всей ее более чем двухтысячелетней истории. Двойственность вещи и идеи, материи и формы, субъекта и объекта представляются, по мысли Гегеля, модификациями одной и той же познавательной установки и разновидностями одной и той же проблемы: стороны оппозиции не могут соединиться в предлагаемой философом «системе», легко охватываясь тем не менее его мышлением.

Что же это за среда, которая делает возможным философское мышление (и, вообще говоря, мышление как таковое)? Ответ Гегеля можно, при желании, ограничить одной фразой: это свобода, но не в качестве свойства вещи, а в качестве свойства, направленного на изменение вещи. Фраза эта, впрочем, такова, что требует развернутого комментария, весьма непростого, поскольку она описывает не данность, а становление.

Часто можно услышать, что Гегель — крайне трудный для понимания философ. Это так. Но дело не только в сложности терминологии, абстрактности языка этого мыслителя: чтобы понять Гегеля, нужно сделать некую крайне неестественную, не свойственную нашему мышлению вещь.

Если окинуть единым взором историю становления человеческой мысли, то можно сказать, что *до определенного момента своего существования философия была неким вопрошанием о вещах*. Естественно для человека смотреть на вещи. Ты видишь вещи: вот это камень, это дерево, а это — Солнце. Вещи обладают определенными качествами. Они неизменны (в достаточно высокой степени самосто-

дественны): камень не изменится, если ты от него на минуту (или на день) отвернешься.

Но все же их тождество самим себе не абсолютно: вещи когда-то возникли и когда-нибудь, рано или поздно, подвергнутся разрушению. И по этой причине человеческий разум ищет (вернее, стремится открыть) в основании вещей нечто более неизменное, чем они сами — нечто, что можно было бы назвать *неизменным* в полном смысле этого слова. Он ищет их первоначало, первооснову, *Природу*. Разум спрашивает: какова природа вещей? что лежит за этим миром возникающего и исчезающего сущего?

Разные философы по-разному осмысливают эту первооснову. Они дают ей различные имена. Это может быть «*фюсис*» (φύσις) первых греческих философов: «вода» Фалеса, «огонь» Гераклита. Или «*атомы*» Демокрита, которые, как известно, неизменны и неуничтожимы. Но и платоновские «идеи» — это, в принципе, то же самое: вечные и неизменные образцы, причина существования чувственных вещей. Они могут выступать в этом качестве (т. е. быть *про*-образами) именно потому, что в высшей степени самотождественны и стабильны.

Если мы переключимся на XVII в. — так называемое Новое время — то там философия, ориентирующаяся уже на латинскую терминологию, спрашивает о *субстанции*. Но смысл, в общих чертах, остается тот же: субстанция (substantia) — *под-лежащее*, то, что лежит в основе и несет на себе акциденции, как канва несет на себе уток ковра, как холст несет на себе картину. Субстанция может нести на себе акциденции именно потому, что она в высшей степени постоянна.

В первую очередь привлекает внимание философов Нового времени материальная субстанция. Но говорят они и о духовной (Декарт, Лейбниц). Однако, когда речь заходит о духовной субстанции, то она толкуется (в принципе) по аналогии с первой. Так, Декарт, когда говорит о «я» субъекта (о его душе) — называет это *res cogitans* (вещь мыслящая). Даже Кант с его «вещью в себе» укладывается в эту схему: «вещь в себе» тоже субстанция, просто свойства ее полагаются полностью неведомыми и не подлежащими выяснению.

Иное начинается с Гегеля. И прежде чем пытаться понять его систему, нужно полностью сменить точку, исходя из которой разворачивается философское рассуждение. Или, если можно так сказать, изменить *направление взгляда*. Для человеческого взгляда свойственно смотреть на вещи, для человеческого разума — спрашивать о вещах. А что если начать с другого вопроса?

Чем человек (индивид, субъект) отличается от всего прочего сущего? Ясно, что дело не только в сложности его физической и психической организации. Разумом? Да, конечно! И Гегель в дальнейшем, разворачивая свою систему, будет много говорить о разуме; может быть, больше, чем любой другой философ. Но начинается он не с этого (см. Гегель. Феноменология духа. Наблюдение самосознания и его отношений к своей непосредственной действительности. Физиогномика и френология [1, 159 — 179]).

Если говорить о единичном индивиде, то ясно, что каждый из нас обладает уникальным характером, привычками, убеждениями. Но все же это не главное. Допустим, пишет Гегель, какому-то чудесному мудрецу удалось постичь ту или иную конкретную личность во всей ее полноте — однако достаточно будет этому человеку принять одно единственное решение, как он вновь станет непостижим на тысячелетия¹.

Дело не в том, *какие* мы (не в сумме наших отличительных особенностей). Дело в том, что мы можем изменяться и делаться другими в результате собственных решений. Индивида, по Гегелю, отличает от всего прочего сущего способность к самопроизвольному изменению. Стол предопределен к своему бытию столом. И его сущность не изменится. Ты же (субъект) не задан предпосылками и условиями своего существования. Ты — то, что ты сам со всем этим сделал. Иными словами, ты *свободен*.

Это начало в нас, которое противоположно вещественности вещи, ее установленности и законченности², Гегель, собственно, и называет «*духом*».

Но гегелевский взгляд, как известно, не задерживается на единичном индивиде в его единичности (как это будет иметь место у экзистенциалистов, у Кьеркегора и Сартра). Гегель — абстрактный мыслитель: это начало, отличающее человека от всех прочих вещей, Ге-

¹Точнее, Гегель цитирует Лихтенберга, соглашаясь с ним: «Лихтенберг поэтому прав, когда говорит: “Допустим, что физиогномист уловил однажды человека, но достаточно последнему принять твердое решение, чтобы опять сделаться непостижимым на тысячелетия”» [1, 163]. Лихтенберг — ученый, публицист, написавший статью с критикой физиогномики как науки.

²«Бытие духа, по меньшей мере, нельзя считать чем-то просто неподвижным и непоколебимым. Человек свободен; допустим, что первоначальное бытие — только задатки, над которыми человек имеет большую власть или которые нуждаются в благоприятных обстоятельствах для своего развития, т. е. первоначальное бытие духа можно равным образом назвать таким бытием, которое существует не как бытие» [1, 174].

гель полагает возможным помыслить отдельно (в чистом виде), как самостоятельную сущность. Он усматривает (или, может быть, лучше сказать домысливает) за плечами конкретного человеческого субъекта — субъекта абсолютного. Его Мировой дух — это *чистая* свобода, сама себя определяющая деятельность.

Если говорить именно о мыслителе Гегеле, то построенная им система имеет явное сходство с религиозной доктриной (в особенности с христианством): Гегель рассуждает о Мировом духе как о Субъекте, являющемся причиной возникновения мира (в буквальном смысле слова).

Но здесь есть один новый момент, которого мы не найдем ни в одной богословской концепции: Мировой дух Гегеля — это *становящийся, саморазвивающийся* субъект. Гегель указывает на то, что логику становления этого абсолютного субъекта мы можем понять именно *по аналогии с нашим (человеческим) становлением*. Он сравнивает формы существования Абсолюта (Идея — Природа — Дух) с тремя возрастами человека.

В гегелевской философии речь идет о становлении абсолютного Субъекта, о его пути к самопознанию и свободе. И как отображение этого пути, мир (поскольку он описывается на языке этой философии) будет подвижной, динамической (или, как скажет гегельянец, «диалектической») системой. Природные формы, по мысли Гегеля, подобны следам на песке, повторяют все те шаги, которые проделал Мировой дух, двигаясь по пути к себе.

Итак, чтобы понять Гегеля, нужно сначала вникнуть в то, как он понимает индивида (точнее, дух), а потом помыслить весь универсум по аналогии с индивидом (точнее, с началом в нем, противоположном всякой вещиности).

Если же говорить о гегельянстве за пределами Гегеля, то наследники великого немецкого классика в первую очередь подвергают критике именно понятие Мирового духа. В частности, Серен Кьеркегор буквально осмеивает приемы мышления Гегеля: для меня — рассуждает он — единичного человека — речь идет о моем собственном существовании, претензии абстрактного мыслителя на то, что он понимает все, глядя на мир с точки зрения вечности (с некой абсолютной возвышающейся над миром точки обзора), нелепы³.

³«...Чистое мышление всегда витает в облаках. Оно в своем мистическом парении, без малейшего отношения к существующему разъясняет все в границах того, что само может помыслить... Таким образом, когда существующий

Людвиг Фейербах спорит с Гегелем в начале своей знаменитой работы «Сущность христианства»: «Истиной является человек, а не абстрактный разум, жизнь, а не мысль, остающаяся на бумаге...» [7, 15]. Впрочем, все эти (и многие другие) возражения в адрес «абстрактности» гегелевской системы и «спекулятивности» его мысли являются по своей сути уточнениями, а не опровержениями Гегеля: ни Кьеркегор, ни Фейербах, ни Маркс даже не пытаются воссоздать «догегелевский» дуализм; все они радикализуют гегелевское понимание свободы, превращая его в императив.

Шаг, который делает Гегель от конкретного человеческого индивида к некоему Абсолютному субъекту, наследниками Гегеля не принимается (по крайней мере, в явном виде и буквальном смысле). Этот шаг рассматривается как произвольное допущение, как элемент метафизики у диалектика Гегеля. Но событие уже совершилось. Переворот произошел: после Гегеля философы будут мыслить универсум *сквозь человека* (а не как ранее, отталкиваясь от вещи).

Философы, жившие до Гегеля, мыслили Природу, стремились понять ее тайны, ее скрытую суть. Гегеля же «звездное небо над головой»⁴ не вдохновляет, тайны далеких миров не манят. Все заслуживающее внимания, по его мнению, происходит там, где есть *люди*, где они что-то творили, разрушали и учреждали. Гегеля интересуют большие человеческие общности — народы. В их судьбе и свершениях Дух познает себя, по мысли Гегеля, с величайшей полнотой.

И здесь появляется второе понятие гегелевской системы, непосредственным образом связанное со свободой: история. Свобода не есть свойство вещи и не есть свойство действующего субъекта. Она, согласно Гегелю, не исходное условие, но скрытая телеология исторического процесса, складывающегося из многообразных и, как правило, эгоистически мотивированных действий «исторических лиц». Таким образом, Гегель вновь воссоздает опровергаемый им философский дуализм (что и послужило отправной точкой для его последующей критики): свобода может быть осознана в связи с действиями конкретных исторических индивидуумов, но сами они остаются ей не причастны.

спрашивает, как чистое мышление соотносится с его существованием и что делать, дабы войти в чистое мышление, ответа он не получает» [3, 143].

⁴«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [2, 499].

Гегель, безусловно, повлиял на становление истории как научной дисциплины, что же касается философов, то после Гегеля их внимание к природе так и не возвращается. Постепенно, но последовательно, оно переключается на сферу человеческой субъективности и интерсубъективности, на все, что связано с человеческой деятельностью. Концепт «природа» уходит в качестве основного слова философской рефлексии. Впрочем, слово «природа» в философском словаре Гегеля остается — но в качестве «иного» по отношению к духу, преодолеваемого посредством особого рода созидającego *действия*. Подобного рода действие оказывается у Гегеля своего рода энтелехией действительности.

Слово «*действительность*» у Гегеля — почти синоним слову «реальность», но разница существенна. Когда мы говорим о «*реальности*», то предполагаем, что мир нам просто противолежит: он перед нами, и мы его «отражаем» в своем сознании. Субъект при таком подходе понимается как наблюдатель. Такое (можно сказать, классическое) отношение субъект-объект характерно для философии XVII в. Оно хорошо подходит для того, чтобы говорить о мире, как об универсуме физических тел, изучать именно природу.

А слово «*действительность*» предполагает, с одной стороны, что мир (хотя бы отчасти) является результатом твоей *деятельности*, а, с другой — что ты в нем *задействован*, уже вступил с ним в отношение, что ты обнаруживаешь себя в мире, а мир в себе, т. е. слово «*действительность*» предполагает, что связи, *отношения* первичней каких-либо точечностей (сущностей).

Если не брать на веру объективное существование Мирового духа (если исключить это как некую метафизическую компоненту), то, как ни странно, от гегельянства еще много что остается. Ведь действительно, когда ты мыслишь *себя*, то ты мыслишь не нечто безусловно единичное (единичное, по Гегелю, вообще невысказуемо⁵), — ты мыслишь себя как носителя разума, как представителя рода человеческого, т. е. относишь себя к некоей более широкой общности, к чему-то большему.

А, с другой стороны, возьмем тезис Гегеля о том, что *мир* — это *результат активности* некоего субъекта. Что если заключить в скобки религиозный контекст этого утверждения и взглянуть на человека просто эмпирически? Он предстанет нам как существо, стремя-

⁵Об этом он говорит, в частности в первой главе «Феноменологии духа», раздел I. Чувственная достоверность или «это» и мнение [1, 54 — 61].

щеется переделать мир (и изрядно в этом преуспевшее). Там, где животное будет пытаться приспособиться и видоизмениться, мы вспашем землю, построим жилище, сделаем одежду, а потом — когда у нас все это будет — мы займемся более сложными формами деятельности, еще больше меняющими наш мир. Конечно, это «материалистическая» интерпретация мысли Гегеля, соответствующая тому прочтению Гегеля, которое предложил Маркс и, возможно, Хайдеггер, но базовой интуиции Гегеля с его концепцией деятельности такая интерпретация, думается, не противоречит.

Обратимся теперь к индивидуальному опыту. Когда ты приходишь в этот мир (рождаешься, начинаешь взрослеть), *что ты видишь?* Природу?

Ты видишь предметы. В первую очередь, рукотворные: предметы обихода, начиная с погремушки. Ты видишь людей. Они учат тебя языку. И пока ты учишься говорить и думать, ты одновременно учишься видеть (а именно, выделять предметы из потока зрительной информации). Должно пройти, по крайней мере, лет десять, чтобы твое формирующееся абстрактное мышление позволило тебе помыслить природу в ее специфическом бытии, задуматься о ее ценности и несводимости к твоим собственным нуждам.

Таким образом, *по факту*, ты приходишь в мир, который является, в первую очередь, человеческим творением, результатом усилий духа. Речь идет, конечно, не об абстрактном Абсолютном субъекте Гегеля. А о людях. Ты встречаешь в этом мире большое количество человеческих деятельностей, как правило, уже завершившихся; уже «овеществившихся» в какой-то продукт, отношение, ценность. Весь этот контекст активно осознается философами во второй половине XIX — начале XX в. Ему придается *значение*.

Итак, если классическая философия рассуждала о *человеке и природе*, то теперь — т. е. в постклассическую эпоху, человек мыслит себя в контексте той «*второй природы*», которую он сам создал. Новым ключевым словом (и предметом рефлексии) философии становится *культура*. Впрочем, слово это не может претендовать на единственность и уникальность. То, что нами здесь названо «культурой», с тем же успехом в другом контексте может фигурировать как «*социальное*», «*язык*» или под каким-то другим именем. Но в любом случае, речь будет идти о некоей произведенной человеком системе или структуре.

Что касается гегельянства без понятия Мирового духа, то ближайший пример этому дает Маркс. Если рассматривать его вне традиции нашего отечественного диамата, то Карл Маркс — философ исто-

рии. Он говорит о человечестве (человечество у Маркса берет на себя отчасти роль гегелевского Абсолюта). У Маркса, как и у Гегеля, человечество, по мере развертывания истории движется к самопознанию, к тому, чтобы стать собой, обретя, наконец, свободу в точке конца истории, преодолевая на этом пути препятствия, связанные со стремлением к обладанию собственностью.

Общество будущего, о котором грезит Маркс, понимается им, как царство подлинной человечности; он пишет, что при коммунизме человек научится по-человечески относиться к вещам, к другим людям и к самому себе⁶.

Еще примечательная вещь, которую говорит Маркс об этом идеальном обществе будущего: атеизм станет неактуальным⁷ (так же как и религиозное сознание), поскольку люди осознают, что самый верный ответ на вопрос: «*кто создал человека?*», будет ответ: «*сам человек*».

Если человек, по сути своей — деятель, то неважно, *что* является причиной его появления в этом мире (природа или некая высшая сущность), потому что с тех пор он себя пересоздал и пересоздает снова и снова. Разумеется — Маркс подчеркивает этот момент — он делает это не в одиночку, а сообща с другими⁸.

⁶«Уничтожение частной собственности означает полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией именно потому, что чувства и свойства эти стали человеческими как в субъективном, так и в объективном смысле. Глаз стал человеческим глазом точно так же, как его объект стал общественным, человеческим объектом, созданным человеком для человека» [4, 592].

⁷Там же: «...так как для социалистического человека вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека, то у него есть наглядное, неопровержимое доказательство своего порождения самим собою, процесса своего возникновения». В этом состоянии общества станет «практически невозможным вопрос о каком-то чуждом существе, о существе, стоящем над природой и человеком». В то же время «атеизм, как отрицание этой несущественности, не имеет больше никакого смысла, потому что атеизм является отрицанием Бога и утверждает бытие человека именно посредством этого отрицания; но социализм, как социализм, уже не нуждается в таком опосредствовании... Социализм есть положительное, уже не опосредствуемое отрицанием религии самосознание человека...» [4, 598].

⁸Любая деятельность, которой занимается человек — настаивает Маркс — *общественна*. Абсолют (сознание человечества) существует только в наших головах и неплохо в них помещается: всякая человеческая деятельность *имеет*

Или возьмем Ницше. Фридриха Ницше, конечно, нельзя в буквальном смысле слова назвать гегельянцем, но все же и он тоже — наследник того переворота в философском мышлении, который имел место *после* Гегеля.

Ницше говорит о человеке, как о *творце всех ценностей*: как об оценивающем⁹, придающем всему меру существе. В природе, пишет он¹⁰, есть некая связь *необходимостей* (причинно-следственная связь), а все *значимости* придумывает (создает) человек: он определяет, что есть правильно, что — хорошо, задает границы понятий «добра» и «зла», «прекрасного» и «возвышенного», «нормального» и т. д.

Гегель в неприкрыто-метафизическом смысле слова говорил о том, что все разумное действительно и действительно только то, что разумно. В философии, которая не берется рассуждать с точки зрения Абсолютного духа, этот тезис может существовать только в ослабленном и преломленном виде. Можно сказать, что гегелевская философия создает предпосылки для того, чтобы смысл слова «*есть*» разбился на две составляющих:

- можно говорить о «*есть*» в смысле природного бытия пребывающей в объективной реальности вещи («*есть*» с которым имеет дело естественная наука = хайдеггеровское «*онтическое*»¹¹);
- но с другой стороны, мы понимаем (и после Гегеля придаем значение) что пока на вещи не посмотрел чей-то глаз, пока их не оценил чей-то разум, *их, в сущности, не было*. Мира не было. Это второе значение слова «*есть*» соизмеримо с человеком, с человеческой активностью.

Определенное преломление гегелевской концепции мира как действительности можно увидеть в хайдеггеровской фундаментальной онтологии [8, 8—15]. Хайдеггер говорит о мире человека (именно у

в виду другого, в нем находит свою цель. Даже если это деятельность по написанию стихов или открытию далеких звезд.

⁹«Изначально человек придал ценность вещам, чтобы этим сохранить себя; он дал вещам смысл, человеческий смысл. Поэтому и назвал он себя человеком, что стал оценивать» [6, 51].

¹⁰«Общий характер мира, напротив, извечно хаотичен, не в смысле отсутствия необходимости, но в смысле отсутствия порядка, членения, формы, красоты, мудрости... Не будем утверждать, будто в природе существуют законы. Есть только необходимости; и нет никого, кто бы приказывал, никого, кто бы их выполнял, никого, кто бы их нарушал» [5, 363—364].

¹¹См: [8, 8—15].

человека есть мир¹², он собирает его вокруг себя своим бодрствующим сознанием). Конечно, Хайдеггер не говорит гегелевским языком: он говорит о «*жизнелюбовании*» человека в мире¹³; о его существовании и мышлении — как о *пути*, суть и смысл которого не сводится к результату. То есть глагольность, процессуальность подчеркивается им в еще большей степени, чем Гегелем.

И в то же время Хайдеггер указывает на основание, более глубокое, чем субъект (и это, можно сказать, отдаленный аналог гегелевского Мирового духа): «бытие», которое мыслится им как нечто, безусловно, антропомерное (не природное), созданное человеком, но все же человеку не подчиняющееся. Нечто, к чему можно прикинуться, прислушаться, в лучшем случае, вступить в диалог. И так же как у Гегеля — хотя, конечно, совсем иначе — это бытие у Хайдеггера оказывается связано с Логосом.

Итак, к XX в. философы говорят о человеке в его отношении к той второй природе, которую он породил. Назовем ее «культурой» чтобы не перечислять все имена. Эта «*вторая природа*», разумеется, отличается от *первой*: она антропогена и поэтому не имеет таких жестких и однозначных закономерностей, как природа (в буквальном смысле слова). Она исторически изменчива: может меняться со временем под воздействием усилий человека. Но она имеет то сходство с природой в первом смысле, что по отношению к каждому конкретному индивиду она старше и сильнее его.

Именно по отношению к этому рукотворному (и во многом относительному) Абсолюту и выстраивают себя концепции, которые можно (весьма расширительно и условно) назвать «неклассическими». В отличие от поисков оснований бытия и его отношения к его же собственным феноменальным проявлениям, подобная философия оказывается едва ли не в более трудном положении: ведь в выстраиваемую ей концепцию свободы неизбежным образом включается сам акт философствования, оказываясь, таким образом, тем самым человеческим

¹²«Мир бытийствует, и в своем бытийствовании он бытийнее всего того осязаемого и внятного, что мы принимаем за родное себе... Для камня нет мира. И для растения, и для животного тоже нет мира — они принадлежат невяному напору своего окружения, которому послушествуют, будучи ввергнуты в него. А у крестьянки, напротив, есть свой мир, поскольку она находится в разверстых просторах сущего...» [10, 77]

¹³Это, собственно, название одной из его поздних работ [9, 295—300].

действием, которое он должен «отстраненно» и «объективно» описывать.

«Неклассическая философия» отходит, следовательно, от классической модели научного объективизма, парадоксальным образом приобретая характер экспериментальной техники без соответствующей теории (в какой-то мере ее аналогом являются современные литература и искусство). Но все же, теория в генеалогическом смысле у современной философии есть — и это наиболее всеохватная и фундаментальная из всех философских систем — теория Гегеля, по отношению к которой вся современная философия, по словам Рикера, находится в состоянии «исхода», обещающего быть, как предполагает французский философ, бесконечным [11, 293].

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000.
2. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. М., 1965.
3. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» // Логос. 1997. № 10.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
5. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 1990.
7. Фейербах Л. Сущность христианства. Предисловие ко 2-му изданию // Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Полит.лит-ра, 1955.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
9. Хайдеггер М. Жительство человека // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
10. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
11. Ricoeur P. Temps et récit. III. Le temps raconté. Paris, 1985.

References

1. Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha. M., 2000.
2. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma // Kant I. Soch.: V 6 t. T. 4. Ch. 1. M., 1965.

3. *K'erkegor S.* Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k «Filosofskim krokham» // Logos. 1997. № 10.
4. *Marks K.* EHkonomicheskoe-filosofskie rukopisi // Marks K., EHngel's F. Iz rannikh proizvedenij. M., 1956.
5. *Nitsshe F.* Veselaya nauka // Nitsshe F. Stikhotvoreniya. Filosofskaya proza. SPb., 1993.
6. *Nitsshe F.* Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo. M., 1990.
7. *Fejerbakh L.* Sushhnost' khristianstva. Predislovie ko 2-mu izdaniyu // Fejerbakh L. Izbrannye filosofskie proizvedeniya: V 2 t. T. 2. M.: Polit.lit-ra, 1955.
8. *KHajdegger M.* Bytie i vremya. M.: Ad Marginem, 1997.
9. *KHajdegger M.* ZHitel'stvovanie cheloveka // KHajdegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let. M., 1993.
10. *KHajdegger M.* Istok khudozhestvennogo tvoreniya // KHajdegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let. M., 1993.

IV

**АКТУАЛЬНОЕ
РОССИЕВЕДЕНИЕ**

Н.И. ЗЛЫГОСТЕВА

**Почему нужна в России сильная власть?
(проблема в контексте русской литературы)**

Аннотация. В статье раскрывается характер государственности, присущей российскому обществу; в контексте русской литературы рассматривается необходимость для России сильной государственной власти, опирающейся на духовные и национальные традиции.

Ключевые слова: сакральная сущность власти, народ, духовная и политическая оппозиция, литература.

Abstract. The article reveals the nature of a type of statehood, characteristic of the Russian society. In the context of Russian literature the author discusses the need of a strong state authority for Russia based on long-lived spiritual and national traditions.

Key words: sacred nature of (state) power, the people, the spiritual and the political opposition, literature.

УДК 321 : 821.161.1

ББК 83.3(2-411.2)-3

Юность каждого из нас — время, более всего отражающее эпоху, на которую она падает: с ее обретениями и утратами, целями и ценностями, истинами и заблуждениями.

Как верно заметил Ф.М. Достоевский, юность прекрасна и чиста уже потому, что она юность, ищущая во всем справедливости и истины. Это стремление было присуще и моему поколению. Наша молодость — время брежневского застоя, с его утвердившимся порядком, идеологическими догмами и незыблемыми правилами жизни. И как же многое нам в ней не нравилось, как много нам хотелось изменить до самого основания, какая жажда бунта, вызывающего к революционным переменам, жила в наших сердцах.

Позже, перечитывая воспоминания русского философа Л.А. Тихомирова, я отметила, что и его поколение, жившее еще в позапрошлом, XIX в., жаждало радикальных перемен в обществе, тяготев к разрушению основ и немало не задумываясь над тем, чем это, рано или поздно обернется для Отечества.

Горькое осознание своей вины перед ним за свои безрассудные мысли и поступки приходят в зрелости, через духовное осознание и осмысление их последствий.

К сожалению, для многих людей юность с ее заблуждениями и ошибками, но и с ее искренними порывами, остается лучшим временем их жизни, придающим обыденной реальности всего последующего существования хотя бы какой-то смысл. Неудивительно, что и сегодня людей, стремящихся изменить полностью не себя, но мир, немало не только среди юного, но и среди старшего поколения. И все они убеждены, что подобное стремление продиктовано любовью к Родине, любовью истинной, хотя и нелицеприятной.

Но так ли это? И сейчас, как и прежде, у многих людей понятие Родина противопоставлялось и противопоставляется понятию государственности, безусловно, подобное противопоставление во многом правомерно.

Отечество, какой бы уродливый политический режим в нем ни господствовал, всегда остается Отечеством. Но вместе с тем Отечество, которым его граждане могли бы гордиться, уважение к которому было бы очевидно для всех, было таковым тогда, когда оно управлялось сильной, волевой, нравственно ориентированной властью.

Необходимо отметить, что еще в русском фольклоре власть рассматривалась как явление сакральное. Но это не только не разрушало ее единение с народом, но, напротив, обуславливало их внутреннее единство.

Царь в русской сказке — олицетворение разумного нравственного порядка, естественной иерархии, без которой царству не быть. Он воспринимается подданными как «отец народа», радеющий о его благополучии.

Несомненно, что с развитием общества менялось отношение к власти, к ее институтам. Но все же в национальном народном сознании на протяжении многих веков ориентация на сакральную сущность власти оставалась доминантной.

Русская государственность складывалась под непосредственным влиянием христианской идеологии, воспринятой Русью от православной Византии. Восточные отцы церкви, прежде всего, Иоанн Златоуст, отмечали, что власть установлена Богом как следствие грехопадения. В раю не было власти.

Греховность людей делает власть необходимой, без нее между ними началась бы борьба. Однако, и это он подчеркивал особенно, не следует забывать, что властвуют люди — греховные по своей природе, поэтому часто власть бывает несправедливой.

Но тем, кто господствует, следует помнить о том, что мирская власть имеет свой предел, и лежит он в церкви. Именно она призвана утешать обиженных, наставлять и вразумлять «увлекающихся властью».

Церковь тем и отличается от государства, которое призвано судить, наказывать и устрашать. Но только посредством того и другого Бог устраивает наше спасение.

Обращение к памятникам древнерусской литературы дает нам возможность убедиться в том, насколько глубоко и правильно свято-отеческие размышления о природе и сущности власти были восприняты нашими летописцами. Власть рассматривалась ими как тяжелое бремя, возлагаемое Богом на человека, поскольку на него ложится двойная ответственность: и перед Творцом, и перед народом, которым он был призван управлять. Политическое лицо правителя находилось в прямой зависимости от его духовно-нравственного лица.

Святые благоверные князья составляли, отмечал историк и философ Георгий Федотов, достаточно многочисленный чин святых в русской церкви. На заре становления русской государственности их деятельность носила, прежде всего, характер служения. Это прочитывается в «Повести временных лет», свидетельствующей о том, что князь Владимир Красное Солнышко по крещении своем постоянно заботился об устройении монастырей и храмов в своем Отечестве, о духовном просвещении народа, не оставляя своей милостью и попечением нищих и убогих, вдов и сирот. Летописец, повествуя о святом благоверном князе Дмитрии Донском, пишет, что он «князей русских в земле своей сплачивал, в приказании вельможам своим спокоен и приветлив бывал, никого не оскорблял, но всех одинаково любил. Молодых словом наставлял и всех одаривал, нуждающимся же руку помощи подавал. Тленное тело имея жил он жизнью бесплотной. Землею русской управляя и на престоле сидя, он в душе об отшельничестве помышлял, царскую багряницу и царский венец носил, а в монашеские ризы всякий день облачаться желал» [7, 215].

Духовные деяния и духовная жизнь были для святых благоверных князей путем, ведущим в вечные обители, и бремя мирской жизни они несли как послушание, наложенное на них Творцом, смиренно и безропотно.

Власть могла быть как источником гибели, так и путем, ведущим к спасению. Выбор определялся системой ценностей, которых придерживался правитель и на которых основывалась как его личная жизнь, так и его политическая деятельность.

Это хорошо просматривается в «Наставлении тверского епископа Семена», где он пишет, что «если князь хороший, богобоязненный, людей бережет, правду любит, то выбирает тиуном или иным начальником человека доброго и богобоязненного, исполненного страха божия, разумного, праведного, творящего все по законам Божиим и судить умеющего. Тогда князь — в рай и тиун в рай. Если же князь лишен страха божия, христиан не бережет, сирот не милует и вдовиц не жалеет, то ставит тиуном или начальником человека злого, Бога не боящегося, закона божия не знающего, судить не умеющего, только для того, чтобы добывал князю имущество, а людей не щадил. Как взбесившегося человека напустить на людей, вручив ему меч, так и князь, дав округу злему человеку, губит людей. Тут князь в ад и тиун с ним в ад» [7, 463].

Из этого отрывка совершенно очевидно, что вся вертикаль власти выстраивалась сообразно системе ценностей, на которые она была ориентирована. Справедливой и прочной могла быть власть, опиравшаяся на вечные и насущные духовные начала, следующая в своих политических и социальных деяниях заповедям Божиим.

Напротив, власть, построенная на сиюминутном, корыстном расчете, на нарушении или игнорировании христианских принципов, лишенная духовно-нравственного стержня, исподволь начинает разрушаться, и гибель ее, рано или поздно, становится неизбежной.

Но в этом случае неизбежно возникает вопрос, не утративший своей остроты и сегодня. Возможно ли, обладая всей полнотой неограниченной власти, не выйти за пределы христианской морали?

Русская литература искала и продолжает искать ответ на него. Взять Иоанна Грозного — ни к кому из русских государей не было столь противоречивого отношения. Одни видели и продолжают видеть в нем сильного государственника, расширившего границы России и укрепившего ее положение в мире, для других он был и остается деспотом и изувером.

При этом последние нередко забывают о том, что обязанности, налагаемые властью на правителя, заставляют его в определенных обстоятельствах — войны, смуты, бунта — проявлять политическую волю, а порою и жестокость, чтобы избежать политического хаоса и многочисленных жертв. Но всегда ли проявляемое государем насилие по отношению к подданным было правомерно? Безусловно, нет. И сам Иоанн Грозный осознавал это, истово каясь в своих согреших.

А.К. Толстой в драме «Смерть Иоанна Грозного» раскрывает его как личность противоречивую, глубокую, сложную. Он обуреваем страстями, совладать с которыми не в силах, но ему же присущи и осо-

знание своей греховности, и понимание меры своего нравственного падения.

«Молчи и слушай — каюсь.
Моим грехам несть меры и числа!
Душою скотен — разумом растлен
Прельстился я блещаньем багряницы.
Главу мою гордыней осквернил.
Уста божбой, язык мой срамословием,
Убийством руки и граблением злата,
Утробу объедением и пьянством
А чресла нескудеемым грехом» [9, 93].

Интересно, что в сознании народа на протяжении веков сохранилось уважительное отношение к Иоанну Грозному. Оно осуждало его жестокость, проявления неукротимой и неоправданной ярости, но видело и добрые стороны его натуры: любовь к Отечеству, потребность в покаянии, способность управлять государством. Оттого и жила в народе вера, что, по молитвам праведников, умученных по приказу Грозного, Бог его простит.

В романе «Лето господне» И.С. Шмелева есть эпизод, свидетельствующий об этом. Маленький Ванечка слушает разговор старичка плотника Горкина, скорняка Василия Васильевича и кучера Антипушки о том, простит или не простит Господь Иоанну Грозному его прегрешения. Скорняк убежден, что не простит, поскольку он митрополита Филиппа умучил. А протест Антипушка уверен, что непременно простит: «это у нас душа короткая, а там все по-иному воизмеряется», там любовь и прощение.

В народной памяти благодарное чувство сохранялось прежде всего по отношению к тем государям, которые отличались молитвенностью, смиренномудрием, кротостью, милосердием. Одним из них был Федор Иоаннович, являвшийся полной противоположностью своему отцу. Он, не обладавший ни политической волей, ни государственным умом, был отмечен народной любовью как земной ангел, молящийся за Русь.

И вот, казалось бы, странно — его сменяет на престоле человек, созданный для управления огромной державой. Ему присущи воля, ум и ярко выраженное деятельное начало, изменившие в лучшую сторону жизнь русского общества. Однако в народном сознании он остался царем Иродом. Трагизм личности Бориса Годунова нашел свое отражение и в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов», и в драме А.К. Толстого «Царь Борис». История и сегодня не дает нам ответа на

вопрос, была ли гибель царевича Дмитрия трагической случайностью или же это было убийство, совершенное по приказу Бориса Годунова.

Но для А.С. Пушкина и А.К. Толстого важно иное — возможность наличия преступного умысла у Бориса Годунова. Именно с него начинается его нравственный распад, и все попытки самооправдания благими намерениями оборачиваются полным внутренним крахом и осознанием бессмысленности всего сделанного и по отношению к себе, и по отношению к державе.

«Господь карает ложь —
От зла лишь зло родится — все едино
Себе ль мы им служить хотим иль царству —
Оно ни нам, ни царству впрок нейдет» [8, 409].

Наверное, только в русской литературе обладание высшей властью рассматривается как личная драма, ставящая государя перед проблемой сложнейшего нравственного выбора: жить и поступать, следуя христианским заповедям, или же действовать, руководствуясь только своими политическими интересами, своим видением и пониманием происходящего, переступая через законы божеские и человеческие.

Борис Годунов стремится оправдать свои преступные помыслы и поступки заботой о благе государства, народа, собственной семьи. Но изнемогает в неравной борьбе с главным своим противником, облачающим его, — собственной совестью.

Политический тупик, в котором он оказывается в конце своего правления, — следствие нравственного кризиса, поразившего не только его, но и царство. «И рад бежать, да некуда... ужасно».

Смерть Бориса, страшная гибель сына, трагическая судьба дочери — вызывают ликование «боярской черни», ослепленной своими интригами и корыстными расчетами и не видящей за этим ужасающим концом великой трагедии.

Иначе воспринимает происходящее народ — «народ безмолвствует». И в этом скорбном молчании его сокровенная, духовная правда, гениально почувствованная и понятая А.С. Пушкиным.

«Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.
Своих царей великих поминают
За их труды, за правду, за добро —
А за грехи, за темные деяния
Спасителя смиренно умоляют» [8].

Как это верно — благодарно помнить труды и добро, а за грехи не осуждать и не проклинать, а смиренно умолять о прощении. Если

бы эта правда не ушла из наших сердец, скольких великих трагедий мы смогли бы избежать.

С вымыванием евангельских истин из народной души, с разрушением его понимания сакральной сущности власти шел естественный процесс «духовного оскудения», обернувшийся национальной катастрофой.

Ее предвидели и предчувствовали лучшие наши писатели и мыслители. Они сознавали и понимали, что русский народ, складывавшийся и развивавшийся в иных исторических условиях, нежели народы европейские, разительно отличается от них, что отражалось и в его национальном самосознании и его характере. Все они особо отмечали, какую роль в становлении русской духовности сыграло принятие Русью христианства в форме православного вероисповедания. В русском человеке подспудно жило ощущение своей духовной свободы вопреки внешней экономической и социальной закабаленности, отсюда его тяготение к высшей справедливости, к жизни по Богу.

Но одновременно с этим жило в его душе и стихийное, темное безудержное стремление к воле, не признающее никаких ограничений ни земных, ни небесных.

А.С. Пушкин отразил это зыбкое, страшное, неуправляемое русское своеволие в своей повести «Капитанская дочка». В его Пугачеве есть губительная и неукротимая сила, притягательная для «вольных» людей, утративших нравственные скрепы, живущих в духовном хаосе, где нет границы между добром и злом. Поэт чутко почувствовал, что мечты о революции в России беспочвенны и опасны. Она неизбежно обернется в России бунтом «бессмысленным, страшным и жестоким».

Эту тягу русского человека к самочинному устроению, вытекающую из противоречивости его природы, совершенно не свойственную человеку западному, подчеркивали многие наши писатели и мыслители.

Ф.М. Достоевский отмечал стремление народной души к высшим ценностям, к Богу и трагическое тяготение к произволу, к бездне, к гибели. Он особо обращал внимание на то, что когда по грехам и по слабости своей народ о Христе забывает, то сразу оказывается зверем.

Это проявлялось и в народных бунтах, и в революциях минувшего века, погружавших Россию, по образному выражению И.А. Ильина, в исторический провал.

Разрушение религиозного сознания русского народа на протяжении двух последних столетий было обусловлено появлением в русском обществе либеральных западных идей. Именно их адепты, воспитанные и образованные «не только в мыслях о Западе, но и собственно

в западных мыслях», не понимали и не чувствовали народа, всегда остававшегося им чуждым. Для них он был рабом, каковым в понимании нынешних либералов остается и поныне. Они не осознавали, как опасно играть на его безудержной тяге к вольности, призывая к топору и насилию.

Об этом с горечью напишет в своих «Окаянных днях» И.А. Бунин. «Народ сам сказал про себя “из нас как из дерева — и дубина, и икона” — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает Сергей Радонежский или Емельян Пугачев» [2, 596].

Эта крайняя противоречивость, присущая русскому народу, отмечалось славянофилами и почвенниками. К.Н. Леонтьев, исследовавший феномен среднего европейца, особо подчеркивал, что у нас такой исторический тип не сложился и от того ориентация на чужой политический и социальный опыт может обернуться для России совершенно иными, чем в Европе, последствиями.

Вольность в душе нашего народа, тоска по ней уживаются с тоской по Богу. Очень выразительно и точно писал об этой внутренней противоречивости религиозный мыслитель П.Н. Новгородцев. «Тоска по воле разрывает иногда все связи и законы и божеские и человеческие, переходит все меры и грани и условные, и естественные. Тогда русский человек увлекается на путь буйного разгула, на путь бунта, смуты и анархии... И как-то последствия отрыва от всех законов божеских и человеческих, после всех бурь и ужасов всеобщего расстройств просыпаются в народе и тоска по власти, жажда порядка, жажда жизни, устроенной и спокойной» [6, 568]. Верно подмечена философам тоска русского человека по власти — сильной, справедливой, основанной на духовных началах.

Монархия воплощала в себе эту форму политического правления, которая более всего была близка русскому народу и отвечала его устремлениям и чаяниям. В ней он находил ограничение своей вольности, регламентируемой не столько правовыми установлениями и нормами, сколько духовным правом, данным государю от Бога.

Народ в темные моменты истории, впадавший в состояние смуты, обрекавшей и его самого, и Отечество на распад, разрушение и гибель, выходил из нее с убеждением, воплотившимся в известной русской пословице: «Лучше грозный царь, чем семибоящина».

Он инстинктивно понимал необходимость для него сильной, волевой, а порою и жесткой власти, способной поставить его в ограничительные рамки и заставить действовать не по своей собственной, а по Божией и монаршей воле.

А.С. Пушкин, как и многие его современники, образованный на западных мыслях, но разочаровавшийся в юношеских либеральных политических увлечениях, гениально предвосхитил их крайнюю опасность для будущих поколений. Русский народ, утративший Бога, предавший монархию, потерявший свои святыни — страшен. Именно поэтому он считал, что у власти в России должен быть один человек, который «выше всех и даже выше закона».

Другой наш гений, М.Ю. Лермонтов, также воспитанный в либеральных убеждениях, полагал, что самым страшным годом всей русской истории станет год падения монархии. Именно тогда народ, поправший все, что было для него свято, превратится в толпу, в чернь, разрушающую в революционном безумии все.

«Настанет год — России черный год,
Когда царей корона упадет.
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пищей многим станут тлен и кровь».

В этих страшных строках предвосхищение грядущей катастрофы, бессмысленной и разрушительной.

Крушение всех традиционных, привычных основ, погружение в хаос и беспросветную мглу: неясность и зыбкость будущего, которого может и не быть, вызывает в душах людей чувство мистического ужаса.

Именно его переживает герой рассказа И.С. Шмелева «Страх» — Ванечка. Действие разворачивается после убийства народовольцами царя Александра II. Маленький мальчик чувствует во всех окружающих страх перед произошедшим событием, смысл которого по малолетству для него не ясен. И это страх — не обычный житейский, а какой-то совсем другой, пугающий своей реальностью и нереальностью одновременно.

Разве можно представить жизнь без царя? «Его помазал сам Бог — и он не простой человек, а как угодники и святые люди. Его поставил Бог, и он особенно близкий к Богу» [10, т. 11, 122].

Сама мысль о том, что его могут убить, кажется Ванечке ужасающей и невозможной, и оттого он кричит в изумлении и страхе: «Его Бог поставил, его нельзя убить!».

В этом искреннем детском протесте глубокая и органичная вера, присущая простому народу в то, что не только их будущая, но и их сегодняшняя жизнь основывается на законах и правилах не только человеческих, но прежде всего Божеских. Люди, их преступившие — уже и не люди вовсе, а нечистые, «предавшие душу князю тьмы».

Царь — защита от них — врагов страшных и неумолимых, сеющих раздор, гибель, ужас — оттого, что они придут и будут всех резать.

Свою защиту и Ванечка, и простые люди, окружающие его, видят в новом государе Александре III. Он мудрый и сильный, и враги будут бояться его. Именно при Александре III происходит не только внешнее, но и внутреннее укрепление России. Его деятельность находит понимание и сочувствие почти во всех слоях общества, осознающего себя единым народом.

Это единение прочитывается в образе мещанина Ростовцева из «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина, полагавшего, что Россия «богаче, сильнее и праведней всех стран в мире. «И не один Ростовцев мог гордо побледнеть тогда, повторяя восклицание Никитина: “Это ты, моя Русь державная!”», или, говоря про Скобелева, про Черняева, про царя-освободителя, слушая в соборе из громовых уст златовласого и златоризного диакона поминовение «благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего Александра Александровича, почти с ужасом прозревая вдруг, над каким действительно необъятным царством всяческих стран, племен, народов, над какими богатствами земли и силами жизни, «мирного и благоденственного жития высится русская корона» [2, 396].

Сила власти проявляется тогда, когда она находит отклик в народе. Именно этим определяются ее прочность, ее способность действовать справедливо и решительно в общенациональных интересах, делая бытие и народа, и государства устойчивым и прочным во всех отношениях.

Обществу импонировала не только политика, но и личность Александра III, воплощавшего в себе идеальный тип русского государя: справедливого, сильного, простого, хранящего и утверждающего в России православные и национальные традиции.

Известный русский художник А.Н. Бенуа, принадлежавший к совершенно иной среде, нежели орловский мещанин Ростовцев, был близок ему в понимании того, какую роль играет монарх в укреплении государственной мощи России и в благополучии ее граждан как в духовной, так в экономической и политической. В своих «Воспоминаниях» о царствовании Александра III, написанных в эмиграции, он отмечал, что если бы этот богатырь-император процарствовал хотя бы еще 10 лет, то история не только России, но и всего мира пошла бы по совершенно иному пути.

Все, писавшие об Александре III, подчеркивали его ярко выраженное волевое начало, что было особенно важно при управлении та-

ким огромным государством, как Россия, и таким народом, как русский.

И.А. Ильин писал, что власть — это функция воли, и государю необходимо быть волевым человеком, поскольку при безбольном монархе в государстве начинается смута.

В народном сознании власть в любом ее проявлении обязана быть строгой, чтобы не допустить проявления своеволия и анархии, ведущих и человека и общество к гибели. У того же И.А. Ильина есть рассказ о мужике, взятый им из «Санкт-Петербургских ведомостей» XIX в.

Он повествует о временах, когда по зимней поро многие люди предпочитали пользоваться при переходе реки не мостами, а протоптанными по льду дорожками. Во избежание несчастных случаев во время ледостава и ледохода, на берегу ставились полосатые будки, возле которых всегда находился будочник и вывешивался полосатый шар. В один из дней, когда Нева уже должна была вскрыться, будочник увидел мужика, явно намеревавшегося перейти реку. Он взглянул на полосатый, предупреждающий шар, ступил ногой на подвижную льдину и пошел. Будочник закричал: «Не ходи, утонешь». На что мужик только рукой махнул, но, не пройдя и нескольких шагов, провалился под лед. Будочник, вовремя подоспевший, вытащил его на берег. Но спасенный вместо благодарности стал ругать его последними словами за то, что тот вовремя его не остановил. Будочник возразил: «Я тебе сколь кричал». Возмущению мужика не было предела: «Он кричал... Видишь, что все равно иду, так по морде бить надо было».

В уважении народа к строгой власти не было раболепного почитания и преклонения, а было понимание ее необходимости для ограничения собственного самочиния и произвола, для установления разумного и правильного порядка.

В этом отношении интересны размышления писателя С.Т. Аксакова о дядюшке Михаиле Максимовиче Куролесове, описанном им в «Семейной хронике».

Он отличался жестокостью, а не просто строгостью, и, по народному выражению, был «гусем лапчатым», «зверем полосатым», в пьяном разгуле доходил до неистовств всякого рода. Но при этом был прекрасным хозяином, справедливым в разборе вин, не ставившем всякого лыка в строку. И оттого по прошествии многих лет молодой Багров, считавший Куролесова извергом рода человеческого, нашел в крестьянах «свежую и благодарную память об управлении Михаила Максимовича, потому что они чувствовали постоянную пользу многих его учреждений, забыли его жестокость, от которой страдали преиму-

щественно дворовые, но помнили умение отличать правого от виноватого, работающего от ленивого, совершенное знание крестьянских нужд и всегда готовую помощь» [1, 136—137].

Власть, не способная к проявлению политической воли, не будет пользоваться должным уважением в народе, убежденном в том, что власть обязана быть строгой. Об этом писал в своих «Воспоминаниях» митрополит Вениамин Федченков, стремившийся на частном примере объяснить, почему белые не могли победить в Гражданской войне и взять власть в свои руки. Эпизод, приведенный им, весьма выразителен.

В большое село входят белые — после их прихода на стенах домов и заборах появляются объявления, в которых крестьян убедительно просят сдать излишки фуража и продовольствия в пользу армии. В течение нескольких дней на этот призыв не откликнулся никто. После в село вошли красные — прежние объявления были сняты, взамен появились другие, требующие незамедлительно сдать в пользу Красной Армии излишки фуража и продовольствия — за неподчинение расстрел. В течение нескольких часов приказ был выполнен.

В сознании русского народа всегда жило убеждение, что власть должна быть твердой и требовательной, иначе она не сможет осуществлять свои властные функции, а в этом случае стране неизбежно грозят хаос и смута. События 1917 г. подтвердили это. Рухнул не только царский режим, рухнули привычный строй и уклад жизни, основанная, определявшая ее ход и течение. Темная, неуправляемая, озлобленная месть вырвалась наружу, сметая все на своем пути. Все привычное и устойчивое рушилось и исчезало.

Это вольное скифское начало прозвучало и в творчестве А.А. Блока и в творчестве А.М. Ремизова, увидевших в Революции «скифский вихрь», «безумное колебание мира». И в этом «безумном колебании» русский человек пытался найти точку опоры, придающую его бытию определенность и смысл. Он, при всей своей противоречивости и тяге к вольности, всегда стремился к устойчивости и порядку.

В рассказе И.С. Шмелева «Железный дед» главный его герой — старик-лесовик, богатырь, воплощение могучей народной стихии — видит спасение России в Боге и строгой власти, так как только в них сила какого-то порядка «последнего какого-то права, чего уже нельзя отдать. Последние человеческие устои» [10, т. 8, 322].

В русской литературе есть чуткое понимание народной души, заглянувшей в темную и притягательную бездну и ужаснувшейся тому, с чем она соприкоснулась. В бунинских «Окаянных днях» мужики на городской улице, рассуждая о происходящих после Октябрьской рево-

люции беспорядках, не сомневаются в том, что впереди будет наказание и поделом «по правде сказать, уж очень мы освинели».

Ощущение собственной гнусности и скотства и осознание своего бытия как омерзительного и греховного прочитываются в рассказах И.С. Шмелева, повествующих о революционных и послереволюционных событиях в России. Особенно выразительно это просматривается в рассказе «Блаженные». Один из его героев, Семен Колочий, из бунтаря волею Провидения превратился в пророка. В кровавых и страшных событиях, когда горел он бесовской злобой и сеял повсюду смерть — явилось ему чудо, и тогда «умер тлен — ожил Дух».

В имени генерала Пусторослева убили старика-генерала, ограбили дом, а его парализного юного внука, лежавшего без движения четыре года, бросили в прорубь. И вел на это страшное дело толпу негодяев Семен Колочий, одержимый ненавистью и местью.

И вот когда сидел он в барском доме у печки, вдруг явился перед ним генеральский внук Миша, для которого ледяная прорубь стала купелью, исцелившей его. Он, глубоко и искренне верующий, для всех окружающих блаженный, а для Семена — святой, стал той великой и светлой силой, которая даже в самой темной и оскверненной душе открывает божественное свечение, заставляя человека ужаснуться тому, что сотворил он и с нею, и с собственной жизнью.

Для блаженного Миши, и это главное, худшие из них, потерявшие человеческий облик — не враги, а несчастные, заблудшие люди, нуждающиеся в сочувствии и сострадании. Великая его жалость к ним пробуждает в их сердцах то светлое и чистое, о чем, казалось бы, они и вовсе забыли.

Матрос Забыкин, который людей убивал, «как в воду плевал», чувствуя искреннюю жалость к ним — падшим и грешным, просит Мишу: «Молись за окаянных, если Бога знаешь, а мы забыли».

Внутреннее нравственное чувство, не умиравшее в народной душе, даже во время самых страшных испытаний, рождало в людях понимание того, что они грешат и пакостят тогда, когда забывают о Боге, о заповедях, по которым должны жить, о духовном и жизненном порядке, без которого жизнь превращается в кровавый, бесконечный и бессмысленный хаос.

Борьба за лучшую, новую государственность в России обернулась катастрофой — и не только социально-экономической, но и духовно-нравственной. Русская интеллигенция, по-западному мыслящая, мечтавшая о торжестве демократии в России, оказалась неспособной к созданию сильной и волевой власти, что неизбежно обернулось анархией.

Философ И.А. Ильин отмечал, что в 1917 г. русский народ впал в состояние черни, а она всегда обуздывается деспотами и тиранами. Он подчеркивал необходимость в России сильной авторитарной власти, которая вовсе не ведет к тоталитарному режиму. Он писал: «Русский человек способен блюсти порядок и строить государство, он способен удерживать образцовую дисциплину, жертвенно ему служить и умирать за Родину. Но эта способность его проявляется и приносит плоды тогда, когда вызывается к жизни, закрепляется и ведется импонирующим славным и достойным государственным авторитетом. Именно поэтому России необходима сильная власть» [5, 111].

Лучшие и наиболее глубокие русские писатели и мыслители чувствовали присутствие в народе страха хаоса и «инстинкта порядка». Они видели и понимали, что душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в его земных явлениях: «в правде, праведности, красоте».

Однако среди русских писателей и философов было немало и тех, кто видел в лице монархии угрозу либеральным свободам, политическую отсталость, силу, поработавшую народ. Но любили они не его, а собственное представление о нем: идеализированное, ограниченное, ложное. Революционные события во всей их страшной обыденности — с грязью, кровью, бесстыдством, жестокостью и ненавистью — мгновенно развеяли их иллюзии.

Кабинетное мироощущение рухнуло под напором «кровавого греха»: сеявшие ветер пожали бурю. Многие из них осознали свою вину и перед Отечеством, и перед народом, который сами подталкивали к пропасти, расшатывая устои его духовной и нравственной жизни.

Но были среди творческой интеллигенции и те, кто всю вину за кровавую смуту в России возложил на народ. Он превратился для них в толпу, быдло, чернь, несущую в себе рабское, косное, темное начало, способное только к разрушению и уничтожению. Их презрение и ненависть к нему не исчезли и сегодня, отсюда их убежденность в том, что раскаиваться за события в России, изменившие ее историю, должен именно народ, а не те, кто повернул его на этот страшный, скользкий, кровавый путь.

В этом смещении акцентов наиболее явственно и полно раскрылась сущность русского либерализма. Чернь — состояние, характеризующее человека вне его социальной принадлежности. Оно определяется отрывом от традиций национальных, духовных, культурных.

Русская интеллигенция, воспитанная и образованная в западных представлениях, находилась в постоянной оппозиции к власти, к идеологии и политике, ею проводимой. Она тяготела к разрушению основ,

на которых строилась русская государственность, складывались стиль и уклад народной жизни. Бог, вера, справедливость, мыслимые как ценности вечные, а не временные, не только не принимались, а полностью отторгались ими.

Монархия воспринималась как темная, тяжелая, всеподавляющая сила, и оттого, как справедливо отметил А.С. Пушкин, была «живая власть для черни ненавистна». Равно столь же ненавистны были ей — религиозные устремления народа и сам народ — с его непонятной для них душой, с его исканием вечных смыслов и истины.

В драме «Борис Годунов» А.С. Пушкин дает емкое и точное понимание черни как состояния, определяющего любые социальные слои общества.

«Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна» [8, 216].

Русский либерализм не имел корней в национальной почве, отсюда тяготение к западному подражанию, послушность чужому мнению.

В Европе политическая оппозиция существовала на протяжении нескольких столетий и органически вписывалась в политическую структуру общества, в присущую ему систему ценностей: экономических и социальных.

В России до XVIII в. оппозиция власти носила совершенно другой характер — духовный. Она не противопоставляла себя ей, не претендовала на ее роль в обществе, но духовно вразумляла, наставляла и обличала «увлекающихся властью».

Русские святые и блаженные видели возможность ограничения неправедных действий власти только посредством духовной силы. Юродивый Николка из пушкинского «Бориса Годунова» — нищий и убогий — отказывается выполнить смиренную просьбу всемогущего государя — помолиться за него, так как «Богородица не велела молиться за царя ирода».

Все они русские праведники, страдальцы и мученики, ставившие «священство выше царства», были воплощением народной совести, искавшей и в земной жизни высшей справедливости и правды.

Ф.М. Достоевский определял эти искания как проявление самосознания народа, его духа и характера.

В России во второй половине XIX в. либерализм олицетворяли собою люди, слывшие отрицателями, нигилистами. В русской литера-

туре едва ли не первым, выразительным их олицетворением стал Марк Волохов из романа И.А. Гончарова «Обрыв». Он, противопоставляющий себя обществу своими идеями и поведением, бросающий ему вызов, ставящий себя выше всех, на деле оказывается пустым фразером, наглым, бессовестным и беспринципным. В его отрицании Бога, власти, морали сквозит философия хищника «волка», ждущего добычи, не ведающего сострадания и жалости. Он ни к чему не способен привязаться, ничем не может дорожить, ничему не может жертвовать. Его продолжателями и преемниками станут лесковские Термосесовы и Препотенские, жаждущие наживы и влияния, откровенно глумящиеся над святым и вечным, опошляющие и разрушающие все, к чему прикасаются. Для этой демократической черни, вульгаризирующей даже столь привлекательные для них западные идеи, было глубоко чуждо все, заложенное в национальной традиции: Бог, Отечество, народ. Поэтому они не могли ощущать его душу, видеть и понимать особый, своеобразный облик России.

Отрицание либералами вечных истин, на которых преимущественно и строилась жизнь русского общества, обрекало его на существование в «атмосфере относительного», что неизбежно вело, по мнению философа П.Н. Новгородцева, к опустошению души, к разрушению в ней вековых святынь. Это очень чутко чувствовал Ф.М. Достоевский: в его творчестве русский либерализм был подвергнут самой жесткой и уничижительной критике. Он прекрасно видел, что наши либералы нападают не на существующие у нас порядки, а на самую сущность наших вещей, нападают на Россию. И поэтому любое несчастное событие в России вызывает у них не боль и сострадание, а смех и восторг.

В романе «Идиот» Ф.М. Достоевский писал: «Эту ненависть к России, еще не так давно иные наши либералы принимали чуть ли не за истинную любовь к Отечеству и хвастались тем, что видят лучше других, в чем она должна состоять; но теперь уже стали откровеннее и даже слов “любовь к Отечеству” стали стыдиться, даже понятие изгнали и устранили как вредное и ничтожное» [4, т. 8, 277]. Достоевский понимал, что именно колебание основ, разрушение скрепляющей идеи превращают жизнь в государстве в постоянный двор, где все живут по принципу «только бы с них достало».

Страшный облик этих людей, стремящихся все опошлить, разрушить и уничтожить, пустив в России «кровавую судорогу», писатель вывел в своем романе «Бесы». Для Петра Верховенского и для Николая Ставрогина сами мысли об Отечестве и народе абсурдны. Они их никогда не знали, не любили и ничего в них не мыслили. А оттого ни

страдать за них, ни чем-либо жертвовать не могли, а потому с омерзительным презрением к ним относились. А у кого нет Родины и народа «у того нет и Бога» — утверждал другой герой романа, Шатов. Для него в либералах воплощено зло, подтачивающее Россию, разлагающее душу народа, порождаемое животной ненавистью к ней, к ее идеалам и святыням и их собственной вульгарной лакейской сущностью. Он убежден, что «они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над кем издеваться. Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм ввешаясь. Наш русский либерал, прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить» [4, т. 10, 110—111].

Русская литература убедительно показала деградацию русского либерализма: от вольнолюбивых идей первых русских западников — Т.Н. Грановского, А.И. Герцена, любивших Россию, — до разрушительных и циничных лозунгов демократов нынешних.

А.И. Герцен на закате своей политической деятельности с горьким разочарованием писал о крушении юношеских надежд на европейское будущее России, поскольку у самой Европы его не было, об опошлении всего, что было так дорого ему и его единомышленникам. Сподвижников по духу среди нового поколения не было: оно ставило перед собой иные цели и выбирало для их достижения другие пути. Для редактора «Колокола», когда-то будившего молодую Россию, наступило время осознания утраты веры в слова и знамена, в спасительную западную цивилизацию. «Жизнь, распущенная, опаленная, в смуте событий, круговороте общих интересов. Снова сводилась на период юного лиризма, без юности, без веры. С ставкой на самого себя, моя лодка должна была разбиться о подводные камни и разбилась. Правда, я уцелел, но без всего...» [3, 725].

Оказалось, что открытое отрицание Бога, церкви, монархии обернулось распадом и разрушением России, торжеством всеобщей анархии.

О возможном варианте событий предупреждали А.И. Герцена и его соратников по политической борьбе видные европейские мыслители. Один из них — экономист и философ Пьер Прудон в письме к А.И. Герцену задавался вопросом: справедливо ли утверждение, что русское самодержавие произведено одной грубой силой и династическими происками? «Нет ли у него сокровенных оснований, тайных корней в самом сердце русского народа?»

Русские либералы оказались, к сожалению, не чутки к его сердцу, не почувствовали и не поняли его, разрушив в нем его святости, они разбудили в нем зверя. Произошло то, о чем предупреждал Ф.М. Достоевский, — оскудение духа, обернувшееся кровавой анархией, неизбежно должно было привести к установлению жестокой, безбожной диктатуры, способной обуздать ее.

Один из тех писателей, кто в вихре революционных событий чутко уловил настроение народа, был А.М. Ремизов, писавший, что терпение его заканчивается и «надежда на большевиков».

Русская революция и Гражданская война, ставшие выражением страшных, неуправляемых, стихийных сил, вызванных в народе в немалой мере долгой и разрушительной деятельностью русской либеральной интеллигенции, привели к утверждению в России «тайны беззакония».

Все последующие события нашей отечественной истории стали трагическим искуплением «кровавого греха», возвращением к тем началам, без опоры на которые невозможно бытие России. Очень точно и выразительно сказал об этом русский философ И.А. Ильин, утверждавший, что для России необходима сильная власть, а это значит, власть национально-убедительная. Он писал и о доверии народа к власти. Власть, от Бога оторванная, действующая несправедливо, не «по Божьи», будет чужда его сердцу.

В нынешних сложных экономических и политических условиях, в ситуации духовного и нравственного разлада в нашем обществе, необходимость такой власти все более очевидна.

Литература

1. Аксаков С.Т. Собр. соч. Т. 1. М., 1955.
2. Бунин И.А. Проза. Поэзия. М., 2000.
3. Герцен А.И. Былое и думы. Т. 1. М., 1969.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1973.
5. Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. М., 1993.
6. Новгородцев П.Н. Об общественном идеале. М., 1991.
7. Памятники древнерусской литературы. М., 1981.
8. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1975.
9. Толстой А.К. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1980.
10. Шмелев И.С. Собр. соч. Т. 11.

References

1. Aksakov S.T. Sobr. soch. T. 1. M., 1955.

2. *Bunin I.A. Proza. Poehziya. M., 2000.*
3. *Gercen A.I. Byloe i dumy. T. 1. M., 1969.*
4. *Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch. L., 1973.*
5. *Il'in I.A. Sobr. soch. T. 2. Kn. 1. M., 1993.*
6. *Novgorodcev P.N. Ob obshchestvennom ideale. M., 1991.*
7. *Pamyatniki drevnerusskoj literatury. M., 1981.*
8. *Pushkin A.S. Sobr. soch.: V 10 t. T. 4. M., 1975.*
9. *Tolstoj A.K. Sobr. soch.: V 2 t. T. 1. M., 1980.*
10. *SHmelev I.S. Sobr. soch. T. 11.*

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Западничество в России: истоки и последствия

Аннотация. Появление и развитие России всегда было связано с использованием европейского опыта, европейских кадров и технологий. Но воздействие европейской идеологии стало разрушительным для России.

Ключевые слова: западный опыт, западничество и патриотизм, две России.

Abstract. Russia appearance and development are connected with European experience, human resources and technology using for any times. But influence of European ideology have become destructive for Russia.

Key words: European experience, western thinking and patriotism, double Russia.

УДК 33
ББК 60

Из века в век в России ставились вопросы: зачем мы здесь, куда идем? Что такое Россия? Огромность задач требовала колоссального напряжения интеллектуальных сил нации. Немало в нашей стране было поклонников опыта Востока — централизации ресурсов и фантастической жестокости владык, созидавших циклопические государства. Часть же российского общества считала, что России следует использовать исключительно собственные традиции и исторический опыт. Однако слишком много ошибок было в истории нашей страны и

слишком дорога была плата за них, чтобы с упорством повторять их сызнова.

Некоторые полагают, что коль скоро обнаружилось разительное отставание России от европейских стран, следует опереться на ценности и технологии Запада: если в начале 1980-х гг. наша страна отставала от США и Западной Европы на 10—15 лет, в настоящее время отставание в экономическом развитии выросло и, например, в металлургии и машиностроении составляет 20—25 лет... Анализируя историю пореформенной России, можно утверждать, что западничество стало преобладающим направлением отечественной мысли, преобразовав Россию коммунистическую в страну полудикого капитализма.

Столкнувшись с массовым неприятием, западничество приобрело умеренный и отчасти патриотически окрашенный характер, хотя в начале 1990-х гг. данное идейное течение фактически отрицало само существование нашей страны и нанесло сокрушительный урон развитию производительных сил.

Сказать, что западничество является ошибочной, вредной идеей, современно и патриотично, но не вполне верно. Современные западники в своей безграничной любви к зарубежным изыскам зашли слишком далеко. Чего стоят одни только высказывания одного из бывших руководителей Москвы о целесообразности отказа от ядерного оружия и предоставления природных ресурсов России в общемировое пользование.

Однако для того чтобы убедиться в том, что западники и изменники не одно и то же, достаточно вспомнить деятельность Петра I, с именем которого связана трансформация всего российского общества. При этом интерес к западному опыту возник у Петра отнюдь не на пустом месте; и у него были предшественники, с разной степенью успешности пытавшиеся перенять опыт и знания европейцев.

С самого начала формирование русской цивилизации происходило при деятельном взаимодействии с Западом. Это были не только интенсивные торговые контакты Новгорода и Пскова с Балтийскими странами, но и непосредственное участие выходцев из Скандинавии в организации русского государства [4, 37].

Принятие православной веры, приобщившей Русь к христианской цивилизации, интенсивные торговые контакты, династические браки между русскими княжескими фамилиями и королевскими домами сформировали на восточной окраине Европы сильное, динамично развивающееся государство. Пассионарный взрыв молодой нации быстро трансформировался в самонадеянность и раздробленность феодалных уделов. Военные победы и экономические успехи вскружи-

ли голову национальной элите, с неистовым азартом начавшей рвать на куски молодое тело страны. Русь оказалась беззащитной перед сплоченным и хорошо организованным войском монголов.

На несколько столетий страна ушла в небытие из европейской истории, но хорошо усвоенные уроки поражений и православная вера позволили возродить из пепла, казалось бы, ушедшую навсегда Святую Русь.

Основатель Московского царства Иван III ясно понимал, что превратить западную окраину Орды в преуспевающую страну Европы без деятельного участия самих европейцев невозможно. Широкий круг его поисков — Италия, Византия, Германия... Усилия увенчались успехом, и в Москву прибыл Аристотель Фиораванти, который строил Успенский собор, лил пушки, колокола и чеканил монету. Многовековой символ русской государственности — Кремль — был выстроен итальянцами Фрязиным, Руффо и Солари.

Сближению с западной культурой немало способствовал брак царя с греческой царевной Софьей. Россия обрела византийский герб — двуглавого орла. В 1489 г. Иван III послал к германскому императору Фридриху III посла, грека Юрия Траханиота, которому, помимо задач политического свойства, вменялся в обязанность поиск дельных специалистов. Деятельность Траханиота оказалась успешной, и он привез из Германии врача, стенных, палатных и пушечных дел мастеров, ювелиров и «арганного играца».

Неразвитость экономических связей с Европой, огромность территории в сочетании с удаленностью от мировых торговых путей вели к существенному удорожанию приобретаемых на Западе товаров и услуг. Широко использоваться западные диковины не могли — слишком дорогими они были для простого народа, поэтому освоение зарубежного опыта стало избирательным: в качестве приоритетов были обслуживание знати и военное дело.

Началось формирование двух России — России элитарной, обслуживаемой иностранцами, стремящейся к блеску и униции с зарубежными властителями, и России народной, нищей, бесправной, технически и культурно отсталой.

Если использование зарубежного опыта в мирной сфере носило очаговый характер, почти не менявший ткань народной жизни, то в военном деле позаимствованные новации использовались широко и виртуозно: по достоинству были оценены преимущества огневого боя и использования артиллерии.

В 1514 г. войска царя Василия Ивановича осадили принадлежавший Литве Смоленск и так сильно палили из пушек, что в городе поднялась паника, а его воевода Сологуб был вынужден сдать город.

Умение пользоваться артиллерией понадобилось России и в 1521 г., когда царь Василий, спасаясь от татарских орд, бежал из Москвы, а войска хана Махмет-Гирея осадили Рязань. Начальствовавший воевода Хабар Симский рассеял пушечными выстрелами толпы кочевников, и хан был вынужден вернуться в Крым. Страна избежала унизительного поражения.

Сын царя Василия Иван Грозный продолжил традицию привлечения иностранных специалистов. В 1547 г. он поручил саксонцу Шлитту привести из Германии умелых ремесленников, художников, медиков, плавильщиков, юристов, аптекарей, типографов и богословов. Однако эта попытка окончилась неудачей, Шлитта в Германии посадили в тюрьму и разогнали толпу немцев, которых он вез в Россию.

В 1555 г. Иван Грозный дал английским купцам право беспешинной торговли. Продолжилось использование позаимствованных на Западе технологий в военном деле. При взятии Казани успех операции решил подрыв крепостной стены немецким инженером.

Полезным оказалось использование огнестрельного оружия и при покорении Сибири. Благодаря технологическому превосходству в битве с царевичем Махметкулом Ермак одержал победу, хотя на одного казака приходилось 30(!!!) врагов [3].

4 июля 1591 г. крымский хан Казы-Гирей с войском обозревал окрестности Москвы. Годунов приказал без умолку палить из пушек, а русские пленники сказали хану, что «салют» устроен в честь прибытия большого подкрепления из Новгорода. Хан поверил и в панике бежал в Бахчисарай, потеряв при этом множество воинов, а Россия получила опыт информационной войны с использованием позаимствованных за рубежом технических средств.

Так, уже в XVI в. определилась тенденция обретения Россией военных технологий на Западе и их успешного применения в покорении огромных пространств Востока. Результативность европейского оружия в бою и востребованность заморских товаров толкали руководство страны к интенсификации контактов с Западом.

Борис Годунов продолжил укрепление связей с Европой: просил тосканского герцога прислать врачей и художников, дал переселенным из Ливонии в Москву немцам льготы от податей и повинностей и отправил учиться в Англию четырех дворян (из которых, никто не вернулся).

Воцарившийся по завершении польской войны Михаил Федорович Романов усилил сближение с иностранцами. В 1634 г. Захария Николаев послан в Германию для поиска медеплавильных мастеров. Иностранцы строили промышленные предприятия: швед Коэт — стекольный завод, немец Марселис и голландец Акем — железоделательные предприятия, на которых стали производить полосовое, листовое и прутковое железо, якоря, гвозди, мельничные снаряды, двери, ставни, ступы, ядра. На раскинувшемся на тридцать верст между Серпуховым и Тулой заводе Марселиса освоили изготовление пушек.

В Европе закупалось оружие, вербовались военные специалисты: в 1631 г. было дано поручение полковнику Лесли и подполковнику Фандаму нанять за границей полк ратных людей и закупить 10000 мушкетов.

Укрепившиеся связи с Европой со временем позволили России проводить более независимую торговую политику. В 1649 г. английскую компанию обвинили в нечестной торговле, ее привилегии уничтожились, англичанам было велено покинуть Россию, а в дальнейшем приезжать с товаром и платить пошлину в Архангельске.

Царь Алексей Михайлович использовал иноземцев для развития отечественной промышленности и культуры: для разработки медной руды близ Олонца и Мезени были привлечены голландец Иовис и немец Петр Марселис. В Кремле построен комедийный театр и вызвана странствующая труппа Иоганна Григори. Директор театра набирал в Москве детей и обучал их в театральной школе, устроенной в Немецкой слободе.

Это небольшое поселение в окрестностях Москвы сыграло неожиданно значительную роль в отечественной истории. Здесь со времен царя Михаила Федоровича появился свой особый мир: мануфактуры, кирхи, школы, харчевни и... авантюристы со всех концов Европы. И это всего в двух верстах от места ссылки царевича Петра. Новый неизведанный мир манил его: и вот он уже не Петр, а Peter.

Стоит ли удивляться тому, что сформировавшаяся задолго до Петра тенденция освоения западного опыта во время царствования последнего расширилась и систематизировалась, что привело к возникновению в России целого города, выстроенного по европейскому образцу, ставшего столицей новой, имперской России. Петр хочет, чтобы было все как в Европе!

В январе 1716 г. Петр приказывает отправить в Кенигсберг от 30 до 40 молодых подьячих для изучения немецкого языка. Известный германский математик Лейбниц — тайный советник Петра с жалованием 1000 рейхсталеров в год: это его идеи коллегиального управле-

ния, табели о рангах, организации ученых экспедиций, археологии, академии император спешит реализовать на просторах России. Даже бывшие враги — шведы — активно участвуют в устройении империи, только в Сибири их 9000. Пленные шведы обучают русских хитростям кузнечного ремесла, ищут золотой песок, обустроивают Петербург, среди них были и золотых, и серебряных дел мастера, сапожники, портные, токари, столяры, живописцы и музыканты. В провинции появились бургомистры, магистраты и ратуши.

Появление иностранцев (прежде всего немцев) в России было обусловлено целым рядом объективных причин: необходимостью модернизации страны, востребованностью грамотных, дисциплинированных и преданных слуг империи — немцы как нельзя лучше подходили для этой роли. Началась системная германизация элиты России. Из двенадцати министров финансов Российской империи в XIX в. пятеро были немцы. Имена немцев — фельдмаршала Миниха и Екатерины II — золотыми буквами вписаны в российскую историю [5].

Успешно делая карьеру в имперской России, иностранцы становились образцом для подражания, и незаметно западничество модернизации, сделавшее Россию великой державой, стало превращаться в низкопоклонство перед Западом, боязнь показаться варварами в глазах просвещенных европейцев. Стала складываться парадоксальная ситуация, когда немцы на русской службе становились большими патриотами России, чем русские, восхищенные плодами западной цивилизации.

Анализируя столетиями развивавшееся в России западничество, можно утверждать: освоение европейских промышленных, военных и образовательных технологий, как правило, давало положительные результаты, но заимствование способов политического устройства общественной жизни и доминирование западной идеологии у части национальной элиты имело для страны разрушительные последствия.

Появилась странная тенденция — как только отечественная элита начинает использовать иностранный язык в качестве разговорного — жди войны: Петр Первый и впоследствии императрица Анна Иоановна активно использовали немецкий язык, и его дочери Елизавете пришлось вести войну с Пруссией, стало дворянство использовать французский язык — в страну вторгся Наполеон, стал популярным немецкий язык и опять у России война — на этот раз с кайзеровской Германией.

В Советской России элита говорила по-русски, но немецкий изучался с невиданным в отечественной истории размахом... и опять

война, на этот раз с гитлеровской Германией. Сейчас в ходу английский... так что выводы делайте сами.

К сожалению, эта закономерность не является фантазией автора и имеет прочное основание: когда развитая страна взаимодействует с менее развитой, нетрудно догадаться в чью пользу будет такого рода взаимодействие. Сначала покорение страны происходит на идеологическом уровне: в сознание местной элиты насаждаются идеи о превосходстве зарубежного опыта, при этом активно продвигаются язык и культурные традиции страны-«агрессора».

В стране-«жертве» формируется благоприятная среда для дальнейшего расширения экспансии «агрессора», который культурные связи и политическое сближение начинает подкреплять торгово-экономическими связями. Отношения страны-«жертвы» и «агрессора» начинают все больше напоминать отношения мухи и паука, когда каждая новая культурная, политическая и экономическая взаимосвязь начинает играть роль новой ниточки в старательно сплетаемой паутине.

Когда жертва запутывается в достаточной степени, давление агрессора усиливается, и колонизируемая страна начинает идти на значительные и порой необъяснимые с точки зрения здравого смысла уступки — возникает боязнь обидеть, спровоцировать агрессора, заключаются странные политические и военные союзы, провозглашается «дружба навек» с бывшими геополитическими противниками.

У страны-«агрессора» появляется иллюзия, что Россия уже достаточно запуталась и утратила какие бы-то ни было ориентиры развития, давление усиливается с целью добиться окончательного покорения жертвы, но, столкнувшись с неожиданным сопротивлением, «агрессор» решается на крайние меры и идет на прямой военный конфликт, убежденный в слабости и неадекватности противника. Неумение нашей страны отстоять свою идеологическую и экономическую независимость ведет к проблемам с сохранением независимости политической и возможным военным конфликтам с сильными мира сего.

Следует отметить, что Европа не всегда жаждала крушения российской государственности и превращения ее в отсталую колонию. Взаимодействие с Россией имело свою внутреннюю логику.

Одним из наиболее сложных периодов в европейской истории стал XIV в. Холодное и сырое лето 1314 г. не позволило собрать крестьянам сколь-либо значительный урожай. В 1315 г. погода снова была отвратительной, и неурожай повторился. Цены на продукты выросли в 5 раз. Начался голод, который стал еще более ужасным после неурожая 1316 г. Люди стали есть даже трупы из могил.

В 1347 г. генуэзцы обороняли Каффу (Феодосию) от татарских войск, которые впервые в истории применили «бактериологическое оружие» — их катапульты забрасывали через крепостную стену трупы погибших от чумы воинов. В городе началась эпидемия, и генуэзцы в панике бежали в Европу, прихватив с собой и чуму. С 1347 по 1353 г. от чумы погибло 24 млн человек, что составляло треть населения Европы. Землетрясения, климатические аномалии, крестьянские восстания и вспыхнувшая в 1337 г. Столетняя война между Англией и Францией, казалось, должны были стать концом европейской истории. С 1350 по 1400 г. население Европы уменьшилось на 6 млн человек.

Массовая гибель европейцев привела к неожиданным последствиям: оставшиеся в живых унаследовали богатства погибших, наличие стартового капитала, с одной стороны, и готовность людей тратить деньги в условиях мрачного и неопределенного будущего — с другой, способствовали оживлению торговли и ремесел, и в XV в. началось восстановление хозяйственной жизни. Последовавший за этим рост народонаселения (24 млн с 1400 по 1500 г.) сделал Европу многолюдной [2].

Зажатый, с одной стороны, океаном, а с другой — границами бесчисленных феодальных владетелей возрождавшийся европейский дух ощущал потребность в пространстве для реализации своей энергии, лоскутное одеяло феодальной Европы оказывалось слишком тесным для развития европейской нации, ресурсы карликовых государств слишком ничтожными для развития производительных сил. Становились очевидными тупиковость, конечность средневековой эпохи.

Европа ощутила собственную несамодостаточность и обратила взоры на поиски новых земель. Путь на Юг был закрыт турецкой империей. Малый ледниковый период делал бесперспективным северный путь: Гренландия покрылась ледниками, и викинги уступили место эскимосам.

Оставался путь на Запад, через океан, к золоту Америки, и на Восток — к российским просторам. Европейцы сделали и то и другое, невольно заложив основу будущего разлома Европы: англичане стали активно осваивать Северную Америку, формируя ядро англосаксонской цивилизации, немцы устремили взор на восточную и центральную Европу. Восток притягивал Германию сразу во всех мыслимых измерениях: культурном, хозяйственном, геополитическом. Но была еще одна глубинная, метафизическая причина движения немцев в Россию.

Если сравнить карту Германии начала XX в. и века X-го, то окажется, что значительная часть территории этой страны была засе-

лена в незапамятные времена славянскими племенами. Столетие за столетием воинственные германцы шли на Восток, истребляя и ассимилируя славян, пока не уперлись в могильный камень завоевателей мира — Россию.

Первая попытка закончилась для немцев крушением империи, вторая — беспрецедентным разрушением страны и разделением нации на два враждебных друг другу государства. В наше время мы стали свидетелями третьей попытки, когда под водительством Германии объединенная Европа пытается поглотить историческую колыбель России — Украину, а если дело выгорит, то и всю Россию целиком, старательно и не спеша пережевывая кусочки некогда великого государства.

Неужели прагматичные немцы не понимают, что третья попытка покорения России закончится суицидом всей немецкой нации, независимо от исхода разгорающейся в мире третьей мировой войны? В чем скрытая причина упорного, поражающего своей иррациональностью военного стремления немцев на русские просторы? Ведь немцы со времен Петра сделали много и для становления российского государства, и для российской экономики. Почему одна рука гигантского тела Германии созидает Россию, а другая время от времени пытается разрушить созданное?

Понимание закономерности этих взаимоисключающих процессов пришло после прочтения книги Ю.М. Осипова «Наедине с Софией»: пространство абстрактно лишь в математических построениях, а когда мы говорим о живой ткани планеты, то имеем дело с мощными социофизическими полями, формирующими страны и народы [8, 170, 469].

Меня всегда удивляло преобразование наших корреспондентов за рубежом. Если они специализировались по одной стране и долго там жили, у них менялись лица! Они становились похожими на местное население. Даже если речь шла о Японии или Китае... Метафизическое поле начинало переделку их снаружи и изнутри, и это видно невооруженным глазом.

Логично предположить, что и территории, когда-либо населенные славянами, имеют свою метафизику, формируя особый тип личности, воздействуя на природу государственных образований, влияют на историю и политику. Скрытая славянская подкладка германского этноса исподволь выталкивает его на равнины Центральной и Восточной Европы, зачастую против его же германской воли.

Затаившиеся внутри немца метафизические молекулы славянства требуют воссоединения со славянским культурным полем, вос-

становления в немце, казалось бы, навсегда забытого, уничтоженного и покоренного славянского естества. Порожденное метафизикой славянской земли цунами грозит поглотить, перемолоть, растворить германский этнос, который то агрессивно восстает, то пытается мирно встроиться в славянский мир, привнеся в него хозяйствующий порядок.

Отсюда и неисчислимы попытки руководимой Германией Европы покорить, переформатировать славянский мир. Полностью исключить саму возможность, сделать абсурдной саму мысль о славянизации германского культурного пространства, включающего кроме Германии, Австрию, немецкие кантоны Швейцарии и Фландрию.

Германское упорство, неослабевающий в течение веков натиск дают обманчивый результат: прочно вошли в сферу германского влияния Хорватия, Словения, Чехия, успешно колонизируется Польша, пытается на коленях вползти в германский мир Украина, но победы грозят обернуться катастрофой. Потери миллионы жизней, ушла в небытие колыбель германского духа — Пруссия, истончается сама ткань германской жизни: агрессивным размыванием национальных и моральных констант псевдо-либеральной идеологией атлантизма, американским политическим диктатом, массовой миграцией с Ближнего Востока и из Передней Азии, прогрессирующей исламизацией немцев.

Но это было уже потом, в XXI в., а 300 лет тому назад разбуженный Возрождением европейский дух искал применение своей творческой силы. В поисках лучшей жизни европейцы уходили, уезжали и уплывали на освоение новых земель. В результате Европа создала то, в чем нуждалась: возможность свободной и масштабной хозяйственной деятельности и вожделенный простор, стартовую площадку циклопических проектов человечества — спустя столетия появился хозяйственный центр планеты в Америке, долгие годы являвшийся самым безопасным местом накопления и приумножения капитала, на Востоке появилось самое большое государство мира, последовательно сокрушавшее армии великих завоевателей — Российская империя, а впоследствии ее исторический преемник — Советский Союз.

Все было создано вовне, и это одновременно и пугало, и притягивало европейцев. Осознание собственной незащищенности, недостаточности собственных территорий заставляло искать выход в объединении сил. В начале XX в. у Европы было два варианта: консолидация вокруг Америки или вокруг России. Это были большие и слабозаселенные страны взрывного роста экономики, с многонациональным населением и религиозной толерантностью.

К Первой мировой войне Россия и Америка выступали геополитическими конкурентами, но этот факт осознавался немногими. Разразившаяся война внесла ясность. Бердяев отмечает: «В результате мировой войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток, Япония и Китай, раса, не истощившая себя, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарятся китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой» [1, 26]. Спустя сто лет мы можем только удивляться прозорливости великого философа.

Заимствование западного устройства жизни во многом было обусловлено объективной необходимостью сближения народов, населяющих Европу. Однако заимствование западной идеологии принесло нашему Отечеству ядовитые плоды, разрушив величайшее в мире государство и возможность объединения Европы вокруг сильной и процветающей России.

Литература

1. *Бердяев Н.* Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005.
2. *Бернстайн П.Л.* Власть золота. История наваждения. М.: Олимп-Бизнес, 2004.
3. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2008.
4. *Лебедев Г.* Русь. X век // Знание — сила. 1988. № 7.
5. *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975.
6. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии. М.: Теис, 2014.

References

1. *Berdyayev N.* Russkaya ideya. M.: EHKsmo; SPb.: Midgard, 2005.
2. *Bernstajjn P.L.* Vlast' zolota. Istoriya navazhdeniya. M.: Olimp-Biznes, 2004.
3. *Kostomarov N.I.* Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavnejshikh deyatelej. M.: EHKsmo, 2008.
4. *Lebedev G.* Rus'. KH vek // Znanie — sila. 1988. № 7.
5. *Manfred A.Z.* Obrazovanie russko-frantsuzskogo soyuza. M.: Nauka, 1975.
6. *Osipov YU.M.* Naedine s Sofiej. Metafizicheskie realii. M.: Teis, 2014.

В.В. РЫШКУС
О судьбе России

Аннотация. Раскрывается важность изучения особенностей России, уникальных и не зависящих от разрабатываемых стратегий социально-экономического развития страны, для будущего страны и народа.

Ключевые слова: стратегия развития, развитие России, развитая экономика, экономика России, человеческий потенциал, народ, семья.

Abstract. The importance of the exploration of the particularities of Russia, unique and not depending on the created strategies of the social and economic development of the country is disclosed from the point of the country and nation's future.

Key words: strategy of development, development of Russia, developed economy, economy of Russia, human potential, nation, family.

УДК 330.3
ББК 65в6

За последние годы учеными, политиками, экономистами было разработано и предложено множество стратегий социально-экономического развития России. Проведенный нами анализ выявил, что чаще всего выбор ученым стратегии социально-экономического развития обусловлен той научной специальностью, которой он посвящает свою жизнь, и предметом его научных исследований, составляющих *его* собственный научный путь. То, почему он принимает решение заниматься разработкой стратегии развития России, продиктовано актуальностью проблемы, вызовами времени, на которые он чаще всего стремится ответить с вершины накопленных им специальных знаний в своей научной области. Учитывает ли субъективный выбор разработчика стратегии те особенности, которые в действительности формируют путь развития страны, насколько выбранная стратегия развития соответствует независимому от воли любого стратега пути развития страны и что, в конечном счете, представляет собой этот путь развития — всегда остается за рамками подобных исследований. Мно-

гие положения в таких исследованиях выглядят аксиомами, а решения специфических проблем в экономике представляются универсальными.

Недавно исполнилось десять лет Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г., предложенной руководством страны. Концепция была создана как проект национального масштаба с целью обеспечения в долгосрочной перспективе повышения благосостояния людей, национальной безопасности, динамичного развития экономики. Планировалось обеспечить устойчивый характер, темпы и качество экономического роста, сократить отставание от развитых экономик и достичь характерного для них уровня благосостояния, войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП и др. В Концепции признавалось, что экспортно-сырьевая модель экономического развития исчерпала свой потенциал, и говорилось об актуальности перехода экономики России на инновационный тип развития.

Прошло десятилетие. Жизнь страны идет своим чередом. О необходимости перехода к инновационному типу экономического развития продолжают писать и говорить. Стратегии социально-экономического развития России, как и прежде, разрабатываются. При этом незаметно, что переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического развития состоялся и экономика России приблизилась к уровню развитых экономик. Не думаем, что проблемой является то, что сценарии очередных стратегий социально-экономического развития России оказываются практически сложно реализуемыми. Развитие страны, как показывает сама жизнь, происходит независимо от чьих-либо сценариев, по некоему своему сценарию. Полагаем, что следует сместить акценты с поиска виноватых среди стратегов и внешних врагов на изучение особенностей развития России с целью выявления его характера.

Если сценарий долгосрочного социально-экономического развития страны оказывается сложно реализуемым для конкретной страны, это не означает, что нужно продолжать упорно добиваться претворения его в жизнь. Можно наблюдать, как стратегии социально-экономического развития России становятся предметом чьих-либо амбиций, попытками кому-то что-то доказать. К вопросу долгосрочного социально-экономического развития России следует подходить иначе: оглядеться на самих себя, свое прошлое, переосмыслить настоящее, выявив особенности развития страны, и подумать, что действительно требуется сохранить, а что и как — преумножить.

Стратегии социально-экономического развития страны лишней раз показывают, что какими бы разработками стратегий научные со-

общества и политические силы ни занимались, если эти стратегии не соответствуют специфике страны, не учитывают особенности ее *действительного* исторического развития, то поставленные в стратегиях цели не будут достигнуты. И развитие, наверное, следует понимать шире, нежели только состояние экономики, социальной и политической сфер, научно-технический потенциал, уровень образования, качество медицинского обслуживания и услуг культурной сферы и т. д.

В современных условиях сложно представить жизнь без экономики. Она многое определяет: какие средства мы заработаем, какие продукты питания сможем приобрести и какие услуги будем потреблять на заработанные средства и др. Будучи важной для развития страны, должна ли экономика быть *самоцелью* такого развития? Должны ли все общественные отношения быть подчинены этой цели? За развитием страны стоят жизни людей, населяющих ее территорию. То, чем являются эти жизни, какие отношения сформированы и регулируют человеческую жизнь, определяет, в конечном счете, характер развития страны, качество жизни народа. Особую роль в формировании характера развития страны играют межпоколенные отношения, отношения современников с предками. Люди как биологические существа умирают, а межпоколенные отношения остаются. Они меняются, но не исчезают, влияя на характер развития страны. Должны ли семейные, межпоколенные отношения быть подчинены цели развития экономики? Должна ли экономика занимать такое место в жизни человека, чтобы формировать его семейно-родовые отношения, а, по сути, определять сущность и смысл его жизни?

Судьба России мне глубоко небезразлична не только как для любого русского человека, но и как для человека, пытающегося разобраться в том, что есть наша судьба, что есть независимый от человеческой воли путь развития страны. В наши дни этот вопрос становится все более и более актуальным. Старшее поколение уходит, и чувство ответственности за наше настоящее и будущее усиливается. От нас действительно многое зависит — прежде всего потому, что среди многоголосицы мнений о нашем сегодня и завтра, среди множества стратегий социально-экономического развития России важно найти то, что действительно соответствует России, направить свои усилия на сохранение тех особенностей, которые связаны с накоплением человеческого потенциала, укреплением межпоколенных и семейных отношений. Поиск этот, конечно, исходит не из веры в богоизбранность России, из гордости за ее культурно-исторические традиции, требующие, само собой, сбережения. Россия, как и любая другая страна, живет по своим внутренним историческим законам, которые определяются характером

жизнедеятельности народа, особенностями его жизни и сформированными отношениями. Появление и сохранение культурно-исторических традиций вытекают из особенностей межчеловеческих отношений. В связи с этим важным представляется исследование внутренних законов исторического развития России, ее экономики, восхождение к истокам этих законов, познание их сущности и через это раскрытие особенностей жизнедеятельности народа.

Мы не можем предсказать судьбу России, но можем изучить особенности исторического развития страны и попытаться спрогнозировать ее будущее, исходя из этих особенностей. В современных условиях глобализации мировой экономики, стирания мировой экономикой национальных границ актуальность изучения особенностей развития России повышается. Экономике России, так или иначе, быть в этих условиях. Остается вопрос: какой экономике России быть?

Если Россия не может находиться на одной ступени экономического развития вместе с США, это не является сигналом к исправлению ситуации. Наша старая привычка смотреть, открыв рот, на Запад, преследовать цель догнать и перегнать его по уровню развития экономики, еще далеко не искоренена. То, что является естественным для США, соответствует специфике их развития, может не соответствовать особенностям развития России. То, что все страны должны пройти единый путь, пусть и в разное время, также не кажется бесспорным.

Сегодня важными государственными задачами являются сохранение целостности территории России, обеспечение продовольственной и национальной безопасности. Есть серьезные сомнения относительно того, что средством решения этих задач должно являться развитие экономики по типу стран с развитыми инновационными экономикой, как это часто представляют авторы стратегий социально-экономического развития России. Следует понять специфику нашей страны, ее конкурентные преимущества. Причем конкурентные не в экономическом смысле, а в том, что эти преимущества позволяют России быть в чем-то впереди остальных стран.

Объективной чертой современной экономики является ее проникновение во многие сферы жизни человека, особенно в странах с развитой экономикой. Назад в пещеры дороги нет, но дорога, которой идти России, еще не ясна. Это связано, в первую очередь, с тем, что роль и место экономики в развитии России пока жестко не определены. Важным является определение максимально допустимой степени проникновения экономики в жизнь людей, населяющих территорию страны, чтобы сформированные характером их жизнедеятельности межпоколенные и семейные отношения не были безвозвратно утраче-

ны. Нас волнует судьба России, а потому и подход к научному исследованию особенностей развития России не может быть универсальным, общеэкономическим, институциональным или иным специальным — таким, как будто изучаются особенности развития любой другой страны мира. Требование же по защите диссертации только в рамках той или иной специальности является академическим и представляет собой реальное препятствие для развития научного знания. Ограничение своего исследования рамками специальности может привести к тому, что не все стороны вопроса будут рассмотрены, тем более такого вопроса, когда экономической науки в чистом виде оказывается недостаточно.

Проникшее в академическую науку разделение труда лишает порой возможности защитить диссертацию в том учебном заведении, в котором ученые занимаются разработками схожих проблем, но с других научных позиций. Так, ученые-институционалисты разрабатывают стратегии социально-экономического развития России в связи с институциональными проблемами. Конечно, такие мыслители, как Ньютон, Маркс или Эйнштейн, были независимы от научных течений и специальностей. Научные открытия совершаются в условиях свободы от какой-либо конкретной науки. Сам по себе факт рождения гениев говорит о том, что разделение труда пока еще не проникло во все сферы жизни человека, и человек может расти более разносторонне развитым, смотреть на мир широко открытыми глазами.

Базовыми вопросами для исследования особенностей развития России должны стать такие, как: кто есть человек? что есть жизнь человека? каков ее смысл? что такое развитие человека и развитие вообще? Кажущимся философскими, этим вопросам фактически не уделяется должного внимания разработчиками стратегий социально-экономического развития России. Между тем от понимания этих базовых вопросов исходит представление о том, каким должно быть развитие страны.

Когда говорят о повышении качества жизни, чаще всего имеют в виду стандартный набор потребляемых товаров и услуг. Именно с качеством и количеством предлагаемых в экономике товаров и услуг связывают качество жизни людей, наличие возможностей для их развития. Однако при таком подходе, скорее всего, речь идет об уже сформированном индивиде, во взрослом возрасте, работнике какого-либо предприятия или предпринимателе. Конечно, никто дополнительно не оговаривает, о каком человеке идет речь, поскольку такие вещи кажутся само собой разумеющимися. Такое представление схоже с представлением А. Смита об экономическом человеке, базовыми

отношениями для которого являются товарно-денежные. Это западная экономическая наука. Почему кажется очевидным, что в России подход к изучению особенностей страны должен быть идентичным? Потому что экономика всему голова, и без нее мы даже из дома выйти не можем?

Для человека все начинается с детства, с того момента, когда он рождается и воспитывается. Когда мы говорим о важности семейных и межпоколенных отношений, то это тоже детство. Когда мы говорим о разностороннем развитии, то и это детство. Мозг человека, внутренние связи в мозге, представления о мире формируются в детстве. Более того, для здоровья народа важными оказываются межпоколенные связи, проще говоря, то, как внуки общаются с дедами. Никто из разработчиков стратегий развития России не описывает семейные и межпоколенные отношения, потому как они, по их мнению, видимо, никак не связаны с развитием экономики, в которое сами стратегии упираются. Одна из причин, на мой взгляд, кроется в том самом разделении труда, проникшем в науку. Семейные отношения — не предмет экономической науки. Это могут быть социология, юриспруденция, психология, педагогика, но никак не экономика. Получается, что уже в таком вопросе, как качество жизни человека, мы расходимся с разработчиками стратегий развития страны. А таких вопросов множество.

Требуют дополнительного исследования вопросы о том, что такое деятельность человека и почему она не является работой, что есть народ и в чем его отличие от любой общности людей, от нации, что такое человеческий потенциал и почему его нельзя называть человеческим капиталом, что такое уклад жизни и почему это неэкономическое понятие. Познать судьбу России без ответов на эти вопросы представляется крайне затруднительным — и не стоит откладывать это в долгий ящик.

V

**ПАН-ЕВРОПЕЙСКИЙ
КОМПРОМИСС**

Ю.М. ОСИПОВ

Социально-экономические компромиссы на повестке мирового дня

Аннотация. Компромисс или конфронтация, война, смерть! Не так выбор тут, как жесткий императив. Компромиссы внутренние и компромиссы международные сегодня. Необходимость больших международных компромиссов в геополитической и геоэкономической сферах. Проект пан-европейского компромисса.

Ключевые слова: социум, экономика, политика, геополитика, геоэкономика, компромисс, всемирные компромиссы, пан-европейский компромисс.

Abstract. The article presents a compromise and confrontation, war and death. There is not a choice here, but a hard imperative; internal and international compromises, need of big international compromises in geopolitical and geoeconomic spheres; the project of pan-European compromise.

Key words: society, economy, policy, geopolitics, geoeconomy, compromise, world compromises, pan-European compromise.

УДК 32, 33
ББК 60

Компромисс — это более чем обычно понимаемое взаимоступковое и взаимовыгодное согласие на что-либо между противоречащими друг другу либо откровенно конфликтующими между собой сторонами. Это в общем-то один из основополагающих принципов бытия, в особенности социально-экономического. Собственно субъектно осознанного согласия может и не быть — тогда компромисс достигается в социуме как бы «само собой», в самом по себе бытии, как говорится — по жизни, непременно выражая тем самым наличие всеобщего в какой-то исторический момент на что-либо согласия, пусть и весьма взаимно вынужденного. Компромиссы везде и всегда: в семье, коллективе, общине, обществе, государстве, нации, в международных делах и отношениях. Где только их нет — компромиссов, — то как вполне осознанных согласий, то как просто воспринятого всеми образа бытия.

Отсюда компромисс — не менее значимый феномен социально-го бытия и не менее знаменательное гуманитарное понятие, чем отношение, социум, конкуренция, солидарность, союз, братство, как и приглашение, контракт, договор.

Сегодняшняя постановка вопроса о компромиссах вполне понятна: нынешний мир вовсе не мирный мир, т. е. не мир-мир, а вполне себе немирный мир, т. е. по сути это мир-война, склонный дойти и до настоящей всемирной войны, может, и последней — Армагеддона! Что касается отдельных мест или зон на планете, то там, как хорошо известно, бушуют, хотя кое-где только теплятся, вполне реальные и вполне горячие войны. Что касается еще вроде бы мирных внутринациональных и международных напряжений, вовсе не лишенных потенци к вооруженным конфликтам, то об этом много говорить не приходится: нынешний мир — поле больших, средних, полусредних, малых и маленьких напряжений, что вовсе не чревато какой-нибудь, как всегда, внезапной, но вполне себе значимой, «войнушкой».

Чтобы ослабить едкую напряженность и не допустить губительной войны, потребен чаще всего именно компромисс, исходящий из взаимного понимания противоборствующими сторонами большой опасности от усиления взаимной конфронтации, а также восходящий к взаимному осознанию необходимости достойного, с сохранением лица, выхода из создавшейся, по преимуществу весьма скверной, ситуации.

Человечество всегда прибегало к компромиссу — этому испытанному средству снятия опасного напряжения, предотвращения злокозненной конфронтации и обретения возможности мирного сосуществования.

Примеров тут великое множество, мы укажем лишь на некоторые.

Из внутренних: любой устойчивый строй (режим), исключая, конечно, явно и остро насильственный, оккупационный, колониальный, так или иначе основан на том или ином компромиссе: между властями и гражданами, между классами, сословиями, этносами, между центром и периферией и т.д. Здесь достаточно примеров из истории и актуального бытия любой страны, так что распространяться тут не о чем.

Из международных: 1) послевоенный с 1945 г. межвеликодержавный компромисс, выразившийся не только в создании и действии ООН и ряда международных координационных институтов, но даже и в самом факте холодной, а все-таки не горячей, межвеликодержавной войны, а также, к примеру, в обоюдном приемлемых разрешениях ядер-

ными сверхдержавами той же Корейской горячей войны или того же разгоравшегося до явной возможности ядерного столкновения между СССР и США Карибского кризиса; 2) создание и до сих пор функционирование, пусть и в значительно измененном виде, Бреттон-Вудской международной валютной системы — с компромиссным доминированием того же доллара; 3) окончание холодной войны, перестройка в СССР и реформирование внутри РФ в обстановке сдержанного на то международного согласия, а не вполне возможной по данному поводу конфронтации и весьма вожделенной в таком разе войны; 4) европейская межстрановая интеграция — вплоть до образования ЕС, а также другие международные региональные интеграции, в особенности экономические.

Что сегодня?

Два взаимоисключающих примера: 1) безуспешная пока попытка международного компромисса в рамках Минских соглашений по Украине и Донбассу по причине договорной недееспособности украинских властей; 2) относительно и на время пока успешный компромисс между Россией и Турцией, последовавший после краткой взаимной конфронтации из-за сбитаго в Сирии турецкими ВВС российского военного самолета.

Потребности актуального времени:

1) поиск возможности большого межвеликодержавного (уже и межмирового) компромисса в связи с переходом от одноцентрового (монополюсного) мира к многоцентровому (плюрополюсному) миру по типу послевоенного межвеликодержавного согласия;

2) поиск компромиссного выхода из острого кризиса нынешней глобалической валютно-финансовой системы (остаточной Бреттон-Вудской) посредством перехода к новой системе, не допускающей господства какой-либо одной национальной валюты и, возможно, основанной на введении и действии региональных международных валют и соответствующих финансовых центров с непременным дополнением всего этого общемировой переводной валютой и вспомогательными международными финансовыми учреждениями;

3) поиск взаимного согласия между ЕС и Россией с прекращением возникшей в актуальное время между ними конфронтации на основе и в рамках пан-европейского компромисса с непременным прекращением движения ЕС на Восток (конца «Дранг нах Остен») и обязательным учетом геостратегических уступок, уже сделанных в одностороннем порядке со стороны СССР и РФ в 1980-е — 1990-е гг. (ликвидация Варшавского оборонного договора; роспуск международной соцсистемы; безусловная и даже безвозмездная передача Германии

ГДР; добровольный отвод советско-российских войск из Европы молчаливое согласие РФ на присоединение ради бывших советских республик и некоторых стран бывшего соцлагеря к ЕС и НАТО).

«Худой мир лучше доброй ссоры» — гласит народная пословица. Факт! В особенности ежели ссора разгорается с ядерным оружием за пазухой у ожесточившихся друг на друга соперников. Отсюда не просто актуальность и важность феномена и понятия компромисса, но и его предельная экзистенциальная непереносимость — *всюду и везде!*

В.Т. РЯЗАНОВ

Компромиссы в экономике: старые варианты и новые возможности

Аннотация. Статья посвящена анализу места и роли компромиссов в экономике. Показано, что компромиссы играют важную роль в сохранении стабильности в экономике и в снижении социальных рисков. В международной сфере компромиссы нацелены на выработку согласованных правил и процедур во взаимодействии государств. На примере теории конвергенции и принятия Бреттон-Вудской системы показаны последствия недооценки компромиссных решений в экономике. С этой точки зрения анализируются варианты реформирования мировой валютной системы, которые не исключают возвращения золота.

Ключевые слова: политика компромиссов, роль компромиссов в экономике, теория конвергенции, Бреттон-Вудская система, последствия отказа от Бреттон-Вудской системы, варианты реформы мировой валютной системы, роль золота.

Abstract. Article is dedicated to the analysis of the place and role of the compromises in the economy. It is shown that compromises play an important role in maintaining stability in the economy and to reduce social risks. In the international sphere compromises aimed at developing harmonized rules and procedures in the interaction of States. For example, the theory of convergence and the adoption of the Bretton Woods system shows the consequences of underestimating the compromises of economics. From this point of view the options for reforming the world monetary system, which did not preclude the return of gold are analyzing.

Key words: policy compromises, the role of the compromises in the economy, convergence theory, Bretton Woods system, the consequences of a refusal from the Bretton Woods system, options for reform of the world monetary system, role of gold.

УДК 33
ББК 65

Политика компромиссов представляет собой альтернативу силовому давлению и принуждению, реализуемым доминирующим «центром силы». Ее практическая возможность в значительной мере определяется изменением сложившегося баланса сил и возникающей потребностью в переформатировании политического и хозяйствующего взаимодействия. Она также подкрепляется своей предпочтительностью как наиболее приемлемым способом разрешения сложных проблем развития в условиях разнородности и разделенности мирохозяйственного устройства. Важно учитывать и то, что сам выбор политики компромиссов обусловлен желанием и способностью политических и хозяйствующих игроков (агентов) договариваться и принимать во внимание интересы участников переговорных процессов, преодолевая несовпадение их идейно-теоретических позиций.

Особо значима роль политики компромиссов в возникающих сложных и противоречивых ситуациях, когда она становится способом преодоления противостояний, конфликтов и острых противоречий. В национальных государствах она нередко завершается созданием коалиционного правительства, призванного разрешить остроту социально-классовых и национальных противоречий. На международном уровне традиционным вариантом ее проявления выступает выработка согласованных правил и процедур во взаимодействии государств и в проводимой внешней политике.

Конечно, надо учитывать и определенные ограничения, которые существуют в политике компромиссов. Когда противоречия и барьеры в развитии приобретают застойный характер или их острота становится чрезмерной, то бескомпромиссность в проведении курса на реализацию назревших перемен оказывается более существенной. При этом бескомпромиссность в сломе устаревшей и неработающей системы вполне может сочетаться с компромиссностью в выработке новой модели хозяйствования и в проведении согласованной экономической политики.

Тем не менее опора на компромиссную политику перспективна и предпочтительна в силу ее важной роли в сохранении стабильности в

экономике и сдерживания наращивания социальных рисков. Ведь ее реализация в любой стране предполагает поддержание конструктивного диалога власти с обществом, что чрезвычайно важно с учетом наличия вариативности и альтернативности в общественно-хозяйственном развитии, так же как и разнонаправленности интересов разных групп населения.

Есть еще одно обстоятельство, которое дополнительно усиливает значимость как исследования самой природы компромиссов, так и обращения к нереализованным или несостоявшимся компромиссам в прошлом. Речь идет о том, что несбывшиеся прошлые компромиссы чаще всего создают проблемы в будущем. Отложенные и неразрешенные должным образом противоречия и ограничения — это потенциально высокие риски для будущего развития.

Проанализируем исторически известные примеры таких несостоявшихся компромиссов и их последствий для последующего социально-экономического развития. В этом случае выделим наиболее значимые события, которые оказали судьбоносное влияние на мирохозяйственные процессы и на развитие отдельных стран. В этой связи заслуживает такого рассмотрения выдвижение теории конвергенции двух общественно-экономических систем. Одним из первых, кто ее разрабатывал, был американско-русский социолог П. Сорокин. В 1960 г. им было опубликовано эссе «Взаимное сближение Соединенных штатов и СССР к смешанному социокультурному типу» [10], в котором обосновывалось движение к будущему обществу как «интегральному», представляющему собой соединение посткапиталистического и постсоциалистического обществ. Прогнозировалось, что такой новый тип будет иметь унифицированную систему интегральных культурных ценностей, социальных институтов и типов личности, существенно отличных от капиталистических и коммунистических моделей.

Среди сторонников теории конвергенции были такие авторитетные ученые, как У. Ростоу, Р. Арон, Ф. Перру, Й. Шумпетер, Дж.К. Гэлбрейт и др. Что касается Гэлбрейта, то развиваемая им гипотеза о конвергенции двух систем не сводилась к действию социально-культурных причин. Она подкреплялась ролью экономических факторов и в первую очередь внедрением плановых начал в систему капиталистического хозяйствования. Если в советской экономике планирование изначально развивалось как метод централизованного регулирования хозяйственными процессами, но с последующим расширением экономической самостоятельности самих предприятий, то в условиях современного капитализма центром планирования становятся крупные корпорации. В такой трактовке современная корпорация выступает как

«инструмент планирования, преодолевающий рынок» [2]. Сам же сектор крупных корпораций становится «планирующей системой».

Действие отмеченных выше тенденций должно было, как прогнозировал Гэлбрейт, продолжить и завершить процесс конвергенции двух систем, образовав новый тип общественно-экономического устройства смешанного характера, представленного многоукладностью, но при доминировании частно-государственного комплекса как формы проявления государственно-капиталистической модели хозяйства. Его функционирование должно было основываться на использовании планового регулирования и быть нацеленным на развитие всего общества.

Судьба такого рода метатеорий всегда не проста, особенно имея в виду трудности в реализации хотя бы из-за инерционности общественных процессов и живучести привычных представлений. Не случайно то, что сам автор предвидел ее неприятие из-за укоренившейся американской традиции частного предпринимательства, что не могло не привести к сопротивлению на пути практической осуществимости, особенно относительно идеи конвергенции двух систем. Он оказался прав, утверждая о том, что эта идея «не скоро получит всеобщее признание» [2, 454].

Естественно, возникает вопрос, почему предложенные оценки и прогнозы не реализовались. Ведь в реальности произошел разворот капитализма в противоположную сторону — в сторону всеобщей либерализации, глобализма и господства финансово-кратии. Это тема требует основательного анализа, отмечу только два важных момента¹.

Первое — это то, что сдвиг в сторону господства от промышленного к финансовому капиталу соответствует в целом циклической природе капитализма, которая относится не только к производству товаров, но и к периодической смене режимов накопления капитала. Дело в том, что развитие модели госкапитализма в силу его собственной противоречивости и внутренней логики накопления капитала с объективной неизбежностью сменилось проведением «финансово-кратической революции» с установлением господства спекулятивно-финансового капитала и финансово-кратии.

Второе обстоятельство имеет внешнюю природу. И оно связано с крушением социалистического хозяйства как мировой системы и СССР как ее центрального звена. Это не только подорвало саму привлекательность идеи планово-регулируемой экономики, но и создало

¹Подробнее см.: [6, 328—339].

новое пространство для экспансии капитала, его завоевательного броска на последние неосвоенные территории.

И вот после нескольких десятилетий господства спекулятивно-финансового капитала на глобальных рынках произошел масштабный кризис в 2007—2009 гг., который вновь поставил вопрос о новом развороте капиталистической системы хозяйства. Как ему дальше развиваться? Есть ли у него такой потенциал?

В поиске ответа на поставленные вопросы концепция конвергенции полезна с точки зрения обозначения возможных контуров будущего переустройства мирового хозяйства. Если 50 лет назад эта концепция предлагала путь реформирования капитализма в условиях существования и соревнования двух мировых систем через конвергенцию, то сегодня она полезна в целях поиска разумного выхода из того тупика, в который попал современный капитализм, а значит, для снятия остроты возникших противоречий и для преодоления пределов в развитии на основе возвращения к модели госкапитализма. Такая модель восстанавливает сочетание рыночных и плановых рычагов в экономике, нацелена на устранение чрезмерной дифференциации в благосостоянии людей и позволяет обеспечить ориентацию на поддержание социальных и экологических приоритетов в экономическом развитии.

Сегодня реалистичность такого варианта развития подтверждают происходящие серьезные события и перемены в мире, которые пока в большей степени затрагивают политическую сферу. Однако на очереди крупные сдвиги в экономической сфере, что представляется неизбежным. Поэтому возвращение к хозяйственной модели госкапитализма с учетом прошлого опыта определяет наиболее приемлемый вектор назревших перемен в современном капиталистическом обществе.

Если идея конвергенции отражала потребность в компромиссном разрешении противостояния двух мировых общественно-экономических систем за счет сближения и соединения их лучших черт, то в качестве еще одного ключевого звена мирохозяйственного устройства выступает установление наиболее эффективного валютно-финансового режима. От его выбора в немалой степени зависят успешность развития мирового хозяйства и создание благоприятных условий для экономического политического взаимодействия стран.

В этой связи обратимся к анализу вопроса о том, как развивались теоретические идеи и как обеспечивалась их практическая реализация в международной хозяйственной жизни. В качестве исходного пункта вполне оправданно выделить роль Бреттон-Вудской международной конференции (1944), на которой были заложены основы после-

военной валютно-финансовой системы². С точки зрения выбранного ракурса изучения важнейшим ее аспектом выступает вопрос о том, как обосновывалось и принималось окончательное решение о принципах организации международной денежной системы.

Хорошо известно, что на этой конференции предложено было два различающихся подхода к разработке международной валютной системы, которые принципиально различались по ряду важнейших положений. Один из них был выдвинут авторитетным английским экономистом Дж.М. Кейнсом, другой представителем США — Гарри Д. Уайтом.

Позиция Кейнса по поводу международной валютной системы была неоднозначной. Еще в ранний период действия золотого стандарта и попытки его возрождения в работе «Трактат о денежной реформе» (1923) он писал: «Пусть золотой металл и не обладает всеми теоретическими преимуществами искусственно регулируемой денежной единицы, но всякое шарлатанство здесь исключается, и на практике он оказался надёжным» [3, 93]. Однако сама по себе идея использования золота в качестве мировых денег получила развитие в предложенном им плане реформирования международной валютной системе. Его главными пунктами стали следующие:

- введение *банкора* как международной денежной единицы (международной валюты), которая выступала бы в безналичных расчетах между странами и имела бы хождение наряду с национальными валютами;
- курс банкора должен был определяться по отношению к золоту, а фиксированные обменные курсы всех валют выражались бы в банкорах;
- создание Международного клирингового (расчетного) союза (International Clearing Union) для урегулирования взаимных задолженностей ЦБ стран;
- основным назначением банкора являлось погашение международных долгов на многосторонней основе между членами клирингового союза;

²В этой конференции принимали участие 730 делегатов из 44 государств-участников антигитлеровской коалиции, включая СССР и Китай. Представители СССР принимали активное участие в выработке итоговых документов конференции. Однако после конференции правительство СССР не ратифицировало Бреттон-Вудское соглашение и приняло решение о неприсоединении к работе Всемирного банка и Международного валютного фонда.

- цель — обеспечить сбалансированность мировой торговли, для чего устанавливалась процентные платежи как за дефицит, так и за профицит платежного баланса.

Что касается плана Уайта, то самым принципиальным его отличием было предложение использовать в качестве главной резервной валюты американский доллар, а также и английский фунт стерлингов. Иначе говоря, национальная валюта одновременно должна была выполнять роль международной денежной единицы, что изначально закладывало «мину замедленного действия» в формирующееся послевоенное мирохозяйственное устройство. Сопоставляя указанные два плана, можно утверждать, что вариант Кейнса был более предпочтителен. Его можно не без оснований считать продуманным экономическим компромиссом, поскольку он учитывал интересы всех стран и не создавал очевидных преимуществ для какой-то отдельной страны.

Тем не менее делегация США смогла провалить свой вариант реформирования международной финансовой системы, опираясь на установившееся экономическое и политическое господство. Достаточно привести такие цифры: в послевоенный период эта страна в своем резерве имела 22 тыс. т золота, что составляло 70% мирового золотого запаса; на нее приходилось 55% мирового промышленного производства и 33% мирового экспорта. Безусловно, такие экономические аргументы на тот момент представлялись убедительными, а создание мировой валютной системы на долларовой основе не вызывала необходимости сложного ее рестроения.

В результате созданная Бреттон-Вудская валютная система характеризовалась следующими основными принципами:

- закреплением за долларом функции главной резервной валюты на основе его золотого стандарта; второй резервной валютой становился английский фунт стерлингов;
- фиксированными курсами валют, выраженными в долларах на основе золотого паритета;
- установлением предела колебаний валютных курсов (не более 1%);
- созданием Международного валютного фонда для поддержания стабильности валют и Международного банка реконструкции и развития для оказания помощи государствам.

В конечном счете именно доллар стал единственной валютой, напрямую привязанной к золоту (а через него и остальные валюты). Казначейство США обязывало обменивать доллары на золото иностранными правительственными учреждениями и центральными бан-

ками в соотношении 35 дол. за тройскую унцию (31,1 г). Надежность доллара как резервной валюты обеспечивалась соответствием долларовой массы золотому запасу. В соответствии с принятым в 1945 г. Монетарным актом денежная (бумажная) масса должна была покрываться золотом на уровне не менее в 25%. Одновременно другие государства обязаны были проводить согласованную политику по поддержанию фиксированных курсов национальных валют.

Если в конце 1940-х гг. золотой запас США оценивался в 23 млрд дол. при объеме денежной массы в 40 млрд дол., что определяло степень ее покрытия золотом более чем на 55%, то в последующие годы наблюдалась тенденция ускоренного сокращения золотого запаса этой страны из-за постоянного ухудшения ее платежного баланса. Этим был запущен механизм растущей долларовой эмиссии, используемый для компенсации отрицательного значения платежного баланса. Особенно крупный сбой в денежной сфере США произошел в середине 1960-х гг., обусловленный резким увеличением бюджетных расходов в США из-за войны во Вьетнаме и возникшим у них двойным дефицитом — бюджетном и внешнеторговом. Вместо того, чтобы принять необходимые меры по устранению возникшего двойного дефицита, США пошли по другому пути — в марте 1965 г. был отменен Монетарный акт. Этим была разрушена жесткая привязка доллара к золоту, и фактически Бреттон-Вудская система вступила в завершающую фазу демонтажа. В результате рыночная цена золота стала ощутимо превышать официально установленную, достигнув уровня в 45 дол. Золотые запасы к 1970 г. составляли уже немногим более 20% денежной массы, которая продолжала увеличиваться, так как США печатали все новые доллары, и к началу 1970-х гг. их совокупный объем в мировой экономике превысил 80 млрд дол. В такой ситуации доверие к доллару вполне закономерно стало падать³. К тому же в этот период ряд стран, начиная с Франции, предъявили к оплате золотом несколько миллиардов долларов.

Сильный удар по экономике США нанес президент Франции Ш. де Голль, который был сторонником возвращения к золотому обеспечению национальных валют. Он предъявил к обмену на золотой эквивалент 1,5 млрд дол. несмотря на все угрозы. Попутно он вывел Францию из военной организации НАТО и удалил с территории страны все иностранные базы. Эти действия привели к тому, что только за 1965—1967-е гг. США лишились 3000 т золота. Вполне закономерно,

³Тогда и появилась шутка американских экономистов, в которой так характеризовалась возникшая ситуация: «Доллар наш, проблемы ваши».

что после вывода золота из внутреннего обращения, отказавшись от золотого покрытия банкнот и резервов депозитов, США вынуждены были это сделать и в международной сфере. В августе 1971 г. на запрос Великобритании о конвертации долларов в золото США ответили отказом, вслед за которым президент Р. Никсон, выступая по национальному телевидению, неожиданно объявил о временном прекращении размена долларов на золото для иностранных государств и центральных банков по их требованиям для оплаты американских долгов⁴. В результате рыночная цена золота начала стремительный рост, а система твердых паритетов валют на его основе была разрушена.

При введении этой меры, а ее вполне можно определить как произошедший фактический дефолт по внешним американским обязательствам, она декларировалась в качестве временной, но, как чаще всего случается, превратилась в постоянную. Окончательно Бреттон-Вудская валютная система была похоронена в 1976 г. с переходом к так называемой ямайской валютной системе плавающих курсов. Это означало, что доллар утратил надежное обеспечение, фактически превратившись в долговую расписку США. В этих условиях страны, входящие в Международный валютный фонд, согласились вообще отказаться от официальной цены на золото, которое стало продаваться по свободной цене.

Каковы последствия развала Бреттон-Вудской системы?

Отход от этой системы имел серьезные последствия. И дело здесь не в каких-то магических свойствах золота как такового. Самое главное изменение обусловлено тем, что с уходом золота из денежного обращения утрачивается вообще связь денег с каким-либо материальным (товарным) носителем, который придавал бы им внутреннюю устойчивость и способность отражать действительно необходимые обменные пропорции всех товаров, определять размеры истинного богатства и реальные цены на все экономические активы⁵.

Кроме того, переход к режиму плавающих курсов валютный рынок превратился в главный центр спекулятивной деятельности. На рис. 1 показана растущая динамика торгов валютой на биржах стран мира. Причем, даже несмотря на кризис 2007—2009 г., сделки с валю-

⁴С 1949 по 1970 г. золотые запасы США сократились с 21 800 до 9838,2 т, т. е. более чем в два раза.

⁵Не случайно, что еще до масштабного мирового экономического кризиса 2007—2009 гг. появляются множество работ, в которых анализировалась ситуация в сфере международных финансовых отношений и предлагались реформы. Например, [8; 11].

той еще более увеличились, достигнув 5,1 трлн дол. в средневзвешенном измерении. В годовом пересчете общая величина валютных операций уже приближается к 1,5 квадрилл дол. Для сравнения: ежедневный оборот валюты, связанный с обслуживанием операций с товарами и услугами, составляет 55 млрд дол., т. е. около 1% от всего оборота валютных сделок.

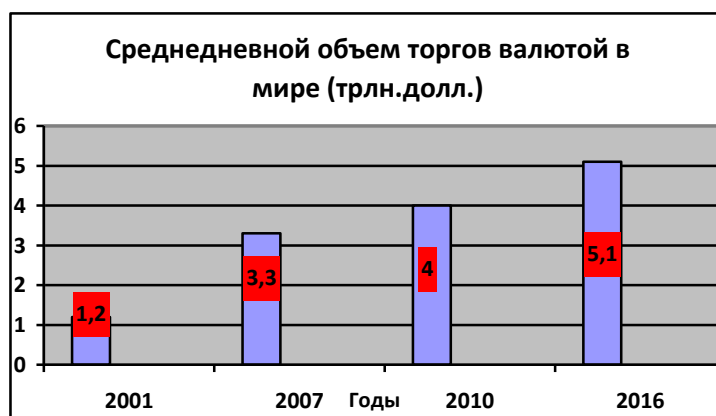

Рис. 1. Средневзвешенный объем торгов валютой в мире: Foreign exchange turnover in April 2016 (Bank for International Settlements)

Еще одними серьезными последствиями отказа от Бреттон-Вудской системы стали возможность и соблазн правительств большинства стран за счет эмиссионного механизма компенсировать недостаточность спроса для поддержания экономического роста, что привело к формированию кредитно-долговой модели экономики. Чтобы был более ясен драматизм современной ситуации с долгами, достаточно ознакомиться с динамикой глобального долга в мировом хозяйстве. Она же впечатляющая.

Современная экономическая ситуация характеризуется беспрецедентными масштабами накопленного и постоянно разрастающегося долга. В табл. 1 представлены показатели, рассчитанные McKinsey Global Institute, о состоянии глобального долга в период 2000—2014 гг. и касающиеся 47 самых крупных экономик мира — 25 развитых и 22 развивающихся стран. Их совокупный глобальный долг, достигший в 2014 г. величины в 199 трлн дол., почти в 3 раза превышает ВВП всего мира. Характерно и то, что в выделенном периоде долг увеличивался у всех экономических агентов и на данном этапе возникшая долговая

проблема превратилась, пожалуй, в главный тормоз развития ведущих капиталистических стран.

Таблица 1

Глобальный долг в мире (2000—2014), трлн дол.

Основные компоненты долга	2000 г.	2007 г.	2014 г.	Соотношение 2014 к 2000 гг., %
Всего	87	142	199	229
В том числе:				
• государственный	22	33	58	264
• компаний	26	38	56	215
• финансового сектора	20	37	45	225
• домашних хозяйств	19	33	40	210
ВВП мира	35	52	69	197
Глобальный долг к ВВП, %	246	269	286	116

Источник: [14].

Как на современном этапе разрешить возникшую тупиковую ситуацию в мировой экономике, учитывая несовпадение экономических интересов и наличие альтернативных вариантов?

Обращаясь к прошлому опыту, тем более становится понятной роль выработки компромиссных решений в сфере реорганизации международных финансовых отношений. В таком случае главным опорным пунктом становится потребность в разработке нового соглашения — своего рода «нового Бреттон-Вудского соглашения». Для этого потребуется вернуться к обсуждению варианта создания по-настоящему общемировой резервной валюты (не исключая возможности возвращения золота в таком качестве) с фиксированной привязкой к ней национальных валют. Не исключено, что еще раз следует изучить предложение Кейнса при создании Бреттон-Вудской валютной системы, который в отличие от реализованного варианта предлагал создать действительно мировую валюту (банкор), не привязанную к национальной валюте со своим эмиссионным центром.

В настоящее время немалое число экономистов обосновывают необходимость перехода мирового сообщества на единую глобальную

валюту. Такое предложение поддерживает Р. Манделл, который утверждает о пользе создания единой мировой валюты, что скажется на выравнивании мировых цен и на устранении валютных рисков. Для этого он предложил перейти на единую глобальную валюту, которую он назвал *interra*, эмитентом которой мог бы стать МВФ [12]. Возможно, что ее эмитентом в будущем выступит Совет по финансовой стабильности как глобальный финансовый регулятор

Другим вариантом реформирования мировой валютной системы может стать образование системы региональных резервных валют с реорганизацией МВФ и Всемирного банка. В этом случае можно говорить о возникновении поливалютной системы как корзины региональных резервных валют с фиксированными курсами. Определенным шагом в этом направлении следует считать включение в 2016 г. в состав корзины валют СДР китайской валюты (жэньминьби).

В любом случае чрезвычайно важно, чтобы политика фиксированных курсов, базирующихся на фундаментальных показателях, была принята всеми странами и последовательно реализовывалась на практике как согласованный международный проект. Опыт использования политики плавающих курсов, создав площадку для масштабных валютных спекуляций, свидетельствует о невозможности обеспечения самим рынком устойчивого равновесия в денежной сфере, что усиливает рассогласованность в работе рыночного хозяйства.

В более широком контексте речь идет об отказе от сложившегося после краха Бреттон-Вудской системы эмиссионного характера обращения валют и восстановлении их обеспеченности реальными активами (см.: [5, 620—674]). Надо учитывать, что эмиссия необеспеченных денег рождает экономику необеспеченных долгов с неизбежными спекулятивными пузырями. В этих условиях возвращение золота в мировую денежную систему (теоретически как и любого другого реального актива) придает деньгам подлинную универсальность и надежность, возвращая в финансовую сферу устойчивость. Отметим, что по поводу возвращения золота в современную систему денежного обращения продолжаются дискуссии⁶.

⁶По этому поводу характерна позиция А. Гринспена. Будучи председателем ФРС США (1987—2006), он последовательно проводил политику «долларизации», но при этом оставался сторонником золотого стандарта. Примечательно такое его утверждение: «Политические соображения требуют отказа от золотого стандарта в качестве средства противодействия нарастающему инфляционному давлению, однако те же политики... могут прибегнуть к нему под воздействием недовольства населения» [1, 456].

Таблица 2

Золотой запас стран (февр. 2017 г., т)

Страны	Золотой запас	Доля в мировом запасе (в %)
1) США	8133	24,9
2) Германия	3378	10,4
3) Италия	2452	7,6
4) Франция	2435	7,5
5) КНР	1842	5,6
6) Россия	1645	5,0
7) Швейцария	1040	3,2
8) Япония	765	2,3
9) Нидерланды	612	1,9
10) Индия	558	1,7
МВФ	2814	8,1
ЕЦБ	505	1,5

Источник: [13].

Во всяком случае, должен появиться механизм ограничения бесконтрольной денежной эмиссии, что станет действенным средством от излечения болезней, которыми больна современная экономика. Поэтому возвращение золота как необходимого ресурса в том или ином качестве в систему международного денежного обращения имеет немалое число сторонников среди экономистов и политиков (См.: [7; 9]). Характерно, что, хотя золото формально не участвует в качестве обеспечения денег, но тем не менее МВФ не предполагает исключать золото из состава международной ликвидности. Согласно рекомендациям МВФ, странам по составлению платежных балансов золото следует учитывать в составе резервных активов. Поэтому золото сохраняет свое значение как «защитный актив», что особенно проявляется в кризисные периоды (см.: [9]). Не случайно центральные банки большинства стран не спешат избавляться от своих золотых активов, более того в последние годы наблюдается тенденция наращивания ими запаса золота. В табл. 2 приведены страны с наибольшим запасом золота. Ха-

рактарно, что эти же страны и отличаются соответствующими позициями в мировой иерархии.

Предлагаемые меры, естественно, не исчерпывают всего пакета возможных изменений и требуют дополнительной проработки. Но они, на наш взгляд, раскрывают логику и направленность перемен в мировой хозяйственной сфере, если по-настоящему решать задачу восстановления устойчивости в экономике, которую не решить при сохранении нынешних возможностей для спекулятивно-финансовой деятельности. Сам же по себе выбор конкретных решений в этой области должен опираться на поиск разумных компромиссов, учитывая разнонаправленность интересов и наличие разных возможных вариантов. В этом случае главное — не поддаваться давлению тех, кто сегодня заинтересован в сохранении сложившейся ситуации. Об этом напоминают уроки прошлого.

Литература

1. *Гринспен А.* Эпоха потрясений: проблемы и перспективы мировой финансовой системы / Пер с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.
2. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриально общество. М., 1969.
3. *Кейнс Дж. М.* Избранные произведения. М., 1993.
4. *Мэлони М.* Руководство по инвестированию в золото и серебро. М., 2009.
5. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016.
6. *Рязанов В.Т.* Теория неоиндустриального общества Гэлбрейта: глобальная финансовая кризис или новая технологическая революция? // Гэлбрейт: возвращение / Под ред. С.Д. Бодрунова. М., 2017.
7. *Butler J.* The Golden Revolution: How to Prepare for the Coming Global Gold Standard. Hardcover, 2012.
8. A Retrospective on the Bretton Woods System: Lessons for International Monetary Reform / Bordo M.D., Eichengreen B. (eds.). Chicago, 1993.
9. *Rickards J.* The new case for Gold. N. Y., 2016.
10. *Sorokin P.A.* Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. № 1. P. 143—176.
11. *Triffin R.* Gold and the Dollar Crisis. New Haven, 1988.
12. <http://webeconomy.ru/index.php?newsid=3467&page=cat&type=news>.

13. http://goldomania.ru/menu_002_010.html.
14. <http://www.mckinsey.com/global>.

References

1. *Grinspen A.* EHpokha potryasenij: problemy i perspektivy mirovoj finansovoj sistemy / Per s angl. M.: Al'pina Biznes Buks, 2008.
2. *Gehlbrejt Dzh.K.* Novoe industrial'no obshhestvo. M., 1969.
3. *Kejns Dzh. M.* Izbrannye proizvedeniya. M., 1993.
4. *Mehloni M.* Rukovodstvo po investirovaniyu v zoloto i srebro. M., 2009.
5. *Ryazanov V.T.* (Ne)Real'nyj kapitalizm. Politehkonomiya krizisa i ego posledstviy dlya mirovogo khozyajstva i Rossii. M., 2016.
6. *Ryazanov V.T.* Teoriya neoindustrial'nogo obshhestva Gehlbrejta: global'naya finansokratiya ili novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya? // Gehlbrejt: vozvrashhenie / Pod red. S.D. Bodrunova. M., 2017.

А.А. ГРИЦЕНКО

Концепция разделенно-совместного мира как методологическая основа пан-европейского компромисса

Аннотация. Показана необходимость учета в решении актуальных социально-экономических проблем фундаментальных закономерностей общественного развития. Пан-европейский компромисс охарактеризован как объективно обусловленная, нуждающаяся в субъективном осознании и практическом воплощении форма осуществления и разрешения противоречий совместно-разделенного мира.

Ключевые слова: разделенно-совместный мир, противоречия, компромисс, воспроизводство.

Abstract. The necessity of taking into account the fundamental regularities of social development in solving urgent socio-economic problems is shown. The pan-European compromise is characterized as an objectively conditioned, requiring subjective realization and practical embodiment form of actualization and resolution of jointly divided world contradictions.

Key words: divided-joint world, contradictions, compromise, reproduction.

УДК 33, 32
ББК 65

Подходы к решению актуальных общественных проблем всегда должны соответствовать фундаментальным законам общественного развития. В ином случае они будут продуцировать решения, не способные стать действенным ответом на вызовы времени. Основным источником общественно-экономического развития является внутренняя противоречивость совместно-разделенного труда как исходного экономического отношения, из которого развились, с одной стороны, многообразие современных видов труда и его продуктов, с другой — способы их комбинации и соединения [1, 323—324]. Наиболее важные исторические структурные формы противоречивого единства отношений совместности и разделенности это: 1) соотношение рынка (как воплощения развития разделения труда и основанного на нем обмена) и государства (как представителя совместных интересов всех членов общества как целого); 2) соотношение рынка и фирмы внутри системы рыночных отношений, где фирма представляет отношения совместности, а рынок — разделенности; 3) соотношение государства и гражданского общества, где первое представляет отношения совместности, общности, а второе — разделенности. При этом надо иметь в виду, что отношения разделенности и совместности находятся в рефлексивном единстве. Они не могут быть отделены друг от друга, но каждое может стать относительно самостоятельным, включив в себя другое, как свой момент.

Например, рынок как результат разделения труда приводит к взаимной пользе агентов, что хорошо показано еще А. Смитом («невидимая рука») [5]. Отношения совместности (достижение общих интересов) здесь присутствуют, но не как основание, а как производный момент. Рынок всегда остается механизмом согласования частных интересов, а не представления общих. Государство же, в отличие от этого, представляет общие интересы, в которых частные интересы обобщены и «сняты» (термин Г. Гегеля) [1, 168—169].

Интегральной формой движения и разрешения этих противоречий является соотношение глобализации, представленной транснациональными корпорациями и институтами, воплощающими современный уровень развития отношений совместности, и локализацией, представленной национальными государствами, воплощающими наиболее значимый институт исторического развития отношений разделенности. Это соотношение является развернутой исторической

формой проявления внутренней противоречивости совместно-разделенного труда. В настоящее время оно представляет собой основное противоречие современной эпохи: противоречие между глобализацией, развивающейся со стороны совместности и реализующейся посредством информационно-технологических и финансово-экономических механизмов, и локализацией, развивающейся со стороны разделенности и реализующейся в государственно-территориальных формах размещения материальных и трудовых ресурсов, не способных перемещаться в пространстве со скоростью информации и финансовых потоков.

Это противоречие является основным источником как мировых, так и европейских проблем. Формой разрешения этого противоречия является нахождение опосредствующих звеньев, через которые противоречие одновременно осуществляется и разрешается. Примером такого способа разрешения противоречий могут служить деньги в качестве опосредствующего звена в товарообмене, через которое осуществляется и разрешается противоречие между потребительной стоимостью товара и его стоимостью [3, 80]; государство как опосредствующее звено в разрешении противоречия между общими и частными интересами членов общества; эллипсис как форма одновременного удаления и приближения в точке, являющейся его центром, и т. д.

Неолиберальная политика и деятельность транснациональных корпораций привели к тому, что крупные социально-экономические дисбалансы возникли не только в более слабых странах, но и в развитых, которые стали терять промышленные предприятия и рабочие места, сосредоточивая свое внимание преимущественно на финансовом секторе [6]. Против финансовых элит и правящей верхушки теперь активно выступают не только в более бедных странах, но и в развитых. Это стало важным фактором, обусловившим победу Трампа в США.

Проблемы Европейского союза также стали результатом обострения противоречий, внутренне присущих процессам интеграции и глобализации, имеющим всегда своей иной стороной локализационные процессы. Своевременно не были осознаны закономерная противоречивость этих процессов, необходимость постоянной работы над поиском адекватных практических форм разрешения обостряющихся противоречий.

Введение единой денежной единицы для стран еврозоны явилось мощным интеграционным шагом, открывающим огромные возможности, но одновременно и создающим большие риски. Единая валюта лишает национальные государства сразу двух важнейших инструментов влияния на экономическую ситуацию: монетарной и ва-

лютно-курсовой политики. Те проблемы, которые раньше постепенно решались посредством инфляции и девальвации, теперь могут решаться только за счет наращивания внутреннего и внешнего долга. Если страны находятся примерно на одном уровне развития и имеют примерно одинаковую конкурентоспособность, то это не представляет опасности, так как долговые обязательства взаимно балансируются. Но если уровень развития некоторых стран является более низким, то начинают накапливаться долговые проблемы, приводящие в конечном счете к финансовым и экономическим кризисам, что особенно отчетливо проявилось в последнее время.

Учитывая это, Европейскому союзу необходимо было вести более сдержанную политику в отношении своего расширения, более строго придерживаться своих же собственных Маастрихтских критериев конвергенции [7] и разрабатывать механизмы сближения уровней развития и сглаживания связанных с этим противоречий. А поскольку эти процессы связаны не только с движением финансовых ресурсов, но и пространственной локализацией производств и рабочей силы, постольку это неизбежно приводит к необходимости координации всех составляющих экономической политики (в том числе бюджетной, социальной, промышленной, миграционной и т. д.), что для более слабых стран реально означает в определенной степени подчинение более сильным странам и порождает политические противоречия. К этому следует добавить противоречия цивилизационно-культурного, ментального, поведенческого характера, которые неизбежно стали играть более заметную роль в связи с миграционными процессами и в ряде случаев приобрели конфликтные формы.

Решение о выходе из ЕС Великобритании, усиливающиеся центробежные тенденции в европейских странах и в мире в целом, растущий разрыв между богатыми и бедными странами, различными слоями населения, деградация некоторых регионов, борьба бизнеса за экономическое пространство, радикализация политической борьбы, появление террористических группировок и т. д. — все это и многое другое лишь различные законные и незаконные, временные и постоянные, более общие и частные формы проявления противоречия разделенности и совместности, глобализации и локализации. В пределе — это развернутая характеристика разделенно-совместного мира. И он должен быть понят в качестве такового, чтобы действия по преобразованию мира были адекватны его сущности и приводили к желаемым, а не противоположным результатам, как это часто происходит в настоящее время.

Задача состоит в том, чтобы в каждой точке экономического пространства найти форму совмещенности, единства отдельных (частных) и совместных (общих) интересов, взаимного перехода совместного и разделенного существования. Организационно-политической формой такого решения является компромисс. Именно он дает возможность согласования интересов, преодоления конфликтной формы проявления естественных противоречий и нахождения способов их движения и разрешения. Но для этого необходимы концептуальное осознание специфики проблемы и методологическая ориентация на достижение не победы, а компромисса. В компромиссе частные интересы корректируются до их соединения в общем интересе. Таким образом достигается единство общего и частного и становится возможным их гармоническое развитие.

Если обобщенно выразить приведенные в начале статьи наиболее важные структурные взаимодействия противоречивого единства отношений совместности и разделенности в субъектной форме, то получится треугольник: бизнес — гражданское общество — государство. Именно в этом треугольнике необходимо искать компромиссы как на национальном, так и на международном уровне.

Поскольку глобализация в своем развитии превысила меру своего оптимального соотношения с локализацией, постольку неизбежно будет определенный откат назад к формам протекционистской защиты своих экономических интересов, усиления самостоятельности структурных звеньев различных объединений и т. д. Однако это нельзя воспринимать как конец глобализации и переход к протекционизму. Это — лишь коррекция соотношения, поиск более оптимальных форм, хотя это может привести к снижению темпов развития мировой экономики с более глубокими локальными кризисами.

Какими же могут быть конкретные формы поиска оптимальных форм соотношения разделенности и совместности, частных и общих интересов, локализации и глобализации? В решении этих вопросов необходимо учесть также необходимость обеспечения условий стабильности существования территориальных структур в условиях повышающихся рисков действия дестабилизирующих факторов. Это по-новому высвечивает проблему соотношения экономической эффективности и социальной справедливости, эквивалентности и реципрокности, рациональности и этичности, прав человека и общности.

В условиях глобализации господствующее значение имеют воспроизводственные циклы транснациональных корпораций, вступающие в противоречия с воспроизводственными циклами национальных экономик. Для одних экономик это означает усиление своего могуще-

ства за счет различий в качественных характеристиках уровней развития, для других оборачивается дефицитами торговых и платежных балансов, относительным снижением конкурентоспособности, для третьих — деградацией развития некоторых регионов и обострением внутренних социально-экономических противоречий, дефолтами, кризисами и даже войнами. Для разрешения этого противоречия необходимо согласование глобального и локальных воспроизводственных циклов на всех уровнях, начиная с самой крупной транснациональной корпорации и заканчивая населенным пунктом самой бедной страны. Несогласованность этих циклов рождает неконтролируемые миграционные потоки трудовых, материальных и финансовых ресурсов, что порождает кризисные явления различного характера.

Необходимо также иметь в виду, что общей закономерностью глобализации является возрастание неравномерности уплотнения экономического пространства-времени путем концентрации богатства в наиболее развитых странах. Чем более развита страна, тем больше она притягивает к себе человеческие и финансовые ресурсы. И наоборот, чем менее развита страна, тем больше сужаются ее возможности расширенного воспроизводства и повышения его качества. Развитие одних осуществляется за счет других. При этом развитые страны формально ничего плохого для менее развитых стран не делают. Наоборот, они пытаются даже как-то помогать им. А менее развитые страны проводят достаточно цивилизованную и либеральную политику, реально их обескровливающую.

В действительности же происходит неэквивалентный обмен за счет неконкурентного ценообразования, имплицитного присвоения антиципированного дохода развитыми странами при иммиграции высококвалифицированных специалистов и вообще рабочей силы более высокого качества, эмиссионного дохода эмитентов мировой валюты и т. д. Закономерной тенденцией этого процесса является возрастание разрывов в богатстве, технологиях, качестве работников, жизненных уровней и пр.

Но есть и противоположная тенденция, заключающаяся в переводе производств в страны с более низкими трудовыми и институциональными издержками, что ослабляет и модифицирует действие основополагающей тенденции, но не отменяет ее. Ясно, что такая тенденция не может осуществляться безгранично. Она имеет свои экономические, социальные, политические, духовно-культурные и иные пределы. Экономические пределы основываются на относительном сужении внешних рынков, социальные — на возрастании потенциала социальной конфликтности, политические — на консолидации политического

противодействия внешней экспансии, духовно-культурные — на усилении противопоставления ценностей и т. д. Возрастание рисков дестабилизации международных экономических отношений также актуализирует проблему национальных воспроизводственных циклов.

Ключевым ответом на обостряющиеся противоречия является восстановление приоритетности сохранения национальных воспроизводственных комплексов даже за счет частичной потери эффективности. Это означает, что все базовые товары, потребление которых обеспечивает нормальную жизнедеятельность людей, должны производиться преимущественно национальной экономикой. Например, с такой точки зрения венграм целесообразнее потреблять сладкий перец, произведенный в Венгрии, а не в Нидерландах, если даже издержки производства венгерского перца выше. Международная торговля должна не подрывать основы национальных хозяйственных комплексов, а дополнять их. Это можно сформулировать и так: в основе решения этих проблем должны лежать не чисто экономические подходы с их принципами рациональности и эффективности, а хозяйственные, отдающие приоритет не рациональности и эффективности (хотя они тоже не исключаются), а целостности воспроизводства хозяйственной жизни. Это те принципы, которые развивает философия хозяйства в отличие от экономической науки [4].

В общем виде проблема заключается в том, чтобы найти компромиссные формы совмещения локальных (частных) и глобальных (общих) интересов, объективно заключающихся в воспроизводстве субъектности их носителей. Более конкретно механизм нахождения компромисса в современных условиях включает: 1) осознание своих собственных интересов и направление деятельности на их реализацию (интровертность); 2) понимание того, что свои собственные интересы нельзя решить, замкнувшись в своих границах, — необходима рациональная включенность в мирохозяйственные связи, помогающая решать собственные проблемы (инклюзивность); 3) решение стоящих перед обществом задач должно основываться на инновационных подходах (инновационность). Таким образом, политика, направленная на поиск оптимального соотношения общности и разделенности и достижение в этом отношении компромисса, должна соединять в себе интровертность, инклюзивность и инновационность.

На такой путь уже встали Великобритания, оформляя свой выход из ЕС, США с приходом на пост президента Трампа, еще раньше Россия, заявившая о своих собственных интересах и в то же время постоянно и инновационно ищущая пути международного сотрудничества. Такие тенденции все более отчетливо оформляются в других ев-

ропейских и неевропейских странах. Такой подход применим и к проблеме Большой Европы от Лиссабона до Владивостока. На первый взгляд кажется, что в связи с санкциями, ухудшением отношений ЕС с Россией проблема Большой Европы отодвигается на задний план, деактуализируется. Но это лишь внешняя видимость. В действительности идут более глубокие процессы, формирующие единое информационно-экономическое пространство, связывающее отдельных людей, их группы, фирмы, объединения и т. д. в глобальные финансово-экономические сети, независимо от национальных границ. И эти процессы будут заставлять преодолевать конфронтационные формы взаимодействия, искать компромиссы и приближаться к единому, но разумно дифференцированному социально-экономическому пространству.

Литература

1. Гегель Г. Наука логики. Т. 1. М., 1970.
2. Гриценко А. Институциональная политическая экономия: предмет, методология, содержание. Saarbrücken (Deutschland), 2014.
3. Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1973.
4. Осипов Ю.М. Восхождение. Четверть века в походе за истиной. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015. М., 2015.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2016.
6. U.S. trade policy — time to start over // Report by Jeff Faux. 2016. November 30. // <http://www.epi.org/publication/u-s-trade-policy-time-to-start-over/>.
7. <http://www.euro.lt/ru/o-ebro/maastrichtskie-kriterii>.

References

1. Gegel' G. Nauka logiki. T. 1. M., 1970.
2. Gritsenko A. Institutsional'naya politicheskaya ehkonomiya: predmet, metodologiya, sodержanie. Saarbrücken (Deutschland), 2014.
3. Marks K. Kapital. T. 1. M., 1973.
4. Osipov YU.M. Voskhozhdenie. CHetvert' veka v pokhode za istinoj. 25 let TSentru obshhestvennykh nauk pri MGU. 1990—2015. M., 2015.
5. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. M., 2016.

Е.А. ГРИЦЕНКО

Верховенство права как компромисс между свободой и равенством

Аннотация. Верховенство права рассматривается как компромисс между свободой и равенством, которые являются противоположными, но равнозначными ценностями. В пан-европейском контексте спрос на верховенство права предъявляется элитой. Конфликт между элитой и народом — это противоречие между законом, который устанавливается государством, и правом народа на изменение элиты и власти в государстве.

Ключевые слова: верховенство права, совместно-разделенная деятельность, компромисс свободы и равенства, спрос на верховенство права, транзакционные издержки.

Abstract. The rule of law as a compromise between freedom and equality, opposing but equivalent values is considered. In the pan-European context, the demand of the rule of law is presented by the elite. The conflict between the elite and the people is a contradiction between the law that is established by the state and the right of the people to change the elite and power in the state.

Key words: rule of law, divided-joint activity, compromise of freedom and equality, demand of the rule of law, transaction costs.

УДК 33, 34
ББК 67

Верховенство права в современном обществе является одним из базовых критериев цивилизационного развития. Однако его смысл и содержание остаются зыбкими и размытыми. На конференции «Верховенство права как практическая концепция» (2012) [9] состоялась дискуссия о философских основаниях этого концепта. Является ли верховенство права формальным или субстантивным явлением? Построено ли содержание верховенства права на позитивизме или интерпретивизме? Можно ли описать верховенство права через синтез демократизма и уважение прав личности? Участники конференции пришли к выводу: нет необходимости в точном определении понятия «верховенство закона», а вполне достаточно и полезно описывать это явление через присущие ему элементы, пригодные в управлении обществом. «Мы призываем государства управлять обществом на основе

принципа верховенства права» — таков политический лозунг конференции. Для контроля за качеством применения принципа верховенства права среди стран предложен специальный показатель — Rule of Law Index [9], состоящий из 44 расчетных показателей, которые объединены в основные параметры демократического устройства общества: уровень полномочий власти (Constraints on Government Powers), отсутствие коррупции во власти (Absence of Corruption), наличие порядка и безопасности (Order and Security), защита фундаментальных прав (Fundamental Rights), степень открытости власти (Regulatory Enforcement), состояние гражданского и уголовного правосудия (Civil and Criminal Justice).

Верховенство права рассматривается как один из ведущих принципов современного цивилизованного общества, при котором право принимается как основа взаимоотношений между субъектами общества. Право признается высшей ценностью общества, на которую ориентируются как отдельные люди, социальные группы, так и их организации, включая государство. Этот принцип определяет взаимоотношения гражданского общества и государства, формируя условия демократического устройства государственной власти. Через право происходит распределение пользы и потерь совместного проживания, критерием эффективности которого выступает справедливость, воспринимаемая и принимаемая каждым индивидуумом на морально-социальном уровне как равновесный обмен (благ, доходов, власти, безопасности, культуры и т. п.).

В самом общем представлении принцип верховенства права состоит в признании приоритета права над политикой, главенствующей роли права в деятельности государства. Верховенство права формирует матрицу законодательно-правовых институтов, обеспечивающих нормальное функционирование общества, его стабильность и развитие.

И все же, можно ли говорить о верховенстве права, не вникнув в сущность самого понятия права? А если право — это признанная и санкционированная государством норма поведения (позитивизм), то речь идет о верховенстве закона. И тогда любое устройство общества (монархия, автократия и др.) действует на основе верховенства права. А если право — морально-этическое требование личности и общества к своим членам (интерпретивизм), то верховенство права превращается в категорический императив Канта.

Современные тенденции глобализации на основе возникновения транснациональных, международных и наднациональных прав, на повестку дня ставят новые вопросы: должны ли эти нормы рассматри-

ваться в качестве источников права в национальной правовой системе? А новые идеи и ценности, не ограничивают ли они суверенитет народа и не навязывают ли свои модели общественного устройства?

Монополию на исследование верховенства права захватила правовая наука, которая выделяет предметно-практический (формально-функциональный) аспект, акцентируя основное внимание на конституционной природе верховенства права, административно-государственных требованиях к его реализации, соответствии международной практике защиты прав субъектов. Идея верховенства права высказана лауреатом Нобелевской премии по экономике Ф.А. Хайеком (юристом по базовому образованию), который сделал акцент на противоречии права и закона и вывел верховенство права в сферу частного права [5].

Юристы особо не хотят привлекать к анализу «своих» правовых явлений экономистов, что существенно снижает методологический потенциал анализа. Это, прежде всего, относится к понятию «права». Исторический, социологический, этический, религиозный подходы считаются вполне достаточными для понимания права. Юристов не смущает тот факт, что в основе возникновения любых социальных явлений лежат процессы хозяйственной жизни. Поскольку историко-первичной формой существования общества является хозяйственная жизнь, корневую систему верховенства права следует искать именно в ней. Хозяйственное и экономическое развитие общества всегда является результатом совместно-разделенной деятельности. Разделенный характер трудовой деятельности означает, что обособленный субъект самостоятельно использует свои собственные возможности, способности (физические и интеллектуальные) и свободно определяет направление их использования. В этом аспекте трудовая деятельность имеет свободный характер, поскольку определяется собственной волей, желаниями и потребностями отдельного индивида. Естественные возможности, которые даны людям природой, оформляются в естественные права (или естественную свободу) человека. Естественные права невозможно ввести или запретить никакими конституциями или законами. В общем значении — это еще не социальные права, а только их абстрактные моменты. По мере развития общественного производства в сферу естественных ресурсов человека попадают орудия труда, которые воспринимаются человеком как продолжение своего тела. Поэтому права человека, которые возникают на основе природных возможностей, становятся реальными на основе возникновения права собственности на средства производства, обеспечивающего естествен-

но-экономическую свободу человека. На основе права собственности возникает реальная экономическая свобода человека.

Обособление трудовой деятельности на основе разделения труда одновременно не только рождает автономность и свободу, но и формирует зависимость человека от других, что означает общественный характер его труда. Общественный характер труда предполагает выполнение тех трудовых функций, которые обеспечивают целостность общественного результата. А это в свою очередь приводит к взаимозависимости людей. И в этой взаимозависимости они становятся равными друг другу. В экономической жизни реальный результат достигается лишь при условии правильного (адекватного) соединения свободы (обособленности, независимости) каждого человека и его зависимости, которая является взаимной и, следовательно, в этом отношении равной. Нормальное, эффективное движение экономики может осуществляться только при условии постоянного воспроизведения единства свободы и зависимости. Верховенство права складывается в результате исторически длительных общественных конфликтов и поддерживается постоянными усилиями заинтересованных субъектов и их объединениями [1, 266].

Объективная логика верховенства права формируется на закономерностях развития экономических механизмов. В условиях натурального хозяйства результат хозяйственной деятельности имеет конкретно-определенный характер, что означает непосредственную связь между субъектом и его продуктом. В этом контексте движение продукта в натуральном хозяйстве осуществляется под контролем тех, кто имеет власть над природными ресурсами как основание для насилия над другими людьми [5, 124]. Становление экономического порядка рыночно-капиталистического типа предполагает, что результат хозяйственной деятельности отчуждается от конкретно-определенного субъекта и приобретает обособленную стоимостную форму. В товарной экономике стоимость становится идеальным алгоритмом соединения свободы и зависимости производителей. Рождаемые на основе стоимости отчужденные формы хозяйственной деятельности (капитал, прибавочная стоимость, прибыль и т. п.) требуют совсем других социальных институтов, которые должны четко формировать, закреплять и защищать правомочия тех субъектов, которые владеют этими ресурсами. «Никакое общинное, крестьянское, рабовладельческое, феодальное, государственное, ремесленное хозяйство никакой политэкономии никогда не рождало, ее породил капитализм, он же и самый последовательный экономизм, совершивший в Европе экономическую революцию и создавший в ней же экономическую цивилизацию» [4, 55].

Это приводит к тому, что естественные права (right), которые не имеют общественно-гарантированного характера движения, преобразуются в отчужденные от конкретных индивидов способы регламентирования деятельности всех (law). Право как социальный институт воспроизводит и защищает меру (алгоритм) соединения свободы и зависимости (равенства) хозяйствующих субъектов. Совсем не случайно принцип «rule of law» (переведенный как верховенство права) появляется в контексте английского (прецедентного) права в XVII в., когда возникает конфликт между неопределенными и достаточно произвольными формами правления королевской власти и заранее четко определенными нормами парламента, который защищает интересы рождающейся буржуазии, оперирующей отчужденными экономическими формами. В этом контексте можно понять выражение Ф.А. Хайека, что право — это порядок свободы, упорядоченная свобода. Посредством права свобода транслируется в конкретные юридические права и свободы. Право поэтому — условие и основание свободы, а свобода — цель права [6]. Принцип верховенства права означает, что общество (а не государство) разрабатывает систему норм и правил обеспечения справедливой меры соединения свободы и зависимости (равенства). Законодательная система может только обеспечить (хорошо или плохо) нормативно-процедурный алгоритм реализации права как меры свободы и равенства. Эта мера не имеет заранее рассчитанных количественных параметров, а находится в постоянном историческом поиске, критерием истинности которой становится восприятие общества как справедливого (соответствующего праву) или несправедливого — в котором нарушена мера упорядоченной свободы.

В контексте европейских ценностей верховенство права означает формально равные возможности (права), обеспечивающие наиболее приемлемые для общества и его субъектов способы их свободного развития. Модель общества, построенного на принципе верховенства права, зависит от субъектов, которые формируют спрос на него. Верховенство права удовлетворяет потребность как общества в целом, так и отдельных его членов в присвоении таких фундаментальных благ, как жизнь, свобода, автономность, собственность, безопасность, шанс на самореализацию и т. п. Наличие потребности реализуется в интересе, который стимулирует к активным действиям. Субъектом верховенства права становятся те социальные слои, которые более всего заинтересованы в установлении устойчивого правопорядка, на основе которого можно удовлетворить как свои, так и общественные интересы в целом. Если в обычном смысле спрос — это платежеспособный механизм реализации потребности, то спрос на верховенство права определяется

размером тех трансакционных затрат (денег, времени, усилий, терпения, солидарности), которые субъекты готовы и могут задействовать для удовлетворения своих потребностей.

В исторической ретроспективе интерес к существованию верховенства права реализуют те социальные слои, которым мешают существующие правила и нормы общественного поведения. Исторически первым таким субъектом стал собственник капитала, основной интерес которого заключается в обеспечении условий для сохранения своей собственности и создания условий для ее самовозрастания (путем инвестирования прибавочной стоимости). Между двумя координатами поведения собственника капитала — сохранения собственности и возрастания капитала — существует противоречие, которое по мере увеличения размера капитала приводит к росту неопределенности и рисков его функционирования в условиях рыночной экономики. Снятие этого противоречия осуществляется в деятельности предпринимателя, который, по словам Й. Шумпетера, становится революционным классом, поскольку его основные черты — опора на собственные силы, предпочтение риска, ценность собственной независимости, ориентация на собственный интеллект, потребность в достижении успеха, снижение ценности денег и стремление к нововведениям [7] — более соответствуют требованиям рыночной хозяйственной жизни и рождают потребность в принципиально других правилах и нормах общественного регулирования.

Совсем другие условия возникают при формировании постиндустриального, информационного, инновационного, сетевого общества, которое рождает новых субъектов спроса на верховенство права. Современный этап экономического развития построен на углублении не только хозяйственных, производственных, а прежде всего всей совокупности социальных связей, которые формируют социальный капитал как ресурс получения выгоды. В отличие от вещественных форм капитала социальный капитал не имеет чувственной формы и создается свободными субъектами, индивидуальные выгоды которых зависят от ожиданий, доверия и обязательств, обусловленных качеством социальной среды [2]. Поскольку социальный капитал состоит из социальных контрактов, совокупности социальных норм и возможностей социального обмена, его эффективное функционирование зависит от степени свободы каждого участника, возможностей предвидения будущего развития, предсказуемости поведения других участников контрактов, доверия всех участников социальных контрактов. Многообразие и скорость возникающих событий не позволяют субъектам социального капитала принимать решения на основе ожидания от государ-

ства принятия очередной программы действий, целесообразность которых должна быть выверена позитивной или негативной социальной практикой.

В контексте европейских стандартов эффективный спрос на верховенство права предъявляет элита (относительно обособленный слой гражданского истеблишмента), управляющая экономическими, политическими, культурными, религиозными ресурсами общества. Дееспособная элита формируется на основе достаточно большой численности среднего класса, относительно удовлетворенного условиями своей жизни (уровнем потребления, возможностями реализовать свои способности и т. п.), что делает его наиболее заинтересованным в обеспечении стабильности и предсказуемости своего существования. На таком социально-экономическом базисе национальная элита способна предъявить спрос на верховенство права, поскольку обладает необходимым уровнем способностей, знаний, чтобы адекватно анализировать ситуацию, видеть перспективы развития, прогнозировать и просчитывать последствия введенных норм права.

В трансформационных обществах элита носит дифференцированный по уровню состояния, неоднородный по интересам, противоречивый по происхождению характер, что не позволяет ей формировать долгосрочный и устойчивый спрос на эффективный приоритет права. Именно поэтому потребность в верховенстве права существенно превышает спрос на него, т. е. монетизированную потребность, создающую возможность реально отстаивать интересы граждан в отношении с государством, попирающим естественные права граждан. В этих условиях субъектами спроса на верховенство права становятся, прежде всего, различные объединения (союзы промышленников, предпринимателей, профессиональные союзы, общества потребителей, банковские ассоциации и иные общественные организации). Они способны нести транзакционные затраты на обеспечение верховенства права, создавать организационные механизмы, позволяющие их минимизировать путем легального лоббирования, ускорения обработки информации, уменьшения потерь при продвижении своих интересов в органах власти на основе высокой репутации и доверия.

Конфликт между элитами и народом, особенно отчетливо проявившийся на президентских выборах в США и интенсивно развивающийся в Европейском союзе, это конфликт между правом, представленным государством и связанной с ним элитой, и правом народа на изменения элиты и полномочий государства. Здесь также необходимо находить компромисс. И его достижение в Европе не будет легкой задачей. Основным его содержанием станет формирование обновленных

правовых механизмов, обеспечивающих упорядоченную и гарантированную свободу человека.

Литература.

1. Верховенство права как фактор экономики: Межд. кол. Монография / Под ред. Е.В. Новиковой и др. М.: Мысль, 2013. 673 с.
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. 1987 // [http://skabber.nir.com.ua/files/http://skabber.nir.com.ua/files/Социальный капитал.pdf](http://skabber.nir.com.ua/files/http://skabber.nir.com.ua/files/Социальный_капитал.pdf).
3. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. института Гайдара. 2011. 480 с.
4. Осипов Ю.М. Восхождение. Четверть века в походе за истиной. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015. М.: ТЕИС, 2015. 236 с.
5. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2010. 320 с.
6. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. М., 2006.
7. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
8. Conference on «The Rule of Law as A Practical Concept» Lancaster House, London, reports // [http://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdffile=cdl\(2013\)016](http://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdffile=cdl(2013)016).
9. Rule of Law Index // <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>.

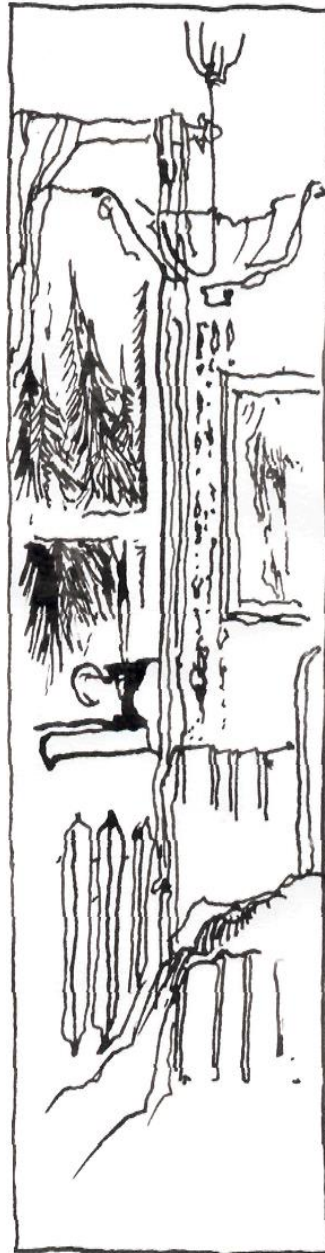
References

1. Verhovenstvo prava kak faktor ekonomiki. M.: Myisl, 2013. 673 s.
2. Koulman Dj. Kapital sotsialnyiy i chelovecheskiy. 1987 // [http://skabber.nir.com.ua/files/Social capital.pdf](http://skabber.nir.com.ua/files/Social_capital.pdf).
3. Osipov YU.M. Voshojdenie. CHetvert veka v pohode za istinoy. M.: TEIS, 2015. 236 s.
4. Nort D. Nasilie i sotsialnyie poryadki. Kontseptualnyie ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva. M.: Izd. instituta Gaydara, 2011. 480 s.
5. KHajek F.A. Doroga k rabstvu. M.: AST, 2010. 320 s.

6. *KHajek F.A.* Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki / Per. s angl. M., 2006.

7. *SHumpeter J.A.* Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. M. Progress, 1982.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

29 марта 2017 г. на экономическом факультете МГУ по инициативе кафедры политической экономии прошла Международная научная конференция «Современная российская экономика: кейнсианский вариант выхода из стагнации», в которой в качестве докладчиков приняли участие сотрудники лаборатории философии хозяйства — г.н.с., д.э.н. Ю.М. Осипов (заведующий лабораторией), н.с., к.с.-х.н. С.С. Нипа, н.с. А.А. Антропов, н.с. Т.С. Сухина, н.с. к.ф.н. С.С. Мерзляков. Ниже публикуется краткое изложение доклада Ю.М. Осипова.

Ю.М. ОСИПОВ

Дж.М. Кейнс как провозвестник управляемой экономики

Аннотация. Если правильно понимать учение и практический вклад Дж.М. Кейнса, ничего при этом не умаляя и не преувеличивая, то Россия может извлечь для себя немалую пользу из кейнсианского учения — как для экономической идеологии, так и для государственной экономической практики. Высказана необходимость управления национальной экономикой из государственно-корпоративного центра, не лишаящего при этом фундаментальной поведенческой свободы экономических субъектов

Ключевые слова: Дж.М. Кейнс, кейнсианство, экономической кризис, экономический дирижизм, национальная экономика, экономическая свобода.

Abstract. If we understand the teaching and practical contribution of J.M. Keynes correctly, without belittling or exaggerating anything, Russia can derive considerable benefit from the Keynesian doctrine, both for economic ideology and for state economic practice. The article describes the need for manage the national economy from the state-corporate center, which does not deprive, of course, the fundamental behavioral freedom of economic entities

Key words: J.M. Keynes, Keynesianism, economic crisis, economic dirigism, national economy, economic freedom.

Дж.М. Кейнсу повезло оказаться как мыслителю и эксперту в нужное время и в нужном месте, как и оказаться под опекой заинтересованных в нем и его учении влиятельных кругов. Как никак, но Кейнсу нельзя отказать в подтверждении хронической кризисности эконо-

мики XX в. и утверждении необходимости ее внешней управленческой и той же финансовой поддержки. Нет, Кейнс не был сторонником целостного управления экономикой, даже в его дирижистском (Франция) варианте, не говоря о социально-консолидированном немецком (ФРГ). Даже США выходили из Великой депрессии 1930-х гг. не в соответствии со слишком уж «либеральной» позицией Кейнса.

Однако Кейнс вошел в историю экономической науки и практики не просто как сторонник государственной поддержки кризисного капиталистического накопления, но и как мыслитель, обосновавший, хотя и не первый и не самый, может быть, «правильный», сам факт необходимости достаточного систематического вмешательства в экономику со стороны внешней для нее управляющей силы, причем по своей исходной природе, и вовсе не такой уж экономической, то бишь государственной. Что касается кейнсианских рецептов воздействия на экономику, то они либо где-то и как-то применялись, либо применялись не полностью, либо вообще не применялись, но в конце концов вошли, может, существенно и подправленные, в практику того же американского долларо-финансового глобализма, правда, не обеспечив в итоге преодоления хронической кризисности мировой экономики.

Современная Россия не может в полной мере следовать кейнсианским рецептам, ибо, будучи зависимой от глобальной мировой экономики и соответствующего ей мирового финансизма, не может рассчитывать на выгоду от стимулирования спроса, инфляции или того же бюджетного дефицита, а потому перед Россией стоит не что иное, как предварительная национализация своей экономики в аспекте овладения не собственностью на предприятия и банки, а собственностью на *управление национальной экономикой* при сохранении рамочной свободы экономических агентов. России потребно наличие и действие *государственно-корпоративный комплекса*, ведущего национальную экономику в согласии с ориентирующимися на него свободными экономическим субъектами. Очень неплохо тут обратить внимание на опыт так называемого «социального рыночного хозяйства», имевший место в ФРГ (Л. Эрхард и др.). Разумеется, россияне не немцы, которые смогли плотно и целиком самоорганизоваться в ответственный момент своего послевоенного возрождения, но ведь и у России ныне весьма и весьма ответственный момент, требующий вполне уже и мобилизационной общенациональной консолидации. Кое-что у нас в этом направлении уже делается, хотя бы в «оборонном ядре» российской экономики, но это кое-что требует безусловного развития и укрепления.

Пора понять, что не может быть полноценной экономики ни на основе лишь самоуправляющегося-де рынка («рыночной экономики»), ни на основе и в рамках тотального плана («плановой экономики»). Планы и рынки в экономике есть, но никак не в их самодовлеющей над целостностью позиции. Эффективная экономика может быть только в виде управляемой из центра свободной экономики, когда экономическая свобода сочетается с центровским управлением экономическими макропроцессами. Не может быть ни полного подчинения субъектов управляющему центру, ни стихийного самоуправления субъектов. Тут вопрос некой взаимной меры, но ведь для ее поиска и поддержания как раз и существует практический опыт и субъективные воля, давление обстоятельств и им сопротивление, а затем, глядишь, и взаимное удовлетворение деятельных сторон.

Ничего нет страшного, на наш взгляд, и в некоторой национально-международной (региональной) экономической автаркии, если того требуют обстоятельства. Если отделять Россию от мира теми же санкциями, можно как и воевать с нею, то почему же России не воспользоваться в эпоху «гибридных войн» столь же «гибридной» автаркией, которой, как и «гибридных войн», формально вроде бы нет, но которая в реальности все-таки есть, совсем, между прочим, и не на словах.

* * *

4 апреля 2017 г. в Варшавском университете состоялась Международная научная конференция — VI польско-российский симпозиум «Возможность пан-европейского компромисса: политика, экономика, социум», в которой приняли участие: доктора наук Ю.М. Осипов, А.З. Новак (Варшава, Польша), А.А. Гриценко (Киев, Украина), М.В. Кулаков, В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург), Ю. Махари (Цюрих, Швейцария), Я. Пасечны (Варшава, Польша), Е.А. Гриценко (Харьков, Украина); кандидаты наук Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), И.П. Смирнов, Л. Юрчишин (Варшава, Польша), А. Пастула (Варшава, Польша), Т. Росяк (Варшава, Польша); научный сотрудник Т.С. Сухина и др.

Е.С. ЗОТОВА, Т.С. СУХИНА

**Возможен ли пан-европейский компромисс?
(дискуссия в Варшавском университете)**

Аннотация. Предлагается обзор выступлений на состоявшемся в апреле 2017 г. VI польско-российском научном симпозиуме «Возможности пан-европейского компромисса: политика, экономика, социум».

Ключевые слова: экономика, политика, социум, геополитика, геоэкономика, компромисс, пан-европейский компромисс.

Abstract. The article «Whether pan-European Compromise is Possible?» presents a review of reports on the VI Polish-Russian scientific symposium «Opportunities of pan-European Compromise: Policy, Economy, Society» which took place in April, 2017.

Key words: economy, policy, society, geopolitics, geoeconomy, compromise, pan-European compromise.

Организаторы состоявшейся в апреле 2017 г. в Варшавском университете — научный совет «Центр общественных наук МГУ» и факультет менеджмента Варшавского университета — международной научной конференции — VI польско-российского симпозиума «Возможность пан-европейского компромисса: политика, экономика, социум» сформировали обсуждаемые вопросы следующим образом: «Компромисс всегда лучше конфронтации. Сегодня Большая Европа от Атлантики до Урала, если не до Тихого океана, переживает немалое конфронтационное напряжение. Затруднено политическое и подорвано экономическое взаимодействие между Европейским союзом и Россией. Отсюда актуальность пан-европейского компромисса, способного покончить с эскалацией международной напряженности в Европе и перейти к взаимоуважительному существованию, политическому взаимопониманию и взаимовыгодному экономическому сотрудничеству европейских стран. Компромисс как основа для совместных научно-технологических, инфраструктурных и производственных проектов, а также интенсификации гражданских и культурных связей. Какими могут быть реальные условия для достижения пан-европейского компромисса, включая и взаимные уступки?».

Открывая конференцию, председатель научного совета «Центр общественных наук МГУ» профессор **Ю.М. Осипов** в докладе «Пан-европейский компромисс как насущная потребность» изложил свое видение поставленной проблемы¹.

В своем докладе «Компромиссы в экономике: возможности и ограничения» профессор **В.Т. Рязанов** (СПбГУ) отметил, что политика компромиссов представляет собой наиболее приемлемый способ разрешения сложных проблем развития в условиях разнородности мирохозяйственного устройства и несовпадения экономических интересов. Ее реализация обусловлена желанием и способностью политических и хозяйствующих игроков (государств) договариваться и принимать во внимание интересы участников переговорных процессов. В международной сфере такая политика предполагает выработку и согласование правил и процедур в экономическом взаимодействии государств.

Важно принимать во внимание исторические примеры несостоявшихся компромиссных решений в сфере международных экономических отношений. Как пример — обсуждение и принятие Бреттон-Вудского соглашения (1944), в котором вместо выдвигаемого компромиссного предложения о создании наднациональной резервной валюты эта роль оказалась закрепленной за американским долларом. Со временем недостатки такого решения сказались и продолжают оказывать негативное влияние на мирохозяйственные процессы, подчеркнул В.Т. Рязанов.

В докладе «Концепция разделяльно-совместного мира как методологическая основа пан-европейского компромисса» чл.-корр. НАН Украины **А.А. Гриценко** отметил, что подходы к решению актуальных проблем всегда должны соответствовать фундаментальным законам общественного развития. В ином случае они будут продуцировать решения, не способные стать действенным ответом на вызовы времени. По мнению автора доклада, основным источником общественно-экономического развития является внутренняя противоречивость совместно-разделенного труда, которая в процессе исторического развития превратилась в основное противоречие современной эпохи: противоречие между глобализацией, развивающейся со стороны совместности и реализующейся посредством информационно-технологических и финансово-экономических механизмов, и локализацией, развивающейся со стороны разделенности и реализующейся в государственно-

¹ См.: *Осипов Ю.М.* Социально-экономические компромиссы на повестке мирового дня // *Философия хозяйства*. 2017. № 3. С. 241—244.

территориальных формах размещения материальных и трудовых ресурсов, не способных перемещаться в пространстве со скоростью информации и финансовых потоков. Это противоречие является основным источником как мировых, так и европейских проблем. Организационно-политической формой разрешения этого противоречия является компромисс, который дает возможность согласования локальных и глобальных интересов, объективно заключающихся в воспроизводстве субъектности их носителей. В настоящее время центральной проблемой становится согласование воспроизводственных циклов транснациональных корпораций, вступающих в противоречия с воспроизводственными циклами национальных экономик. Механизм разрешения этого противоречия и нахождения компромисса в современных условиях включает: 1) осознание своих собственных интересов и направление деятельности на их реализацию (интровертность); 2) понимание того, что свои собственные интересы нельзя решить, замкнувшись в своих границах, необходима рациональная включенность в мирохозяйственные связи, помогающая решать собственные проблемы (исключивность); 3) решение стоящих перед обществом задач должно основываться на инновационных подходах (инновационность). Такой подход может стать основой разумной коррекции процессов дифференциации и интеграции пан-европейского социально-экономического пространства, заключил А.А. Гриценко.

Д.э.н. **Я. Пасечны** (заведующий лабораторией организационных нововведений и предпринимательства, факультет управления Варшавского университета) в докладе «Эволюция реструктуризационных стратегий в Польше — урок путем опыта» представил преобразования, происходившие в Польше за последние 30 лет в процессе реструктуризации. В докладе была показана эволюция этих процессов на фоне явлений, имевших место в польской экономике, и сделан вывод о том, что эволюция является эффектом процессов обучения, характерных для современных предпринимателей.

Согласно мнению профессора **М.В. Кулакова** (экономический факультет МГУ), современная Европа является примером противоречивых тенденций в ее развитии. С одной стороны, произошло расширение Европейского союза, с другой — брексит — наиболее серьезное противоречие в рамках еврозоны. Кредитно-денежную политику определяет Европейский центральный банк — наднациональный институт, а налогово-бюджетную — национальные правительства. Этот «первородный грех» не может быть снят автоматически. Еврозону ждут трудные времена для достижения гармонизированной налогово-бюджетной политики.

К.и.н. **И.П. Смирнов** (ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ) обосновал наступление «европейской весны» постглобализма как актуальными событиями в медиасфере и ссылками на исследовательскую литературу последних лет, так и анализом новых явлений в социальной и политической жизни европейских стран, говорящими о кризисе Европейского союза, глобалистского проекта и шире — онтологическом кризисе европейца.

Профессор **Ю. Махари** (Цюрих, Швейцария) выступил с докладом, посвященном вопросам управления. Чем является управление, о котором мы говорим? Что составляет суть управления, менеджмента — это чистая математика или способ мышления? По его мнению, основой основ является антиципация. На данный момент все концепции управления все-таки подводят нас, так как реальность весьма отличается от предвидения. То есть управление как область знания несовершенно. Для развития нужны достоверные оценки. Существует множество концепций стратегий развития. Оценивая цели и приоритеты, можно сформулировать, что мы стремимся к сплоченной Европе, при этом к солидарной поддержке бедных, значит, очень важен экономический контекст. Возникает вопрос: получится ли это? Смогут ли Греция, Португалия и Испания? К сожалению, однозначного ответа на это нет. Многое зависит от случая, и сейчас нет концепции, позволяющей успешно решить эти проблемы, заметил Ю. Махари.

Л. Юрчишин (к.с.н., аналитик Бюро исследований и анализов Польского института международных дел) представил в своем выступлении концепцию европейской политики Эммануэля Макрона, будущего президента Франции. Наиболее болезненными проблемами на данный момент являются кризисы в Евросоюзе и проблема брексита, поэтому трудно переоценить роль предстоящих выборов во Франции, а потом в Германии. Сейчас, когда Европейский союз стоит перед выбором: увеличивать или уменьшать степень интеграции, Макрон создал свою партию, в программе которой европейская политика, направленная на обновление объединенной Европы, более тесное сотрудничество во внешней и внутренней политике ЕС. Только более интегрированная Европа сможет ответить на ряд кризисов: миграционный, террористические угрозы, исламскую радикализацию, крайне правый популизм.

Программа Э. Макрона предполагает несколько аспектов выхода из кризиса: экономический, предусматривающий создание собственного бюджета еврозоны и введение должности министра финансов ЕС, и политический, в рамках которого планируется создание европейского фонда пропаганды, формирование общеевропейской ар-

мии, укрепление шенгенской зоны при помощи европейской пограничной охраны. Важной целью является обновление германско-французского тандема, предполагающее возврат к равноправным отношениям Франции и Германии, чему не способствует достаточно сложное, по сравнению с Германией, экономическое положение Франции.

Для Польши проект Макрона — это внутренний парадокс. С одной стороны, он для Польши не подходит, так как в стране нет евро, а с другой — Польша, несомненно, выиграет от усиления Евросоюза, заключил Л. Юрчишин.

Преподаватели факультета управления Варшавского университета к.э.н. **А. Постула** и к.э.н. **Т. Росяк** представили в своем докладе результаты исследования деятельности польских и зарубежных компаний, направленного на изучение трансформации бизнес-моделей на примере текстильной промышленности. Нулевой рост, старение общества, стратификация доходов, обеднение среднего класса — общие для всей Европы процессы. Мы видим смену поколений: современное поколение не похоже на предыдущие. Его представители не хотят иметь вещи, не собирают капитал, наиболее важным становится время, но при этом они требовательны, хотят индивидуальные продукты, их волнует экология, использование высоких технологий. Это отчасти обуславливает нулевой рост и создает условия для формирования новых бизнес-моделей, отвечающих потребностям времени.

Т.С. Сухина (научный сотрудник экономического факультета МГУ) в своем докладе отметила, что в сложившейся ситуации сотрудничества между Россией и Европейским союзом в области решения экологических проблем остается в общих интересах европейских стран и России, поэтому эффективное продолжение прагматичного и практического сотрудничества в области охраны окружающей среды и климата можно рассматривать как некоторый компромисс. В частности, тесная взаимосвязь экологического благополучия Северо-Запада России и Северных стран Европы, несмотря на сдерживающие факторы геополитического характера, является важным фактором для положительного решения вопроса о возобновлении экологического сотрудничества стран Северной Европы с российскими регионами.

Подводя итоги, профессор **А. Новак** (декан факультета управления ВУ) подчеркнул, что дискуссия необходима. Поставленные проблемы актуальны для всего мира, который изменился. Русские видят кризис в Европе, и он есть. Но европейцы прежде всего видят кризис в России. Кризис и там, и там. И признание этого тоже является компромиссом, и очень важно, что мы можем говорить об этом. Есть раз-

ные культуры. Для американцев гордость — это доход 10 тыс. долларов в месяц. В России преобладают другие ценности: духовность, независимость, культура и искусство. Европа неоднородна: в Южной и Восточной Европе ценности ближе к российским, а в Северной и Западной — другая философия жизни: работа, страхование, инвестиции и лишь потом поиск смыслов. Будем пытаться решать эти противоречия, обмениваться взглядами, достигать компромиссов. Проблемы есть разные. Пока будет стремление понять друг друга, все будет в порядке, заключил А. Новак.

* * *

18—19 апреля 2017 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась ежегодная научная конференция — Ломоносовские чтения—2017 «Потенциал экономической науки для развития России». В рамках конференции была проведена секция на тему «Наука, хозяйство, социум: взаимодействия и трансформации» (руководитель секции — профессор Ю.М. Осипов), на которой выступили доктора наук Ю.М. Осипов, М.Л. Альпидовская, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), О.В. Данилова, К.В. Молчанов, И.В. Пшеницын, С.С. Слепаков (Пятигорск), Н.И. Усик (СПб.), Л.Г. Чередниченко, И.Г. Шевченко, кандидаты наук А.В. Андреева (Ростов н/Д), О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, С.С. Нипа, Е.А. Сенаторова, Р.Е. Соколов, В.А. Ушанков (СПб.), Г.В. Фадейчева (Дубна), О.Р. Чепьюк (Н. Новгород), Т.Ю. Яковец, научные сотрудники А.А. Антропов, Т.С. Сухина, преподаватель И.А. Горюнов, специалист М.В. Барашкин, аспирант В.Н. Иванова.

19 апреля состоялся круглый стол «Российское обществоведение сегодня» с презентацией монографии С.Г. Кара-Мурзы «Российское обществоведение: становление, методология, кризис» (М., 2016), на котором выступили доктора наук С.Г. Кара-Мурза, Ю.М. Осипов, И.Р. Бугаян, И.В. Пшеницын, И.Г. Шевченко, кандидат наук Н.П. Недзвецкая, преподаватель И.А. Горюнов.

* * *

5 мая 2017 г. в г. Туле в конференцзале Музея оружия состоялось торжественное патриотическое мероприятие, посвященное Дню Победы, — презентация книги «Мы помним...» (Тула, 2017), издаваемой как собрание народных материалов о Великой Отечественной

войне в рамках проекта «Горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», реализуемого с 2009 г. Тульским филиалом Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова при активном участии Центра общественных наук МГУ. В мероприятии приняли участие редакторы и авторы книги — председатель Научного совета «Центр общественных наук МГУ» профессор Ю.М. Осипов, профессор РЭУ Л.И. Ростовцева, профессор Ганновского университета Г.-Г. Нольте (Германия), в.н.с. экономического факультета МГУ, к.и.н. И.П. Смирнов.

* * *

Ю.М. ОСИПОВ

История знает и зовет!*

История знает, она знает все в ней и с ней происходящее, что-то намеренно утаивая, что-то зачем-то не договаривая, а что-то, наоборот, отчетливо привнося в историческую память людей, с ней — реальной историей — соприкоснувшихся.

История не только все знает, но и непременно влечет к себе человека живущего, манит его, зовет — не забывать о ней, думать о ней, писать о ней, пусть и не обо всем из исторически случившегося, но все-таки о многом, а главное — о близком, родном, своем!

История — это судьба людей, народов, стран, государств. Наша российская история — сложная, насыщенная событиями, драматическая, а местами и временами — трагическая.

В рамках проекта «*Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов*» были подготовлены и выпущены в свет три книги (в пяти томах) под общим названием «**Мы помним...**» (2010, 2012, 2015), книги воспоминаний, очерков, документов о Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг., ее героических участников, защищавших Родину, всех нас, Великую Россию и не жалевших своей жизни.

Однако память ныне живущих соотечественников обращена не только к той великой войне, но и к мирному времени, в частности, непосредственно послевоенному, начатому в 1945 г. Победой в Вели-

*Предисловие к кн.: «Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Аквариус, 2017. — 828 с.

кой войне и условно закончившемуся в 1953 г. — году смерти И.В. Сталина, под водительством которого и прошла та беспримерно тяжелая, жертвенная война, была одержана славная историческая Победа.

Нынешняя серийная книга, уже четвертая, посвящена как раз послевоенному периоду бытия страны, называвшейся Союзом Советских Социалистических Республик, ее великого народа и живших тогда людей. В этом томе тоже приводятся воспоминания, очерки, документы, а его содержание столь же народно, искренно, честно, как и содержание предшествовавших ему книг. Уверен, что и этот том будет позитивно, сочувственно, может, местами и не без слез — встречен читателем, перед которым раскроется важная глава в истории родной страны, рассказанная не профессиональными историками, а ее гражданами, жившими тогда и живущими сейчас, вроде бы уже в другой, но при этом и во все той же стране — России!

Время с 1945 по 1953 г. — время перехода страны к мирной жизни, демилитаризации и восстановления народного хозяйства, заживления его многочисленных ран, восстановления разрушенных войной городов и деревень, предприятий, путей сообщения, многое из чего было отстроено и создано заново. Это было время всеобъемлющего обновления и созидания, быстрого роста и бурного развития — индустрии, транспорта, связи, строительства, образования, науки, техники, время укрепления обороноспособности страны посредством модернизации армии и создания атомного оружия, а также время еще скрытого, но уже имевшего место реального движения страны в космос.

История все знает — хорошее и плохое, правильное и ошибочное, правдивое и ложное; от истории никому и никуда не уйти, хотя кажется, что она безостановочно проходит и ее уже нет; как раз наоборот, история никуда и насовсем не уходит, она всегда здесь, прямо в памяти людской, но не только — она и в памяти самой истории, которая длится себе и длится, покидая прошлое, проходя через настоящее и устремляясь в будущее.

Историю надо помнить и, по возможности, знать, причем не только старательно написанную профессиональными историками, но и ту, которая хранится в кладовых памяти народной. Вот почему и являются на свет такие замечательные произведения, как «**Мы помним...**», которые есть не что иное, как народный эпос, вполне сознательно создаваемый самим народом.

Книга, которую вы, читатель, держите в своих и, надеюсь, уже с интересом и добрым чувством постигаете — наш с вами ответ на зов истории, может, не во всем правильный и точный, но, безусловно, искренний, в целом и правдивый, а главное — народный!

* * *

21 мая 2017 г. прошло первое заседание Научного совета «Центр общественных наук МГУ», созданного приказом ректора МГУ академика В.А. Садовниченко 20 марта 2017 г. На заседании была обсуждена концепция деятельности Совета, принято положение о Совете и одобрены мероприятия на 2017 г.

* * *

ПОЛОЖЕНИЕ

О научном совете «Центр общественных наук МГУ» Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Общие положения

Научный совет «Центр общественных наук МГУ» (далее Совет ЦОН) создан в соответствии с решением Ученого Совета Московского университета от 21.03.2016 (Протокол № 1) приказом ректора Университета № 596 от 6 июня 2016 г.

1. Полное наименование Совета — Научный совет «Центр общественных наук МГУ», сокращенное наименование — Совет ЦОН. Полное наименование на английском языке — Science Council «Centre for Social Sciences MSU», сокращенное наименование на английском языке — Council CSS.

2. Совет ЦОН в своей деятельности руководствуется Уставом МГУ, настоящим Положением, приказами и распоряжениями по МГУ.

3. Совет ЦОН имеет печать и собственную символику.

4. Местонахождение Совета ЦОН: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46. Почтовый адрес Совета ЦОН: Российская Федерация, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 3-й новый учебный корпус.

I. Основные цели и задачи

1. Основной целью Совета ЦОН является ведение научно-координационной и научно-экспертной работы междисциплинарного профиля в сфере обществоведения и иных гуманитарных наук.

2. Основными задачами Совета ЦОН являются:

— объединение творческих усилий ученых МГУ, России и зарубежья на решении актуальных задач системного развития общественных и гуманитарных наук, в частности философии хозяйства;

— предоставление заинтересованному ученому сообществу возможности систематического обмена мнениями в рамках регулярных научных форумов, а также возможности доведения результатов коллективных и личных исследований до научной и иной аудитории посредством тематических публичных мероприятий и целевых научных изданий;

— доведение наиболее актуальных и содержательно весомых результатов научно-экспертной деятельности до правительственных органов Российской Федерации;

— ведение публицистической деятельности, предназначенной для популяризации актуальных научно-экспертных знаний по профилю Совета;

— реализация Советом и объединяемым им ученым сообществом инициативных научно-исследовательских проектов и участие во внешних научно-экспертных мероприятиях по профилю Совета;

— установление и поддержание творческих и деловых отношений с заинтересованными учреждениями и организациями Российской Федерации и зарубежья.

II. Основные и иные виды деятельности

1. Организация и проведение научных конференций, в том числе международного статуса.

2. Подготовка и издание от имени Совета ЦОН монографий, сборников, периодического научного журнала «Философия хозяйства» в установленном порядке.

III. Права и обязанности Совета ЦОН

1. Совет ЦОН функционирует на основе Устава МГУ и ведет работу в рамках научно-исследовательской деятельности МГУ, проявляя деловую и исследовательскую инициативу в пределах своей компетенции.

2. Совет ЦОН ежегодно планирует свою деятельность и отчитывается за нее перед ректоратом в установленном в МГУ порядке.

3. Совет ЦОН имеет и сохраняет авторские права на научно-экспертную продукцию, выполненную по его инициативе и с его участием, в соответствии с принятым в Российской Федерации законодательством.

4. Совет ЦОН проводит:

— организационно-тематические заседания Совета (не реже 2-х раз в год) с целью обсуждения годовых планов научно-экспертных мероприятий, хода и перспектив деятельности.

— рабочие совещания по планированию и исполнению НИР.

— тематические заседания Совета в виде семинаров, дискуссий, круглых столов.

IV. О составе совета и его руководстве

1. Состав Совета, утверждаемый ректором МГУ, состоит из ведущих ученых МГУ, заинтересованных на добровольной основе в совместной реализации научно-экспертной деятельности, ее тематической координации и повышении эффективности.

2. Руководство Советом осуществляется его председателем, назначаемым ректором МГУ, с участием заместителя председателя и ученого секретариата.

3. Свои решения Совет принимает простым большинством голосов от числа присутствующих на заседании не менее половины членов Совета.

V. Заключительные положения

1. Совет ЦОН функционирует инициативно под эгидой ректората МГУ.

2. Настоящее положение вступает в силу с даты его утверждения Советом.

Анонсы

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

«Европа и Россия сегодня — софийный подход к взаимному бытию»

Большая Европа с большой историей, насыщенной международными связями, деяниями, событиями, сотрудничеством, противоречиями, борьбой, войнами. Сегодня в Большой Европе явное напряжение: по континенту забродил призрак новой холодной войны. Отсюда актуальная потребность во внутриевропейском взаимопонимании в духе мирного сосуществования и на основе возможного пан-европейского компромисса. Софийный подход к решению острой экзистенциальной проблемы на основе христианских ценностей.

Июнь 2017 г.

(Париж,

Свято-Сергиевский Православный богословский институт)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

«Хозяйственный антропогенез: от природы к неприроде»

Человек меняется, может, не столько физически, сколько метафизически: меняется сознание, его начинка, его жизненные и поведенческие ориентации, как и, разумеется, меняются, слово, язык, культура, мораль. Так или иначе, но процесс идет по линии (треку) от природы к неприроде, от естественности к искусственности. Что происходит с человеком, его сознанием и поведением, его собственной природой? Каков главный тренд? И что можно ожидать впереди?

15 июня 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

IV ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ
«Средняя Россия: земля и люди»
на тему:

«Обретение хозяйственной целостности»

Аграрная сфера развивается, достижения налицо. Но нет пока хозяйственной целостности, нет аграрного комплекса. Растениеводство и выход обильной продукции — хорошо, но отсутствует развитие животноводства, как и нет достаточной переработки сельхозпродукции, нет и рынков для отечественных продуктов. Что происходит на практике, есть ли тут какие-либо достижения? Какова государственная политика в этой области? Что предпринимает сама Средняя Россия?

Июнь—июль 2017 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Мучкапский район Тамбовской области)

* * *

Орлёнковские чтения — 2017
НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

**«Мировые геостратегические тренды:
социум, экономика, политика»**

Мир интенсивно меняется. Возникают и усиливаются главные геостратегические тренды. Какие? В планетарном социуме (глобализм, локализм или партикуляризм), в международной политике (США и мир, Россия и мир, Европа, Китай, Индия, БРИКС), в мировой экономике (конкуренция или диктат, рынки или сети, стихия или управление, кризисы или перманентная кризисность...). Что есть мир сегодня и чем он может стать завтра? Проблема мировых напряжений и международной борьбы, включая войну.

Сентябрь—октябрь 2017 г.

Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»
(по специальным приглашениям)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ —
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСПУТ

**«Великое историческое событие: корни, смыслы, плоды.
К 100-летию Российской революции 1917 г.»**

Революционный 1917 г. Сначала Февральская революция, затем Октябрьская — не единый, не общий, но исторически взаимосвязанный процесс грандиозной Российской революции. Что происходило, почему, для чего? Если смысл любой революции не в революции, то тогда в чем же был смысл Российской революции — этого величайшего потрясения страны и знакового события для всего мира? Смысл Февраля и смысл Октября.

Европейские семена революции и ее российские корни. Мировая революция и Россия, Россия и Мировая революция. Бытийная Россия и внебытийная революционная антиРоссия. Грехи и вины России, ее историческая уязвимость перед натиском Революции — антироссийскость российской-де революции.

Роковой 1917 год — заслуга и достояние мировой войны? Мотивация Февраля и мотивация Октября. От Февраля к Октябрю: резкий поворот, но к чему — к мировой революции, социализму, России?

Что дала и не дала стране и миру Октябрьская революция? Революционные и антиреволюционные плоды Октября. Гражданская война. Разгром церкви. Нэп как возврат к Февралю? Феномен сталинизма. Где оказалась и кем была Россия? А если б Российской революции не было? А если б только Февраль? А если б?..

Революция как выворот бытия и антиреволюция как выворот выворота, но уже без возврата к революционно вывернутому.

А что 1990-е гг. — через призму революции, а 2000-е — через призму уже и антиреволюции? Где и как теперь Россия?

25 октября 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**«Россия на пути к России: концептуальный поиск
и хозяйственная стратегия»**

Учитывая тот важнейший факт, что по планетарному миру и по России уже бродит не призрак, а самая настоящая «субстанция перемен», крайне актуально провести широкую научно-экспертную дискуссию относительно движения России к своему новому социально-экономическому облику, уже не сугубо «европейскому», и совсем не «азиатскому», а именно российскому, непредвзято сочетающему актуальную отечественную традицию с новизной. Вот поэтому и «Россия на пути к России» — здесь не так патристическое ожидание, как осознание геостратегической необходимости, подкрепляемой открывшейся перед страной исторической возможностью выйти наконец-то к самой себе, чему упорно способствует ожесточенная глобальная конкуренция в обстановке нарастающего вокруг России геополитического напряжения.

6—8 декабря 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Заявки на конференцию (анкета и тезисы докладов — не более 3000 знаков) будут приниматься по электронной почте <lab.phil.ec@mail.ru> с 25 сентября по 31 октября 2017 г. Обязательно указание темы письма: «Заявка на конференцию декабрь 2017».

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства <http://www.econ.msu.ru/departments/lfn/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ДАВЫДОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат политических наук, младший научный сотрудник, отдел философии, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (*davydovdmitriy90@gmail.com*).

ТРИФОНОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра бухгалтерского учета и финансов, Норильский государственный индустриальный институт, Норильск, Россия (*peopleproperty@mail.ru*).

ГОЛОВИН ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ,

аспирант, экономический факультет, МГУ М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*golovindmitry@rambler.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия (*Dr.roman.sokolov@yandex.ru*).

НИСАНОВ ЯХЬЯ ИСАЙЕВИЧ,

кандидат экономических наук, научный сотрудник, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nissanovy@gmail.com*).

ДЯТЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*oetdsa@yandex.ru*).

ПШЕНИЦЫН ИВАН ВИКТОРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Институт социальных наук, Москва, Россия (*piv3@yandex.ru*).

ПОКРЫТАН ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*pashmsu@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

БАБАЕВ АЛИДЖАН ПИРИДЖАН ОГЛЫ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Азербайджанской государственной экономической университет, Баку, Азербайджан (*ababayev@rambler.ru*).

КАДОМЦЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*skadomtseva@mail.ru*).

КУЗНЕЦОВА ОЛЬГА ИГОРЕВНА,

магистр, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*olgaku1992@bk.ru*).

УЛЯЕВ ЛУКМАН РАФГАТОВИЧ,

аспирант, кафедра математических методов анализа экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*lukman1992@yandex.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

МЕРЗЛЯКОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕВИЧ,

кандидат философских наук, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*merzlyakovss@mail.ru*).

ЛОГИНОВ ГЕННАДИЙ АНДРЕЕВИЧ,

аспирант, кафедра философии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*genloginov@mail.ru*).

НЕЧУХРИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей и славянской истории, декан, факультет истории, коммуникации и туризма, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Белоруссия (*anech@grsu.by*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет, Киев, Украина (*sinjakovsv@gmail.com*).

СЕНЮТКИН КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ,

аспирант, кафедра философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия (*Senutkin@mail.ru*).

ЛЕДЕНЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и философии, доцент, кафедра философии и биоэтики, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Москва, Россия (*ledenevaelena72@mail.ru*).

ЗЛЫГОСТЕВА НАТАЛЬЯ ИЛЬИНИЧНА,

кандидат философских наук, доцент, Вятский социально-экономический институт; главный научный сотрудник, научно-исследовательский центр регионоведения Кировской областной научной библиотеки имени А.И. Герцена (*rektor@vsei.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра количественных методов в менеджменте, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*managerial@mail.ru*).

РЫШКУС ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, Москва, Россия (*ryshkus.v.v@mail.ru*).

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*v.rjanzanov@mail.ru*).

ГРИЦЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

член-корреспондент НАН Украины, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, Киев, Украина (*agrytsenko@ief.org.ua*).

ГРИЦЕНКО ЕЛЕНА АВРАМОВНА,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории, Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого, Харьков, Украина (*agrytsenko@ief.org.ua*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

DAVYDOV DMITRY ALEXANDROVICH,

Candidate of Political Sciences, Research Manager, Department of Philosophy, The institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Ekaterinburg, Russia (*davydovdmity90@gmail.com*).

TRIFONOV EVGENI VASILIEVICH,

Candidate of Economics, Assistant Professor, Department of Accounting and Finance, Norilsk State Industrial Institute, Norilsk, Russia (*peopleproperty@mail.ru*).

GOLOVIN DMITRY SERGEEVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*golovindmitry@rambler.ru*).

SOKOLOV ROMAN EVGENIEVICH,

Candidate of Economics, Assistant Professor, Chair of Economic Theory and World Economics, Moscow University of Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russia (*Dr.roman.sokolov@yandex.ru*).

NISANOV YAKHIYA ISAYEVICH,

Candidate of Economics, Research Manager, High School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nissanovy@gmail.com*).

DYATLOV SERGEY ALEXEEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg, Russia (*oetdsa@yandex.ru*).

PSHENITSIN IVAN VICTOROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Institute of Social Sciences, Moscow, Russia (*piv3@yandex.ru*).

POKRYTAN PAVEL ANATOLIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chair of Political Economy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*pashmsu@mail.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of *Dialectics*, Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

BABAEV ALIJAN PIRIGIAN OGLY,

Doctor of Economics, Professor, Azerbaijan State Economic University, Baku, Azerbaijan (*ababayev@rambler.ru*).

KHADOMTSEVA SVETLANA VLADIMIROVNA,

Doctor of Economics, Professor, Chair of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*skadomtseva@mail.ru*).

KUZNETSOVA OLGA IGOREVNA,

Graduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*olgaku1992@bk.ru*).

ULYAEV LUKMAN RAFGATOVICH,

Graduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*lukman1992@yandex.ru*).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

MERZLYAKOV SERGEY SERGEEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Research Manager, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*merzlyakovss@mail.ru*).

LOGINOV GENNADI ANDREEVICH,

Graduate Student, Chair of Philosophy, Lobachevski Nizhni Novgorod State University, Nizhni Novgorod, Russia (*genlogi nov@mail.ru*).

NECHUKHRIN ALEXANDR NIKOLAEVICH,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean, Faculty of History, Communications and Tourism, Grodno State University, Grodno, Belarus (*anech@grsu.by*).

SINYAKOV SERGEY VASILIEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chair of Philosophy, National Transport University, Kiev, Ukraine (*sinjakovsv@gmail.com*).

SENYUTKIN KIRILL VLADIMIROVICH,

Graduate Student, Chair of Philosophy and Theology, Nizhni Novgorod State Pedagogical University of Kozma Minin, Nizhni Novgorod, Russia (*Senutkin@mail.ru*).

LEDENEVA ELENA VLADIMIROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, First Moscow State Medical University, Moscow, Russia (*ledenevaelena72@mail.ru*).

ZLYGOSTEVA NATALIA ILIYINICHNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Vyatka Social-Economic Institute; Senior Researcher, Scientific Research Center of Regional Studies Kirov Regional Scientific Library (*rektor@vsei.ru*).

SHEVCHENKO IGOR GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*managerial@mail.ru*).

RYSHKUS VLADISLAV VALEREIVICH,

Candidate of Economics, Moscow, Russia (*ryshkus.v.v@mail.ru*).

RYAZANOV VIKTOR TIMOFEEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (*v.rjazanov@mail.ru*).

GRYTSENKO ANDREY ANDREEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Ukraine Institute of Economics and Forecasting, Kiev, Ukraine (*agrytsenko@ief.org.ua*).

GRYTSENKO ELENA AVRAMOVNA,

Doctor of Economics, Professor, Chair of Economic Theory, National Law University, Kharkov, Ukraine (*agrytsenko@ief.org.ua*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Research Manager, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 30 000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках:

- сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле);
- названия статьи;
- аннотации;
- ключевых слов;
- списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе должны включать:

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- ученая степень, звание;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Каждая статья должна сопровождаться индексом УДК, ББК (в левом верхнем углу до названия).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом (не допускается использование других стилей), располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сна-

чала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: перевод на английский язык (как правило, для свежих статей, если в оригинале имеется авторский вариант перевода) или транслитерация.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). **Рисунки и схемы**, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Название — под рисунком. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается РИСО.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных не предназначенных для открытых публикаций несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала:

Материал, предлагаемый для публикации в журнале, должен быть оригинальным и ранее не публиковавшимся в других научных изданиях. Опубликованные в статье данные должны иметь указание на источники.